ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА

род. 1796 г., † 1872 г.

Записки Николая Викторовича Веригина поступили въ редакцію „Русской Старины“ еще въ 1870 году; авторъ ихъ скончался 6-го марта 1872 года, въ Моршанскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, въ д. Нарядной, въ преклонныхъ лѣтахъ. Воспоминанія Веригина въ живомъ разсказѣ, яркими красками рисуютъ военный бытъ въ Варшавѣ, въ царствованіе императора Александра I, и всѣ невзгоды, постигшія тамъ Николая Викторовича во время его службы въ л.-гв. Литовскомъ полку.

Ред.

I.

Мой дѣдъ послѣ злодѣйствъ Пугачева оставилъ дѣтямъ своимъ очень въ маломъ видѣ достояніе свое, жалованное предкамъ нашимъ за заслуги около Казани. Большое село Шихъ-алеево, принадлежавшее казанскому царевичу Шихъ-алею и пожалованное предку нашему царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, перешло отцу моему и дядѣ, отъ раздробленія по разнымъ случаямъ, во владѣніе только въ числѣ 40 душъ.

Въ 60-ти верстахъ отъ Казани, за р. Камою, была пожалована, и кажется царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, д. Нагашева съ большимъ количествомъ земли. Помню, когда отецъ мой, слишкомъ 60-ть лѣтъ тому назадъ, ѣздилъ въ Москву для отысканія актовъ на жалованныя земли около д. Нагашевой, а какъ средства его къ отысканію были очень скудны, то и отведено было, послѣ продолжительной тяжбы съ богатымъ сосѣдомъ, вышедшимъ изъ купцовъ въ дворяне, отцу моему только 500 дес.

къ д. Нагашевой. Я читалъ еще въ молодыхъ годахъ нѣкоторые акты на жалованныя земли и видѣлъ, что межевыхъ признаковъ, которыми опредѣлялось владѣніе наше землею, никакой не было возможности отыскать. Тамъ говорилось, что идетъ межа отъ владѣнія такихъ-то сосѣднихъ деревень съ Васькина куста на горѣлый пень, а съ горѣлаго пня на Дунькину щель и тому подобное. Всѣ эти признаки въ теченіе 200 лѣтъ и болѣе уничтожились или въ названіяхъ измѣнились и судъ смѣло могъ рѣшить въ пользу того, кто владѣлъ заводами, какъ молва говорила, устроенными на нашихъ земляхъ.

Еще предкамъ нашимъ были жалованы земли около г. Свіяжска, иныя населенныя, а другія въ пустошахъ, но все это въ теченіе вѣковъ утратилось; по какимъ-же случаямъ—узнать было уже невозможно.

Девяностолѣтній кучеръ дяди моего, Карпушка, отваживая меня, 10-ти лѣтняго ребенка, въ гимназію изъ Шихъ-алеева, куда бралъ меня дядя съ субботы на воскресенье или другіе праздники, разсказывалъ мнѣ, что прадѣдъ мой, а его старый баринъ, „дай ему Богъ царствіе небесное, собиралъ, бывало, насъ, молодыхъ ребятъ, человѣкъ до ста на кулачный бой и мы, выпивъ, бывало, вотъ въ этомъ кабакѣ изъ барскихъ рукъ по стакану вина, ѣхали вонъ въ эту Татарскую слободу, гдѣ шли стѣною противъ татарвы, и, Господи Боже мой, сколько бывало золотомъ шитыхъ тюбятеевъ набирали, какъ, бывало, погонимъ поганыхъ“.

Этотъ разсказъ поясняетъ заботливость помѣщиковъ петровскихъ временъ о своихъ владѣніяхъ, и мудрено-ли послѣ этого, что впослѣдствіи, когда правительство признало необходимымъ для общаго покоя привести въ извѣстность границы земель помѣщичьихъ, многіе помѣщики не могли доказать актами границъ своихъ владѣній, а по недоказательству лишались своей собственности. Такимъ помѣщикамъ было не до актовъ и не до обширныхъ своихъ пустопорожнихъ владѣній, на которыхъ селились друзья и знакомые: они пировали, ѣздили съ своими крестьянами на казанскіе кулачные бои и не думали, что внукамъ ихъ придется выслушать за нихъ отвѣтъ муравья: „такъ поди-же попляши“. И, точно, поплясали мой отецъ и дядя отъ наслѣдства, котораго мы уже не наслѣдовали.

Отецъ мой женился, занималъ исправническое мѣсто 12 лѣтъ, не имѣлъ въ своемъ домѣ даже обыкновеннаго столоваго вина, а не только какой-либо высшей прихоти, садилъ гостей своихъ только-что не на деревянныя скамьи по обычаю нашихъ предковъ, и принужденъ былъ для нѣкотораго образованія своихъ дѣтей, а ихъ было 7, продать остатки того въ Казани имѣнія, которое напоминало давность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣднѣлость вашего казанскаго рода. Помню, что старый дворянинъ приходилъ въ сильное негодованіе, когда давали чувствовать ему, что онъ не умѣлъ обезпечить не только себя, но и всѣхъ своихъ дѣтей 12-тилѣтнимъ своимъ исправничествомъ: ему презрительны были исправническія средства пріобрѣтеній. Отвращеніе къ непозволительнымъ пріобрѣтеніямъ столь было сильно въ моемъ отцѣ, что скоро ни одинъ проситель и ни одинъ тяжущійся не смѣлъ даже и предлагать ему подарковъ, и слѣдствіемъ этого безкорыстія была нужда, а съ нуждою и забвеніе о дворянинѣ обществомъ, которое, большею частію, состояло изъ людей, не однихъ съ нимъ правилъ.

II.

Я былъ отданъ, 9-ти лѣтъ отъ роду, послѣ домашняго ученья, въ казанскую гимназію пенсіонеромъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1805 г., въ годъ открытія казанскаго университета. За воспитаніе и содержаніе въ гимназіи вносилъ отецъ 250 р. ас.—это то-же, что серебромъ, рубль серебряный тогда ходилъ 1 р. ас. Въ гимназіи было, для поступленія въ университетъ или выхода на службу, по каждому предмету 3 класса: нижній, средній и высшій. Гимназисты были казенные, пенсіонеры и своекоштные. Казенные и пенсіонеры помѣщались въ комнатахъ нижняго этажа нынѣшняго университета; первыхъ было, кажется, до 40, послѣднихъ—до 20.

Назадъ тому 50 лѣтъ, зданіе университетское было не въ томъ видѣ, какъ нынѣ; оно было очень помѣстительно какъ для учащихся, такъ и для учащихъ, но не сливалось еще отъ одного конца до другаго подъ одну почти крышу, хотя мѣсто занимало то-же, какое и теперь состоитъ подъ всѣми университетскими

зданіями. Въ комнатахъ мы были размѣщены по возрастамъ, и въ каждой комнатѣ находился изъ отставныхъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ надзиратель, который въ той комнатѣ и спалъ съ нами. У каждаго воспитанника была особая кровать съ ящиками для платья, книгъ и бумагъ, и на каждую комнату дядька, который былъ обязанъ убирать свою комнату. При мнѣ былъ свой дядька, который помѣщенъ былъ служителемъ той комнаты, гдѣ я находился.

Въ 6 часовъ утра насъ будили, въ 7 часовъ водили въ залъ, во второмъ этажѣ, выпить стаканъ сбитню, а лѣтомъ молоко съ булкою изъ пшеничной муки. Въ 8 часовъ отправлялись мы въ классы, которые находились во второмъ этажѣ. Дежурный надзиратель по комнатамъ выстраивалъ насъ въ комнатахъ во фронтъ и, скомандовавъ „налѣво“, велъ насъ къ завтраку, къ обѣду и въ классы. Кромѣ комнатныхъ надзирателей былъ надъ нами главный надзиратель, самый страшный нашихъ шалостей гонитель, Василій Петровичъ Упадышевскій, небогатый казанскій помѣщикъ, но въ классахъ власть его надъ нами прекращалась. Въ комнатахъ и классахъ помѣщались мы безъ различія званій, но за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ потомственные дворяне сидѣли за особымъ столомъ отъ разночинцевъ. Я говорю нынѣшнимъ языкомъ потомственные, а тогда кричали „столбовой!“ Помнится, за дворянскимъ столомъ подавалось лишнее блюдо. Вообще, кушанье было хорошо, несмотря на дѣтскій ропотъ, что экономъ, завѣдывавшій всѣми запасами для стола, наживался отъ всякой всячины.

Въ классахъ за ученіемъ нашимъ наблюдалъ такъ называвшійся инспекторъ классовъ, который избирался изъ старшихъ учителей. Надъ учителями, учениками и, вообще, надъ всѣмъ, входившимъ въ составъ гимназическаго управленія, высшая власть сосредоточивалась въ директорѣ гимназіи. Въ мое время директоромъ гимназіи былъ профессоръ университета и учитель исторіи и географіи въ гимназіи, Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ, инспекторомъ классовъ профессоръ университета и учитель логики въ гимназіи—Лубкинъ, (имя и отчество забылъ уже). Лѣнивыхъ, шалуновъ наказывалъ розгами или инспекторъ классовъ, или, по порученію инспектора, главный надзиратель, а за самые большіе проступки самъ директоръ. Илья Ѳедоровичъ сѣкъ больно. Впро-

чемъ, наказаніе розгами было рѣдко, а большею частію дѣтей лишали завтрака, обѣда, ужина, и иногда, что̀ дѣлалось еще рѣже наказанія розгами, одѣвали буяна въ крестьянскій сѣрый зипунъ и во время обѣда ставили за особый столикъ, на которомъ лежалъ кусокъ чернаго хлѣба, ставились деревянная солонка, деревянный стаканъ воды и столикъ покрывался рогожкою. И таковъ человѣкъ во всѣхъ возрастахъ,—онъ смотритъ на своего собрата, какъ на страдальца, а не какъ на виновнаго, достойно наказаннаго: дѣти отъ своего кушанья прятали въ карманы бѣлый хлѣбъ, пироги и передавали въ комнатахъ собрату, стоявшему за, такъ называемымъ, чернымъ столомъ.

Ученіе наше раздѣлялось на классы: низшій, средній и высшій. Изъ высшихъ классовъ по всѣмъ предметамъ переводились ученики въ университетъ. Съ 1805 г. по 1813 г. я учился въ гимназіи большею частью лѣниво, бывали порывы и къ прилежанію, но это были только вспышки моего характера, а не влеченіе къ наукѣ. Меня перетащили, 8-го іюля 1813 года, въ университетъ. Признаюсь, одинъ недостатокъ студентовъ по числу профессоровъ многимъ изъ насъ далъ возможность поступить въ университетъ, но, при строгомъ экзаменѣ, мы не стоили быть даже въ высшихъ классахъ гимназіи, а не только быть произведенными въ студенты. Не буду упрекать учителей, чтобы они были невнимательны къ успѣхамъ и нерадѣнію учащихся, чтобы не умѣли растолковывать дѣтямъ, для будущей ихъ жизни, пользу науки и выгоду хорошаго поведенія. Бо̀льшая часть учителей гимназіи, въ мое время, всѣ средства употребляла, чтобы мы учились хорошо, но въ крови русскаго ребенка еще нѣтъ той усидчивости, которая требуется для науки, а безъ терпѣнія и съ хорошими способностями не пріобрѣтетъ положительныхъ свѣдѣній учащійся въ какомъ-бы то ни было учебномъ заведеніи. Я схватывалъ кое-какія знанія набѣгу въ гимназіи, гдѣ иногда страхъ остаться безъ обѣда, сидѣть въ карцерѣ—садили меня за заданный урокъ, но въ университетѣ не было такихъ понужденій и оттого лѣность, невниманіе къ преподаваніямъ профессоровъ шли со мною объ руку до конца 1815 года, когда я оставилъ университетъ и счелъ за лучшее поступить въ военную службу. Съ истиннымъ уваженіемъ вспоминаю теперь, въ мои слишкомъ 60 лѣтъ, о лекторѣ Браунѣ и инспекторѣ, знаменитомъ идил-

листѣ, Броннерѣ, которые заставляли меня, лѣнивца, учиться, но ихъ благородныя убѣжденія и совѣты не дѣлали меня прилежнымъ.

III.

Въ сентябрѣ 1815 года я пріѣхалъ изъ Уфы въ С.-Петербургъ вмѣстѣ съ тремя братьями гг. Жуковскими, изъ коихъ двое младшихъ вышли изъ казанской гимназіи для поступленія, какъ и я, въ военную службу, а старшій, Николай Васильевичъ, служилъ въ гор. Челябѣ стряпчимъ, для полученія мѣста въ сенатѣ. Скажу здѣсь, чтобы не остаться неблагодарнымъ, что Николай Васильевичъ, бывшій впослѣдствіи прежде оренбургскимъ, а потомъ с.-петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ и сенаторомъ, былъ ко мнѣ расположенъ родственно, братья-же его Иванъ, потомъ знаменитый, но слишкомъ щедрый для другихъ и для себя вредный золотопромышленникъ, и Григорій, впослѣдствіи симферопольскій военный губернаторъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ молодыхъ годахъ были моими истинными друзьями. Этихъ трехъ братьевъ можно назвать олицетворенною добротою.

Николай Васильевичъ, предполагая во мнѣ и въ своихъ братьяхъ много свѣдѣній, назначилъ намъ вступить въ свиту и мы подали прошеніе для выдержанія экзамена, какъ теперь помню, полковнику свиты Хатову. Насъ экзаменовали въ штабѣ въ числѣ другихъ нѣсколькихъ желающихъ, между коими былъ Коцебу, и всѣмъ намъ объявили, чтобы мы доучились, на что данъ былъ намъ двухмѣсячный срокъ.

Мы возвратились въ свою скромную квартиру, гдѣ принялся доучиваться одинъ Григорій. Я-же съ Иваномъ почти и не брались за грифели, а повторять зады изъ исторіи русской и всеобщей, изъ географіи и другихъ необходимыхъ для свитскаго офицера наукъ было свыше нашего терпѣнія, и Николай Васильевичъ рѣшилъ, наконецъ, помѣстить братьевъ своихъ во второй кадетскій корпусъ, я-же отправился въ Дворянскій полкъ, гдѣ, надобно замѣтить, въ то время нѣсколько знаній въ наукахъ давали большой вѣсъ дворянину.

Дворянскій полкъ былъ сформированъ, въ 1805 г., изъ дворянъ всего нашего государства, послѣ первыхъ исполинскихъ битвъ съ исполиномъ всего міра, который хотѣлъ создать, по своимъ высокимъ помысламъ, на морѣ крови правительства и преобразовать въ нравственномъ и вещественномъ отношеніи весь родъ человѣческій. Въ этотъ полкъ губернскія власти доставляли въ первые годы на казенный счетъ неимущихъ дворянъ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ до возмужалыхъ. Бо́льшая часть дворянъ въ первые годы набирались безграмотными и ихъ учили въ полку читать и писать, а ариѳметика преподавалась только тѣмъ, чья память была доступна для этой науки. Многимъ было свыше 30 лѣтъ, нѣкоторые были давно женаты и имъ пришлось, наконецъ, учиться читать и писать предъ полученіемъ офицерскаго чина.

Дворянскій полкъ, какъ и всѣ военныя учебныя заведенія, состоялъ подъ начальствомъ его императорскаго высочества государя цесаревича Константина Павловича, во время моего вступленія въ полкъ проживавшаго въ столичномъ городѣ Царства Польскаго—Варшавѣ. Въ этомъ полку во 2-мъ баталіонѣ былъ подпоручикомъ и баталіоннымъ адъютантомъ соученикъ мой по казанской гимназіи Бобылевъ, который квартировалъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ подпоручикомъ Андреемъ Ивановичемъ Чихачевымъ. Эти два офицера и поручикъ того-же полка Петръ Христофоровичъ Граббе уговорили меня и товарища моего по университету Пивоварова вступить въ Дворянскій полкъ, гдѣ производство въ офицеры, по мнѣнію ихъ, скорѣе могло послѣдовать, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ полку, особенно въ гвардейскомъ, куда приняли-бы насъ юнкерами и никакъ къ производству въ офицеры не уважили-бы университетскаго нашего права на военный чинъ чрезъ шесть мѣсяцевъ, а въ доказательство приводили примѣръ на нашихъ-же университетскихъ товарищахъ, служившихъ уже многіе годы въ разныхъ гвардейскихъ полкахъ юнкерами.

Подъ руководствомъ Бобылева, Чихачева и Граббе, подали мы на имя государя цесаревича прошеніе на принятіе насъ въ Дворянскій полкъ для изученія фронтовой службы и, въ 1816 г. 26-го ноября, были зачислены 2-го баталіона въ 4-ю роту.

Дворянскимъ полкомъ въ мое время командовалъ генералъ-маіоръ Ѳедоръ Григорьевичъ Гольтгойеръ, баталіономъ 1-мъ

полковникъ Брайко, 2-мъ—полковникъ Христіанъ Ивановичъ Вилькенъ.

Надобно замѣтить, что по одному происшествію, за годъ до моего вступленія или прежде, молва была о Дворянскомъ полкѣ самая дурная и объ этой молвѣ я узналъ на станціи къ Москвѣ. Вотъ какъ это было.

Въ 1815 году покойный императоръ Александръ Павловичъ въ первый разъ посѣтилъ Москву[1]) послѣ сожженія этой столицы нашими патріотами, чѣмъ положили, по мнѣнію многихъ, начало паденію Наполеона. По отъѣздѣ государя императора изъ разрушенной своей столицы, вся московская знать поскакала въ огромныхъ экипажахъ, съ большимъ числомъ прислуги, на почтовыхъ въ свои вотчины или въ тѣ города, гдѣ пріютилась во время квартированія французовъ въ ихъ московскихъ дворцахъ, патріотизмомъ русскихъ разрушенныхъ. Почти подъ самою Москвою мы встрѣтили первый транспортъ московской знати, которая забирала всѣхъ почтовыхъ лошадей и насъ, уфимскихъ путниковъ, заставляла сидѣть на станціяхъ многіе часы. На одной изъ станцій, вслѣдъ за нашимъ пріѣздомъ, вошло въ комнату, гдѣ мы просили станціоннаго смотрителя о двухъ тройкахъ подъ наши повозки, большое семейство. Пожилая барыня съ двумя взрослыми дочерьми, гувернантками, приживалками, сѣли за столъ, который тотчасъ прислуга накрыла скатертью, принесла закуску и богатое семейство приступило къ ѣдѣ, къ которой вскорѣ подоспѣли провожатые семейства—два молодыхъ гвардейскихъ офицера, изъ коихъ одинъ былъ, какъ узнали мы послѣ, Пашковъ, а другой Обрѣзковъ. По окончаніи завтрака, пожилой господинъ съ двумя на груди звѣздами, отецъ двухъ прекрасныхъ дѣвицъ, подошелъ къ старшему Жуковскому и спросилъ его: откуда онъ, куда ѣдетъ и какъ его фамилія?

На послѣдній отвѣтъ спросилъ бояринъ: „не родня-ли онъ Василію Андреевичу Жуковскому“, а когда узналъ, что нѣтъ у

---

[1]) Здѣсь авторъ ошибочно указываетъ на 1815 г.: императоръ Александръ впервые посѣтилъ Москву послѣ сожженія ея не въ 1815 г., а въ 1816 г. (выѣхалъ изъ Спб. 10-го августа и возвратился 12-го октября). Въ 1815 г. Александръ Павловичъ находился заграницею, откуда возвратился въ Петербургъ только 1-го декабря. Ред.

Жуковскихъ и фамильнаго родства съ знаменитымъ поэтомъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ о фамиліи. На мой отвѣтъ, такъ продолжалъ со мною разговоръ:

— „Вамъ родия Михаилъ Ѳедотовичъ Веригинъ?“

„Я не имѣлъ чести и слышать о моемъ однофамильцѣ, было моимъ отвѣтомъ, хотя, замѣчу, я и имѣлъ къ нему письмо отъ нашего однофамильца уфимскаго прокурора Андрея Артамоновича Веригина, но, наслышавшись о надутости Михаила Ѳедотовича, не собирался ознакомиться съ его кабинетомъ“.

— „Это мой другъ, я его знаю образъ мыслей о своихъ однофамильцахъ и потому совѣтую вамъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, съѣздить къ нему и сказать отъ меня, что я вамъ посовѣтовалъ представиться ему, но скажите—въ какую службу и куда хотите вы поступить“.

„Я думаю поступить въ Дворянскій полкъ“.

При этомъ названіи полка, господинъ съ двумя звѣздами, съ осанистымъ своимъ видомъ, отступилъ отъ меня на два шага и вскричалъ такъ, что дамы и всѣ ихъ окружавшіе обратили на насъ вниманіе: „Какъ, вы, Веригинъ, хотите вступить въ волонтерный полкъ, въ полкъ, куда собраны негодяи всѣхъ родовъ, буяны, пьяницы, разбойники, которые грабятъ лавки; да что, недавно тамъ одинъ изъ этихъ сорванцевъ зарѣзалъ своего роднаго дядю и утащилъ у него часы, и вы хотите вступить въ этотъ полкъ! Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого, явитесь, какъ я вамъ совѣтую, къ Михаилу Ѳедотовичу, онъ вамъ доставитъ возможность вступить въ такой полкъ, гдѣ вашей фамиліи не будетъ укору, скажите ему, что Василій Сергѣевичъ Шереметевъ просилъ васъ не вступать въ волонтерный полкъ“.

Можетъ быть, кончилось-бы даже тѣмъ, что Василій Сергѣевичъ Шереметевъ далъ-бы мнѣ письмо къ Михаилу Ѳедотовичу, о чемъ онъ, помнится, въ разговорѣ даже упоминалъ, но лошади были заложены, жена не разъ подходила съ напоминаніемъ объ отъѣздѣ и сенаторъ Шереметевъ уѣхалъ, а я въ Дворянскій полкъ пріѣхалъ.

До 1817 года сентября 2-го я большею частію проводилъ время у Бобылева или съ Андр. Ив. Чихачевымъ, или у Петра Христофоровича Граббе. На баталіонныхъ и особенно ротныхъ ученьяхъ бывалъ рѣдко и все это допускалось баталіоннымъ и

ротнымъ моими командирами изъ любви къ Бобылеву и Чихачеву, а особенно Граббе; маршировка и ученье ружьемъ, какъ главныя занятія кадетъ Дворянскаго полка, не признавались необходимою принадлежностью для меня, Пивоварова и еще одного изъ нашихъ соучениковъ по казанской гимназіи Кожевникова, поступившаго въ Дворянскій полкъ слишкомъ за годъ до насъ и постоянно жившаго у Бобылева, какъ у своего земляка, кажется по городу Лаишеву.

Въ 1817 году я былъ переведенъ во 2-ю гренадерскую роту и произведенъ въ фельдфебеля этой роты. Фельдфебель 1-й гренадерской роты въ 1-мъ баталіонѣ и фельдфебель 1-й гренадерской роты во 2-мъ баталіонѣ не командовали своими ротами, а исполняли должность баталіонныхъ адъютантовъ и назывались помощниками баталіоннаго адъютанта. На помощникахъ адъютантовъ лежала обязанность являться прямо къ баталіоннымъ своимъ командирамъ, получать отъ нихъ приказанія, отдавать нарядъ и всѣ вообще распоряженія письменными приказами ротамъ, гдѣ приводили все въ исполненіе фельдфебеля ротъ. Для командованія гренадерскими ротами избирались изъ унтеръ-офицеровъ лучшіе для исправленія должности фельдфебеля. Во время ученья фельдфебеля командовали дивизіонами, унтеръ-офицеры взводами, а помощникъ адъютанта баталіономъ. Каждый баталіонъ дѣлился на 8 ротъ: на 7 мушкетерскихъ и одну гренадерскую. Въ числѣ 6-ти мушкетерскихъ ротъ одна была во 2-мъ баталіонѣ, 5-я, для малолѣтнихъ, гдѣ находились дворяне отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ, переводимые въ мушкатерскія роты. Изъ мушкетерскихъ ротъ поступали достойные по поведенію, знанію фронтовой службы и небольшой грамотности въ гренадерскія роты, а изъ этихъ производились въ офицеры во всѣ полки арміи и иногда гвардіи. До 1812 года государь цесаревичъ съ отеческою заботливостію лично занимался военно-учебными заведеніями и особенно Дворянскимъ полкомъ, который на лѣто переходилъ въ Стрѣльну, мѣсто пребыванія Константина Павловича; тогда, подъ высокимъ безпристрастіемъ своего отца, каждый достойный могъ расчитывать на вѣрное счастіе. Сколько слышалъ я разсказовъ о великодушіи, снисходительности, заботливости къ тѣмъ и о тѣхъ, кто могъ выводить изъ терпѣнья своими шалостями и не высокаго сподвижника Суворова. Послѣ

переѣзда государя цесаревича въ г. Варшаву для управленія Царствомъ Польскимъ по гражданской части посредственно, и командованія военною непосредственно, Дворянскій полкъ, остался по хозяйственной части подъ высшимъ завѣдываніемъ генералъ-маіора Маркевича, какъ директора 2-го кадетскаго корпуса [1]), при которомъ состоялъ Дворянскій полкъ, и по военной части подъ командою, какъ я уже сказалъ, генералъ-маіора Гольтгойера, какъ полковаго командира Дворянскаго полка.

Помощникъ адъютанта имѣлъ свою канцелярію, которая состояла для письмоводства изъ нѣсколькихъ дворянъ письмоводителей. Я помѣщался въ двухъ большихъ комнатахъ особой казармы отъ ротныхъ казармъ со своимъ канцелярскимъ штатомъ. Помощникъ адъютанта былъ, можно сказать, командиромъ баталіона и отъ того всѣ вообще офицеры обходились съ этимъ лицомъ, самымъ ближайшимъ къ баталіонному командиру, очень учтиво.

Не буду описывать со всею подробностію состава ротъ, баталіоновъ, ихъ управленія; все это даже забыто мною, а скажу здѣсь о житьѣ моемъ на начальническомъ мѣстѣ. Помощники адъютантовъ и фельдфебеля брали взятки съ дворянъ и особенно новичковъ. Я объявилъ при самомъ вступленіи въ должность войну взяткамъ и имѣю право сказать, что зла во 2-мъ баталіонѣ, если не совершенно, то большаго не было въ теченіе моего надзора за этимъ баталіономъ. Если и нынче нельзя еще не согласиться, что у насъ всѣ воруютъ, то во времена до 1820-хъ и даже до 1860-хъ годовъ полковые командиры, баталіонные ротные откровенно толковали между собою о своихъ благопріобрѣтеніяхъ, а какъ каждый баталіонъ Дворянскаго полка обмундировывался, обшивался только однимъ своимъ баталіоннымъ командиромъ, то ротнымъ командирамъ болѣе уже ничего не оставалось, какъ принимать подарки только отъ дворянъ своей роты. Самый значительный доходъ былъ при экзаменѣ дворянъ къ производству въ офицеры, но это только тѣмъ офицерамъ, которые экзаменовали и аттестовали дворянъ; помню двухъ поручиковъ Свѣтловыхъ, подполковника Бородина; они были окончательными экзаменаторами и жили хорошо.

---

[1]) Андрей Ивановичъ Маркевичъ род. въ 1769 г., † въ 1832 г. генералъ-лейтенантомъ. Ред.

Дворяне получали изъ дому деньги, которыя хранились у баталіонныхъ командировъ. Каждую субботу полковникъ приносилъ въ конвертахъ запечатанныя деньги въ баталіонную канцелярію, гдѣ вынималъ изъ конверта деньги, отдавалъ письмо дворянину и спрашивалъ его, много-ли ему нужно изъ присланныхъ ему отъ родителей или родныхъ денегъ и на что́ именно. Выдавъ просимое, остальныя деньги хранились у полковника впредь до слѣдующей выдачи. Приходъ и расходъ дворянскихъ денегъ баталіонные командиры вели своеручно съ такою отчетливостію, которая очищала ихъ отъ всякихъ оскорбительныхъ для чести догадокъ.

Баталіонный мой командиръ, котораго точно долженъ я назвать своимъ отцомъ-начальникомъ, былъ полковникъ Христіанъ Ивановичъ Вилькенъ. Послѣ одной изъ выдачъ дворянамъ денегъ, я представилъ моему полковнику—не угодно-ли будетъ допустить ему пожертвованіе денегъ отъ дворянъ, кто сколько хочетъ, но не менѣе десятаго процента съ присланныхъ имъ денегъ для покупки книгъ, которыхъ, надобно замѣтить, во всѣхъ ротахъ не было ни одной. Христіанъ Ивановичъ принялъ отъ меня письменное начертаніе объ устройствѣ библіотеки 2-го баталіона при баталіонной канцеляріи, представилъ его генералу Гольтгойеру и въ первую-же субботу было собрано на библіотеку столько, что можно было наполнить три большихъ шкафа книгами полезными для той молодежи, которая послѣ фронтоваго ученья обыкновенно занималась чисткою ружей, бѣленьемъ аммуниціи, лакировкою сапогъ, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что образуетъ руки и ноги, а не голову и сердце. Надежнымъ дворянамъ отпускались книги въ роты съ тѣмъ, чтобы они читали вслухъ своимъ товарищамъ. Книги были куплены чисто военныя, историческія, географическія, математическія, въ Гостинномъ ряду, въ лавкѣ книгопродавца Заикина. Былъ поставленъ въ канцеляріи глобусъ земнаго шара и развѣшаны ландкарты всѣхъ частей свѣта на стѣнахъ. Для чтенія назначена была особая комната противъ библіотеки, въ которой стояла моя кровать.

Я видѣлъ, что отзывъ Василія Сергѣевича Шереметева былъ о волонтерномъ, какъ онъ называлъ, полку большею частью справедливъ, но не занятый умственно дворянинъ, не сдерживаемый отъ буйныхъ шалостей ничѣмъ, кромѣ розогъ, другаго

не находилъ удовольствія, какъ отправляться тайкомъ въ мелочныя лавочки, спускаться въ винные погребки, которыхъ сзади казармъ въ улицахъ было множество. Нерѣдко ротные командиры сильно сѣкли буяновъ, а мой Христіанъ Ивановичъ за большіе проступки иногда наказывалъ предъ баталіономъ, гдѣ уже дворянинъ со скамейки самъ не могъ встать. До 1,000 дворянъ, поступившихъ (въ мое время уже не высылали изъ губерній дворянъ противъ ихъ воли въ Дворянскій полкъ) со всей Россіи въ каждый баталіонъ, и большею частію безъ всякаго образованія, а съ одними дикими порывами своихъ страстей, управлялись почти однимъ страхомъ наказанія и иногда ужаснаго. По моему мнѣнію чтеніемъ книгъ можно было удерживать дворянъ отъ праздности и съ ней отъ проступковъ, съ чѣмъ, разумѣется, никто и не спорилъ.

Книги были уставлены по предметамъ, на шкафахъ были надписи: книги историческія, математическія, и пр., и пр.; столы со стульями помѣщены противъ шкафовъ. Генералъ Гольтгойеръ въ первое-же воскресенье осмотрѣлъ библіотеку по докладу Христіана Ивановича о сформированіи библіотеки, взялъ съ собою исторію Жомини, расхвалилъ выборъ книгъ, которымъ, впрочемъ, предъ покупкою былъ представленъ на утвержденіе полковника реестръ, но генералъ Маркевичъ ничего не зналъ о существованіи библіотеки въ 2-мъ баталіонѣ Дворянскаго полка.

Генералъ Гольтгойеръ, который не подчинялся ген. Маркевичу, но о какихъ-либо перемѣнахъ долженъ былъ извѣстить того, кто заступалъ мѣсто шефа Дворянскаго полка, ничего не говорилъ ген. Маркевичу о заведеніи во 2-мъ баталіонѣ библіотеки. Въ одно воскресенье, когда проводилъ уже я ген. Гольтгойера и полковника Вилькена изъ казармъ, куда обыкновенно приходили они для осмотра всего, и воротился въ библіотеку съ квартиры моего полковника, котораго всегда провожалъ до его кабинета и выпивалъ у него чашку кофе, вдругъ вошелъ, минуя всѣ казармы, которыхъ было до моей, гдѣ я жилъ, 8, въ библіотеку ген. Маркевичъ. Сидя за книгою, я вскочилъ со стула, подошелъ къ генералу, чтобы рапортовать ему о благополучіи баталіона, но онъ, окидывая глазами бѣгло шкафы съ книгами и ландкарты, началъ говорить отрывисто:

„Хорошо, хорошо... не надо,—это что... это откуда?“

Я счелъ не неприличнымъ пояснять, что это библіотека, заведенная изъ пожертвованныхъ денегъ дворянами.

— „Да, да“, и, не обращаясь ко мнѣ, осматривая книги, повторилъ не разъ: „хорошо, хорошо... но кто позволилъ сборъ денегъ... я не знаю, его импер. высочество не знаетъ... странно, странно“.

Въ концѣ отрывистаго съ собою разговора, вошли дежурный офицеръ по баталіону и дежурный по полку, которымъ дали знать о приходѣ генерала, какъ выражались тогда, въ казармы 2-го баталіона. Генералъ, не обращаясь къ офицерамъ съ вопросомъ о библіотекѣ, пошелъ прямо къ ген. Гольтгойеру, гдѣ, вѣроятно, былъ разговоръ жаркій. Христіанъ Ивановичъ въ тотъ-же еще вечеръ, когда я у него былъ съ вечернимъ рапортомъ, сказалъ мнѣ, что генералъ намылъ Ѳедору Григорьевичу голову за библіотеку, на заведеніе которой, по мнѣнію ген. Маркевича, даже слѣдовало испросить повелѣніе его имп. высочества; но кончилось тѣмъ, что безъ всякихъ представленій допущено было имѣть баталіонную библіотеку при канцеляріи помощника адъютанта, и существованіе библіотеки, до моего выпуска въ офицеры изъ 2-го баталіона, упрочилось.

Въ праздники и по воскреснымъ днямъ дворянъ распускали по билетамъ баталіоннаго командира къ роднымъ или знакомымъ. Я проводилъ время, попрежнему, въ свободные часы отъ службы, у Андрея Ивановича Чихачева и Петра Христофоровича Граббе, которые истинно дружески ко мнѣ были привязаны. Иногда отправлялись къ Никол. Васильев. Жуковскому, вступившему въ сенатъ, а потомъ перешедшему въ канцелярію сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля [1]).

Еще былъ у меня по гимназіи товарищъ Евграфъ Вас. Журавлевъ, служившій по гражданской части и жившій у нашего историка Дмитрія Ивановича Языкова. Здѣсь собирались всѣ мои университетскіе товарищи и проводили время въ разговорахъ

[1]) Н. В. Жуковскій отправился впослѣдствіи въ Сибирь на службу вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ новаго генералъ-губернатора Сибири Мих. М. Сперанскаго, и въ этомъ краю, о которомъ всегда разсказывалъ Жуковскій какъ о нашемъ эльдорадо, спутникъ мой, по одной путевой дорогѣ, нашелъ то счастіе, о которомъ никакъ не смѣлъ мечтать, бывъ стряпчимъ г. Челябы. Отецъ Жуковскихъ былъ уѣзднымъ лекаремъ г. Челябы и имѣлъ порядочное состояніе. Н. В.

всѣхъ родовъ, но замѣчу, никогда не безнравственныхъ. Между всѣми нами одинъ Пивоваровъ и поэтъ Перовъ любили выпить, и нетрезвость Пивоварова нерѣдко ставила меня въ большую опасность, какъ его начальника, у котораго онъ служилъ въ канцеляріи и жилъ здѣсь.

Помню страхъ и самого Пивоварова, когда онъ, возвращаясь съ Васильевскаго острова, вечеромъ, отъ своего друга Перова, служившаго въ сенатѣ и сильно, въ качествѣ университетскаго поэта, пившаго, встрѣтился на Тучковомъ мосту съ великими князьями Николаемъ Павловичемъ и Михаиломъ Павловичемъ. Пивоваровъ едва стоялъ на ногахъ и, какъ говорится, писалъ мыслете на мосту, но, услыхавъ стукъ экипажа, вглядѣлся, вытянулся и великіе князья проѣхали, не замѣтивъ, повидимому, пьянаго кадета. Пивоваровъ говорилъ мнѣ на другой день, что Михаилъ Павловичъ очень пристально на него смотрѣлъ. Однако, чрезъ нѣсколько дней генералъ Маркевичъ, преподававшій, какъ толковали, ихъ высочествамъ артиллерію, говорилъ генералу Гольтгойеру, а онъ баталіоннымъ командирамъ, что великіе князья встрѣтили на мосту дворянина, который, кажется, былъ пьянъ и что надобно разыскать кто-бы это былъ. Розысковъ фельдфебели, состоявшіе подъ моимъ начальствомъ, строго не дѣлали и болѣе изъ великодушія къ тому, кто слабостью своею нерѣдко напрашивался на явное несчастіе.

IV.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1817 г. было получено отъ его императорскаго высочества государя цесаревича повелѣніе назначить къ представленію въ офицеры достойнѣйшихъ изъ Дворянскаго полка шесть дворянъ во вновь формируемые баталіоны лейбъ-гв. Литовскаго, Московскаго, Волынскаго и Финляндскаго полковъ. Повелѣніе получено было поутру, а во время обѣда взбунтовался 1-й баталіонъ и едва не убилъ дежурнаго по полку подполковника Жизневскаго, и этотъ глупый бунтъ оставилъ меня въ этомъ полку на занимаемомъ мною мѣстѣ почти два года. Дворяне и особенно 1-го баталіона давно роптали на пироги, которые приготовлялись съ тухлою крупою и совершенно на салѣ. Баталіоны

ходили къ обѣду поочередно: одну недѣлю прежде одинъ баталіонъ, а другую другой. Въ недѣлю бунта 2-й баталіонъ прежде отобѣдалъ 1-го. Въ залѣ почти на тысячу человѣкъ стояли столы, за которые садились 40 человѣкъ. По концамъ столовъ находились унтеръ-офицеры, передъ которыми ставилось кушанье и которые раздавали пищу. Подполковникъ Жизневскій, ходя между столами во всю длину зала, видѣлъ, что унтеръ-офицеры не разрѣзываютъ пироговъ, и подошелъ къ одному съ вопросомъ, почему онъ не разрѣзываетъ пирога на части для раздачи дворянамъ. Унтеръ-офицеръ отвѣчалъ, что дворяне пирога не хотятъ ѣсть, онъ съ тухлою крупою и обмазанъ свѣчнымъ саломъ. На второе требованіе раздѣлить пирогъ получивъ тотъ-же отвѣтъ, Жизневскій закричалъ: „розогъ!“ Подали скамейку, разложили унтеръ-офицера, любимаго всѣмъ баталіономъ, каптенармусы ударили по разу и съ первымъ крикомъ унтеръ-офицера все, что стояло ближе къ Жизневскому на столахъ: оловянныя тарелки, вилки, ножи, оловянные бокалы, полетѣло на Жизневскаго, а съ отдаленныхъ столовъ—въ окна. Жизневскій, по счастію стоявшій близко къ буфету, при самомъ взрывѣ бѣснующихся, закрылся шляпою и выскочилъ въ буфетъ, но бокаломъ или тарелкою ему ссадило до крови затылокъ. Гвардейскій солдатъ, стоявшій у воротъ, при входѣ въ корпусъ, долженъ былъ отойти на хорошее разстояніе, чтобъ не быть раненымъ отъ летѣвшихъ на улицу бокаловъ, тарелокъ и проч. Все изорвали, все уничтожили остервенившіеся на Жизневскаго, который славился жестокостью наказаній и не умѣлъ заслужить убѣжденія дворянъ въ справедливости своей. Пришли два генерала: Маркевичъ и Гольтгойеръ и баталіонный командиръ Брайко, очень любимый за свое кроткое обращеніе съ дворянами всѣмъ баталіономъ. 1-й баталіонъ смирился. Немедленно было донесено государю цесаревичу и государю императору о случившемся. Христіанъ Ивановичъ въ тотъ-же день, обходя свой баталіонъ вечеромъ, объявилъ мнѣ, что завтра идетъ обо мнѣ, помощникѣ адъютанта 1-го баталіона Никифоровѣ и еще 4-хъ унтеръ-офицерахъ представленіе въ гвардейскій полкъ и что это безумное возстаніе за пироги едва-ли бѣднаго Никифорова не лишитъ права на поступленіе въ гвардію, а васъ, Николай Викторовичъ, поздравляю гвардейскимъ офицеромъ и именно Финляндскаго полка; мнѣ знакомъ въ этомъ

полку полковой командиръ генер. Рихтеръ, который, узнавъ о вашей фамиліи, столь извѣстной въ Петербургѣ, будетъ радъ васъ имѣть въ своемъ полку, а 2-й баталіонъ вѣрно будетъ отличенъ отъ 1-го".

Но не такъ случилось: государь императоръ на представленіе изъ Дворянскаго полка 6-ти дворянъ въ гвардейскій полкъ, изволилъ сказать: „бунтовщиковъ мнѣ не надо". Когда впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ отвѣтъ государя императора, то мой полковникъ и самый генералъ Гольтгойеръ обвиняли ген. Маркевича, что онъ не хотѣлъ, вообще не любя Дворянскаго полка, объяснить невиноватость 2-го баталіона и что производство изъ этого баталіона 3-хъ кадетъ въ офицеры было-бы наградою и для самого баталіоннаго командира. Вскорѣ послѣ этого, такъ называемаго, бунта было наряжено слѣдствіе, по которому, помнится, до 20-ти унтеръ-офицеровъ и дворянъ преданы были военному суду и разжалованы въ солдаты, съ размѣщеніемъ по разнымъ армейскимъ полкамъ, а изъ всего Дворянскаго полка государь императоръ запретилъ впредь до высочайшаго повелѣнія выпускъ въ офицеры. И вотъ первое мое горе въ военной службѣ, но въ этой бѣдѣ я не былъ виновенъ, какъ во второй: въ первомъ случаѣ безуміе другихъ меня погубило, а второмъ—собственное.

Спустя мѣсяца два послѣ обѣденнаго буйства 1-го баталіона, часовъ въ 11, вбѣжалъ ко мнѣ въ канцелярію дежурный капенармусъ съ объявленіемъ, что въ находившуюся противъ моихъ оконъ больничную казарму, гдѣ была временная полковая больница, пріѣхалъ лейбъ-медикъ его величества баронетъ Вилье. Я тотчасъ явился къ Вилье, которому на спросъ отвѣчалъ, что я старшій фельдфебель и исправляю должность баталіоннаго адъютанта. Почти вслѣдъ за мною пришли въ комнату больныхъ дежурные по баталіону офицеры, которыхъ прозваніе забылъ, а за ними вскорѣ вошелъ ген. Маркевичъ.

Вилье, увидавъ генерала, быстро подошелъ къ нему съ фамиліарнымъ привѣтомъ и въ голосѣ и въ движеніяхъ.

— „А, здравствуйте, генералъ, государь императоръ приказалъ мнѣ осмотрѣть, чѣмъ вы кормите кадетъ".

Маркевичъ смѣшался, началъ кланяться и просить Вилье, чтобы онъ поѣхалъ съ нимъ на кухню, гдѣ увидитъ всю провизію и всѣ кухонныя принадлежности.

Вилье на это приглашеніе такъ отвѣчалъ и вотъ что сдѣлалъ: „о, знаю, знаю, ваше пр—во, тамъ у васъ все приготовлено“, и съ этими словами потрепалъ генерала по щекѣ тремя пальцами!

Генералъ при этой смѣлости баронета смѣшался до того, что не оторвалъ даже своей щеки отъ трехъ пальцевъ медика. Наставникъ великихъ князей, начальникъ 2-го кадетскаго корпуса, Дворянскаго полка, заслуженный генералъ, но отъ своихъ благородныхъ и истинно честныхъ правилъ бѣдный генералъ, содержавшій большое свое семейство однимъ незначительнымъ жалованьемъ, только и могъ отвѣтить прерывистымъ голосомъ медику: „нѣтъ, нѣтъ... у меня ничего не приготовлено... вы увидите, ваше превосходительство, что кадеты всегда получаютъ одинаковую пищу“...

Вилье слушалъ эти слова на ходу къ санямъ, въ которыя сѣлъ съ генераломъ, и отправился на кухню. Что тамъ было, удостовѣрили-ли медика въ хорошей пищѣ для кадетъ—не знаю.

Идя съ вечернимъ рапортомъ къ моему полковнику, я встрѣтилъ его на пути въ баталіонъ. Христіанъ Ивановичъ молча прошелъ мимо меня, стоявшаго за нѣсколько шаговъ, какъ это было въ правилахъ тогдашней службы, безъ фуражки, во фронтѣ. Баталіонный мой начальникъ обошелъ всѣ роты, ни слова не говорилъ и, отходя домой, приказалъ мнѣ идти за собою. Въ кабинетѣ своемъ, положивъ свою шляпу и снявъ шпагу, онъ подошелъ ко мнѣ и началъ со мною разговоръ такъ:

„Вы были, Николай Викторовичъ, свидѣтелемъ забывчивости лекаря Вилье противъ нашего генерала, вы видѣли какъ онъ трепалъ заслуженнаго генерала своими грязными пальцами по щекѣ?“

Когда я отвѣчалъ, что былъ свидѣтелемъ всей этой ужасной сцены, то мой благородный полковникъ вскрикнулъ громовымъ своимъ басомъ:

„Боже милостивый, какъ я счастливъ, что при этомъ не былъ! У меня жена, пятеро малолѣтнихъ дѣтей, я человѣкъ бѣдный, содержу мое семейство одною службою—и все-бы это я забылъ, увидавъ, что коновалъ треплетъ, какъ ребенка, своими грязными пальцами заслуженнаго, всѣми уважаемаго, генерала; я-бы не выдержалъ, брякнулъ-бы его всею моею пятернею въ рожу и сказалъ-бы ему: „с..... ты с..., ты за деньги ощупаешь

мою ...., и смѣешь ты, при насъ, подчиненныхъ, нашего генерала, при дѣтяхъ русскихъ дворянъ, которымъ онъ внушаетъ щекотливость къ чести, касаться своею вонючею рукою его щеки".

При послѣднихъ словахъ Христіана Ивановича вошла въ кабинетъ жена его; онъ обнялъ ее, поцѣловалъ и сказалъ по-нѣмецки: „Лизанька, молись Богу, благодари Всеблагаго, что я не былъ свидѣтелемъ, какъ забылась одна дрянь (Schuft) противъ нашего генерала, я-бы пропалъ и ты-бы съ нашими дѣтьми тоже пропала".

Въ 1818 г. было получено повелѣніе отъ его имп. выс. цесаревича приступить къ экзамену кадетъ Дворянскаго полка по назначенію достойныхъ ротными командирами гренадерскихъ ротъ. Ротные командиры назначали на экзамены или дѣйствительно свѣдущихъ въ томъ, что требовалось для фронтоваго офицера, или тѣхъ, которые имѣли денежныя средства оказаться достойными. Умолчу объ экзаменаторахъ 2-го баталіона, которые и на меня имѣли виды, но Христіанъ Ивановичъ далъ имъ знать, что самъ меня будетъ экзаменовать и, дѣйствительно, я былъ представленъ къ производству въ офицеры по аттестаціи моего баталіоннаго командира, а не гг. Свѣтловыхъ и подполковника Бородина, которые очень были добры къ тѣмъ, у кого были деньги.

Въ 1819 г., 16-го мая, произведенъ я былъ въ прапорщики, съ опредѣленіемъ въ Литовскій пѣхотный полкъ, который квартировалъ въ окрѣстностяхъ г. Вильно, а полковый штабъ и бригадный въ самомъ г. Вильно. Произведенные со мною въ одно время до 200 дворянъ въ офицеры разъѣхались по разнымъ полкамъ, куда были размѣщены, но меня, въ числѣ трехъ, объявили безъ производства въ армейскій полкъ впредь до повелѣнія его импер. высоч. государя цесаревича, прямо-ли представить насъ 3-хъ въ гвардейскіе полки, квартировавшіе въ г. Варшавѣ, или произвести въ армейскіе и отправить въ г. Варшаву на испытаніе. Почти чрезъ два мѣсяца пришло повелѣніе отъ его высочества, чтобы представить насъ къ производству въ офицеры въ армейскіе полки, изъ коихъ мы будемъ отправлены въ г. Варшаву, съ прикомандированіемъ къ гвардейскимъ полкамъ для испытанія.

Я отправился въ концѣ мая въ г. Вильно съ другимъ офи-

церомъ Литовскаго пѣхотнаго полка Чубаровымъ, назначеннымъ также для испытанія въ Варшаву. Виленскимъ пѣхотнымъ полкомъ командовалъ полковникъ Левандовскій, къ которому я явился и узналъ отъ него, что ему должно ждать особаго повелѣнія отъ его высочества на мое отправленіе въ Варшаву. Почти мѣсяцъ я находился въ Вильнѣ, бывалъ на обѣдахъ полковаго командира полковника Левандовскаго, который не разъ говорилъ мнѣ, что лучше-бы мнѣ остаться въ его полку и принять должность полковаго адъютанта, а при посредствѣ бригаднаго генерала Энгельгардта, принявшаго меня по рекомендаціи Христіана Ивановича съ отеческою ласкою, не трудно было-бы мнѣ поступить въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и продолжать службу при генералахъ въ той должности, къ которой я уже приспособился въ Дворянскомъ полку. Будущаго я не зналъ, но еслибы принялъ совѣтъ временныхъ моихъ армейскихъ начальниковъ, тогда избѣжалъ-бы, можетъ быть, тѣхъ бѣдъ, на которыя самъ въ гвардейскомъ полку напросился. Наконецъ, получено было повелѣніе отправить меня, прапорщика Виленскаго пѣхотнаго полка, въ Варшаву и еще двухъ другихъ прапорщиковъ изъ другихъ пѣхотныхъ полковъ, и именно: Чубарова и Панова. Я съѣхался съ Чубаровымъ въ г. Лидѣ и мы вдвоемъ наняли жидка и въ его фурманкѣ въѣхали въ Варшаву.

Столица Польши, какъ и столица Литвы, наружнымъ видомъ своимъ послѣ Петербурга показались мнѣ очень некрасивыми, но ознакомясь съ ними, мнѣ многое нравилось и въ Вильнѣ и особенно въ Варшавѣ.

Вильно—это ополяченная Русь. Здѣсь, какъ и въ Варшавѣ и Кременцѣ, подъ руководствомъ Адама Чарторижскаго, Чацкаго и др. магнатовъ, польщизна работала тайкомъ на самобытность Польши—Рѣчи Посполитой, и это было видно истинно русскому на каждомъ шагу при встрѣчѣ съ полякомъ. Старина литовской Руси была въ такомъ упадкѣ, что, кромѣ Острой-Брамы, все были однѣ развалины, и наше правительство равнодушно смотрѣло на католическое варварство, разрушавшее все русское. Подлѣ Острой-Брамы была гауптвахта и я, бывъ въ караулахъ, видѣлъ, какъ предъ входомъ въ ворота, снимались шапки для отданія своего благоговѣнія къ образу Божіей Матери, Которую русскіе называли своею, а католики увѣряли, что Она для

нихъ явилась, только не помню откуда. Согласные на все жиды, которыми Вильна была переполнена, тоже скидывали свои малахаи съ своихъ пейсиковъ предъ Остробрамскою Божіею Матерью. Впрочемъ, спросимъ: было-ли у насъ тогда чисто русское правительство? Сверху до низу, т. е. съ засѣдателя земскаго суда, нѣмецъ на нѣмцѣ, полякъ на полякѣ... Это я говорю о 1820-хъ годахъ.

V.

Еще до производства меня въ прапорщики Виленскаго пѣхотнаго полка, поручикъ Дворянскаго полка 2-го баталіона Петръ Христофор. Граббе былъ, по волѣ его императорскаго высочества государя цесаревича Константина Павловича, переведенъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ и уже былъ, до пріѣзда моего въ Варшаву, произведенъ въ штабсъ-капитаны, съ назначеніемъ ротнымъ командиромъ 1-й мушкетерской роты 1-го баталіона. Граббе былъ отличный фронтовой офицеръ, во всѣхъ отношеніяхъ благородный товарищъ, и въ его роту, моего стараго доброжелателя, по его ходатайству, я былъ прикомандированъ на испытаніе.

Петръ Христофоровичъ квартировалъ въ, такъ называемыхъ, гвардейскихъ казармахъ, гдѣ помѣщался лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ; онъ занималъ съ своимъ семействомъ отдѣльный флигель отъ казармъ и у него, хлѣбосола, всегда обѣдали и проводили время дежурные офицеры по баталіону и по полку. Мнѣ была отведена квартира вблизи отъ гвардейскихъ казармъ и я, по прежнимъ моимъ отношеніямъ къ Граббе, бо́льшую часть дня проводилъ у него. Въ его домѣ я со многими офицерами Литовскаго полка познакомился, съ иными сблизился, и это было поводомъ къ отзыву какъ моего ротнаго командира, такъ и другихъ, что я достоинъ быть офицеромъ ихъ полка. Скажу откровенно, что изъ университета я не вынесъ примѣтныхъ знаній, но въ Дворянскомъ полку изъ книгъ устроенной мною библіотеки я пріобрѣлъ нѣсколько свѣдѣній, которыя казались другимъ верхомъ учености. Разговоры о грекахъ, римлянахъ, о нѣмец-

кой философіи, о революціяхъ Англіи, Франціи, о правахъ человѣка на личность, о собственности—порождали возраженія, споры соглашенія, и все это вело къ сближеніямъ съ вліятельными офицерами въ полку. Меня считали офицеромъ съ даромъ слова, а этого было достаточно, чтобы попасть въ кругъ полковой аристократіи, которая отзывалась обо мнѣ, какъ о достойномъ быть ихъ товарищемъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1819 года государь императоръ Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Варшаву. По представленію его высочества, я былъ, приказомъ государя, переведенъ, 5-го января 1820 г., въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ и остался до конца моего злосчастія въ ротѣ Петра Христофоровича Граббе. Со мною прикомандированные на испытаніе Чубаровъ и Пановъ были возвращены въ армейскіе полки; я одинъ былъ удостоенъ переводомъ въ гвардію. Граббе потомъ дослужился генералъ-лейтенанта и оставался одинаково добрымъ, благороднымъ и все также небогатымъ, какъ былъ моимъ ротнымъ командиромъ.

Оставшись въ 1-й ротѣ 1-го баталіона, которымъ командовалъ полковникъ Сергѣй Александровичъ Дурасовъ, я началъ квартировать вмѣстѣ съ прапорщикомъ Петромъ Александровичемъ Грессеромъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантомъ и директоромъ московскаго кадетскаго корпуса, и жилъ съ нимъ мирно, по уживчивому и домовитому его характеру, съ годъ и прожилъ-бы съ нимъ до конца моей службы, если-бы не поступилъ въ нашъ полкъ изъ Пажескаго корпуса родной братъ Петра Александровича. Троимъ на одной прапорщичьей квартирѣ намъ было жить тѣсно, а нанимать одну помѣстительную у насъ не было средствъ. Петръ Грессеръ также воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, а отецъ Петра и Александра былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго литовскаго корпуса въ чинѣ генералъ-лейтенанта и былъ вторично женатъ на родной сестрѣ начальника главнаго его величества штаба, князя Петра Михаиловича Волконскаго. Сыновья генерала были отъ первой жены.

Князь Волконскій, бывъ начальникомъ штаба, всегда пріѣзжалъ съ государемъ въ Варшаву и Петръ Грессеръ одинъ разъ счелъ долгомъ представиться князю. Петръ Михайловичъ, принявъ прапорщика Литовскаго полка и не давъ ему сказать ни слова, рѣзко объявилъ ему, что онъ, по родству его отца съ нимъ,

не думаетъ-ли въ немъ найдти покровителя: „пріобрѣтай вниманіе государя цесаревича честною и усердною службою и не надѣйся ни на отца, ни на меня, если будешь дуракомъ“, и съ этими словами князь оставилъ озадаченнаго такою ласкою прапорщика. Грессеръ, по возвращеніи отъ Петра Михайловича, разсказалъ мнѣ пріемъ безпристрастнаго начальника главнаго штаба и любимца государя императора.

Одинъ разъ я шелъ съ Петромъ Грессеромъ, часу въ 1-мъ ночи, по улицѣ, которая носила названіе Старое мѣсто. На правой сторонѣ отъ католической церкви, во 2-мъ этажѣ одного дома, слышна была музыка и окна были довольно ярко освѣщены. Я полагалъ, что тутъ должна быть какая-нибудь вечеринка, но Грессеръ объяснилъ мнѣ, что это пріятельскій балъ, куда собираются польскіе унтеръ-офицеры, прислуга разныхъ господъ, мужская и женская, и съ этимъ объясненіемъ пригласилъ меня зайти на пріятельскій балъ. Я замѣтилъ ему, что мѣсто это для насъ неприлично, но товарищъ мой успокоилъ меня отъ дурныхъ послѣдствій тѣмъ, что мы остановимся въ дверяхъ и только посмотримъ на танцующихъ, чего у насъ, въ этомъ разрядѣ людей, мы въ Россіи не найдемъ. Мы взошли по лѣстницѣ, остановились въ раскрытыхъ дверяхъ и я тутъ увидалъ въ первый разъ польскую удаль въ танцахъ того класса людей, который у насъ проводитъ время въ кабакахъ. Дѣйствительно, унтеръ-офицеры, солдаты, лакеи и панны-гардеробянки отплясывали мазурку, какъ говорится, лихо. Съ одной стороны находился буфетъ съ лакомствами и напитками, изъ которыхъ пиво было главнымъ, по стѣнамъ тянулись возвышенныя лавки, откуда зрители смотрѣли на танцующихъ. Я любовался веселостію молодежи уже минутъ съ пять, какъ Грессеръ толкнулъ меня локтемъ и сказалъ мнѣ: „посмотри, кто сидитъ на лавкѣ за танцующими противъ насъ“. Передъ нами сидѣли Николай Николаевичъ Новосильцевъ, министръ въ Польшѣ отъ русскаго правительства, кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій и дѣйств. статскій совѣтникъ Байковъ, которые состояли при Николаѣ Николаевичѣ. У каждаго изъ нихъ было по стакану въ рукѣ, но съ какимъ напиткомъ—угадать мы не могли. Я поторопилъ Грессера скорѣе оставить двери, чтобы не быть замѣченными Новосильцевымъ, который былъ самою ближайшею особою къ государю цесаревичу.

Послѣ узналъ я, что, въ первые годы присоединенія Царства Польскаго къ Россіи и при проходѣ войскъ черезъ Варшаву изъза-границы въ наши западныя губерніи, всѣ русскіе офицеры, отъ генерала до прапорщика, посѣщали эти пріятельскіе балы, какъ зрители, но года за два до моего поступленія въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ уже было запрещено его высочествомъ волочиться за гардеробянками на пріятельскихъ балахъ. Николай Николаевичъ Новосильцевъ находилъ нужнымъ изучать народъ на всѣхъ ступеняхъ его жизни и ему одинъ только государь императоръ могъ, наконецъ, замѣтить, что министръ уже довольно ознакомился съ духомъ народа и ему можно успокоиться отъ посѣщенія мѣстъ, для него, вѣроятно, непріятныхъ.

Около Варшавы было довольно мѣстъ для гулянья, на которыя въ праздничные дни ѣздили верхами и въ экипажахъ польскіе и русскіе офицеры, но любимымъ мѣстомъ ихъ прогулокъ былъ Красинскій садъ. На Театральной площади находился огромный домъ, принадлежавшій нѣкогда графамъ Красинскимъ и, въ мое время сдѣлавшись казеннымъ, занятый присутственными мѣстами. За этимъ домомъ расположенъ былъ садъ, съ широкою по срединѣ аллеею и со множествомъ боковыхъ аллей. Въ воскресные дни, послѣ развода на Саксонской площади, мы отправлялись въ костелъ піаровъ, который былъ также на Театральной площади, а по окончаніи католическаго богослуженія прогуливались въ Красинскомъ саду. Здѣсь собирались наиболѣе военные, отъ прапорщика до полковника, а изъ женскаго пола тѣ, которыя не чуждались военныхъ. Въ этомъ саду я рѣдко встрѣчалъ генералитетъ, но Николая Николаевича Новосильцева часто видалъ и на вечернихъ прогулкахъ.

Кромѣ Красинскаго сада, былъ другой въ городѣ, за, такъ называемымъ, Саксонскимъ дворцомъ, и носилъ названіе Саксонскаго сада. Саксонскій дворецъ примыкалъ къ Брюлевскому дворцу великаго князя, въ которомъ его высочество жилъ постоянно до постройки загороднаго дворца подъ названіемъ Бельведеръ. Въ Саксонскомъ саду мало было гуляющихъ и въ воскресные дни.

Великій князь во всѣ дни принималъ рапорты отъ полковъ, наряды въ караулы, дежурства, донесенія всѣхъ родовъ, а также и ординарцевъ отъ пѣшихъ гвардейскихъ полковъ, въ комнатѣ

передъ большою залою, куда передъ выходомъ его высочества собирались всѣхъ полковъ офицеры, генералитетъ, а въ воскресные и большіе праздничные дни консулы отъ разныхъ дворовъ, члены польскаго государственнаго совѣта и другіе сановники. Въ этой залѣ я видѣлъ историческія имена Россіи и Польши и еще болѣе въ, такъ называемомъ, королевскомъ дворцѣ во время пріѣздовъ государя императора въ Варшаву на сеймы. Изъ польскихъ сановниковъ своимъ видомъ и величавыми движеніями особенно плѣняли меня князь Адамъ Чарторижскій и президентъ польскаго государственнаго совѣта графъ Замойскій, которыхъ я видалъ въ залѣ Брюлевскаго его высочества дворца. Передъ выходомъ великаго князя Константина Павловича, разговоръ присутствовавшихъ былъ между собою, какъ говорится, не громкій и не тихій, когда-же, по принятіи ординарцевъ, выходилъ въ залъ собранія нашъ высокій начальникъ, то все смолкало и обращало свои глаза на пріемъ его высочества представлявшихся ему и стоявшихъ въ одну линію. Въ торжественные дни тезоименитства государя императора, императрицы Маріи Ѳеодоровны и другіе годичные праздники пріѣзжалъ иногда во дворецъ намѣстника Царства Польскаго князь Заёнчекъ. Старецъ лишился обѣихъ ногъ во время битвъ подъ знаменами императора Наполеона I и его всегда вносили въ креслѣ прямо въ пріемную его высочества комнату, гдѣ принимались и ординарцы; оттуда черезъ нѣсколько минутъ возвращался Заёнчекъ чрезъ залъ, привѣтствуемый поклонами, въ свой экипажъ. Рѣдко намѣстникъ Царства останавливался въ залѣ для разговора и, если это случалось, то на самое короткое время.

Пройдя по линіи представляемыхъ и инымъ кивнувъ головою, другимъ сказавъ нѣсколько словъ, его высочество выходилъ всегда пѣшкомъ къ разводу того или другаго баталіона гвардейскихъ полковъ или линейныхъ, т. е. по нашему пѣшихъ польскихъ полковъ, которые для карауловъ поочередно прибывали въ Варшаву. Иногда его высочество производилъ баталіонное ученіе вступающему баталіону въ караулъ, послѣ чего баталіонъ проходилъ по-взводно мимо великаго князя церемоніальнымъ тихимъ и скорымъ шагомъ; по окончаніи-же развода, по наряду—кому куда слѣдуетъ, расходились офицеры съ своими караулами въ назначенныя имъ мѣста. Въ первый годъ моей службы, лѣтомъ

его высочество дѣлалъ нашему полку ученье за Варшавою на, такъ называемыхъ, Пескахъ. Послѣ ученья 1-й нашъ баталіонъ расходился по наряду на разныя заставы и мѣста въ караулъ. Я былъ наряженъ съ большимъ карауломъ въ Выѣздовскій госпиталь, а одинъ изъ моихъ товарищей, поручикъ Леванидовъ, на Вольскую заставу съ небольшимъ числомъ солдатъ. Идя съ ученья одною дорогою съ своими караулами, Леванидовъ, который въ сравненіи со мною могъ назваться старымъ офицеромъ,—не по лѣтамъ, чѣмъ мы были равны, но по службѣ,—предложилъ мнѣ помѣняться мѣстами въ караулѣ. Бывъ успокоенъ имъ, что никто о нашей полюбовной сдѣлкѣ не узнаетъ, и увѣривъ меня, что ему для свиданія съ докторомъ необходимо отбыть караулъ въ госпиталѣ, я отправился съ карауломъ Леванидова на Вольскую заставу, а онъ съ моимъ въ Выѣздовскій госпиталь, въ которомъ находились больные нижніе военные чины всѣхъ полковъ, а иногда и офицеры, помѣщавшіеся въ прекрасныхъ особыхъ комнатахъ. Передъ закатомъ солнца часовой сильно и часто зазвонилъ въ звонокъ, что было всегда знакомъ проѣзда или его высочества, или дежурнаго по карауламъ штабъ-офицера, или, наконецъ, кого-либо изъ генераловъ. Я вылетѣлъ съ солдатами изъ караульной, скомандовалъ на-караулъ; передо мною проѣзжалъ великій князь въ колескѣ, устремивъ на меня глаза. Его высочество внимательно на меня смотрѣлъ, какъ будто недоумѣвая—Веригинъ-ли передъ нимъ? На другой день послѣ смѣны караула, всѣ офицеры полка были приглашены бригаднымъ нашимъ генераломъ Николаемъ Никитичемъ Веревкинымъ въ гвардейскія казармы. Офицеры собрались въ квартирѣ Петра Христофоровича Граббе, не зная причины приглашенія. Генералъ Веревкинъ и нашъ полковой командиръ, генер.-маіоръ Василій Михайловичъ Кишкинъ, пріѣхали и тотчасъ узнали причину приглашенія офицеровъ въ казармы. Веревкинъ вызвалъ меня и Леванидова съ приглашеніемъ, чтобы мы объяснили, по какому поводу мы помѣнялись караулами и не перешли-ли мы, прибывъ по наряду на мѣста, я съ Выѣздовской гауптвахты на Вольскую, а Леванидовъ съ Вольской на Выѣздовскую. Наконецъ, бригадный генералъ, увѣрившись, что мы перемѣнились мѣстами караула при слѣдованіи на гауптвахты, сдѣлалъ намъ, по волѣ его высочества, выговоръ и заставилъ насъ сознаться въ

необдуманности нашего поступка. Разсказываю о моемъ своеволіи, которое ни въ какой службѣ не допускается, чтобы показать, сколь великодушенъ и снисходителенъ былъ нашъ царственный начальникъ къ подчиненнымъ своимъ и сколь несправедливы тѣ, кто считалъ Константина Павловича очень строгимъ. Скажу, что цесаревичъ былъ скорѣе, послѣ взрыва гнѣва, до слабости добръ, чѣмъ настойчиво взыскателенъ, и отъ того порождались новые проступки, къ которымъ уже нельзя было быть снисходительнымъ, и это увидите вы, мои чтецы, изъ послѣдующихъ нашихъ безразсудствъ. Здѣсь-же, кстати, разскажу другой случай, гдѣ подвергался я большой бѣдѣ и гдѣ поводомъ къ грозившей бѣдѣ не была уже моя необдуманность.

Государь императоръ прибылъ въ Варшаву для открытія сейма, на который съѣзжались изъ всей Польши депутаты не для повторенія прежнихъ на своихъ сеймовыхъ съѣздахъ буйствъ съ крикомъ „не позволямъ“, а для нешумныхъ разсужденій о томъ, о чемъ допускалось имъ разсуждать. Къ пріѣзду государя съѣзжались отъ разныхъ дворовъ посланники, генералы, принцы крови, и наша Варшава оживлялась гостями и въ домахъ и на гуляньяхъ. Цесаревичъ, съ благоговѣйною любовью и почтительностью къ брату императору, заботился о томъ, чтобы все было въ исправности и ни малѣйшій случай не показалъ-бы государю невнимательности къ чему-либо Константина Павловича. Я вступилъ въ Брюлевскій дворецъ въ караулъ и мнѣ было объявлено дежурнымъ по карауламъ полковникомъ Сергѣемъ Александровичемъ Дурасовымъ, что его величество, въ 2 часа пополудни, пріѣдетъ во дворецъ къ государю цесаревичу обѣдать. Подтверждено было, чтобы я былъ готовъ къ отданію надлежащей чести государю, для лучшаго-же обезпеченія меня отъ какой-либо случайности въ нескоромъ выходѣ съ моимъ карауломъ, былъ поставленъ полковникомъ махальный изъ солдатъ, который зналъ хорошо въ лицо государя. Въ часъ пошелъ небольшой дождь, который заставилъ меня и солдатъ войти въ караульную комнату. Я сидѣлъ во всей формѣ, не скидая съ головы кивера и съ рукъ перчатокъ, въ офицерской комнатѣ за столомъ, противъ отвореннаго окна на дворъ, по которому проѣздъ былъ къ подъѣзду у дворца. Мимо меня проѣзжали въ коляскахъ адъютанты и другіе чины, которымъ не отдавалась честь. Еще разъ зашумѣли по

вымощенному камнемъ двору колеса экипажа и я увидалъ передъ собою завернутаго въ шинель государя, который, нѣсколько нагнувшись въ полъ-оборота, пристально смотрѣлъ въ окно, передъ которымъ я сидѣлъ. Въ одно мгновеніе я вскочилъ, выбѣжалъ къ солдатамъ, закричалъ „вонъ“, скомандовалъ: „отъ ноги, разъ, два“ и прочее, но уже императоръ въ это время входилъ по лѣстницѣ къ цесаревичу, который ожидалъ его на площадкѣ передъ переднею. Покуда государь входилъ по лѣстницѣ, Константинъ Павловичъ отправилъ ко мнѣ своего адъютанта, ротмистра графа Нессельрода, съ приказаніемъ, чтобы я готовился къ большому наказанію за свой проступокъ. Еще не взошелъ государь на лѣстницу, какъ мимо него пролетѣлъ другой адъютантъ, полковникъ Феншъ, который мнѣ отъ имени его высочества объявилъ, что большая милость будетъ для меня, если я тѣмъ-же чиномъ буду переведенъ въ армію.

Императоръ, подходя къ брату и видя посылки ко мнѣ адъютантовъ, вѣроятно не съ радостными вѣстями, вступился за меня. Государь сказалъ, что онъ самъ видѣлъ меня во всей формѣ и въ ожиданіи его проѣзда передъ окномъ, видѣлъ, какъ я вскочилъ, узнавъ его, а что виноватъ тутъ махальный, который, впрочемъ, тоже не могъ узнать его. „Я завернулся отъ дождя въ шинель и махальный не могъ разсмотрѣть моего лица, слѣдовательно и махальный не виноватъ“, присовокупилъ великодушный монархъ.

Вскорѣ за вторымъ адъютантомъ я увидалъ передъ собою третьяго, полковника Колзакова, отъ котораго я ожидалъ окончательнаго рѣшенія моей судьбы, но Колзаковъ, со свойственною ему добротою, сказалъ мнѣ: „Я получилъ отъ его императорскаго высочества пріятное для меня приказаніе объявить вамъ, что государь императоръ вполнѣ оправдалъ васъ и чтобы вы забыли о томъ, что сказано было вамъ отъ имени его высочества моими двумя товарищами“.

Во все время этихъ посылокъ ко мнѣ адъютантовъ, я находился передъ ружьями, которыя сложены были въ сошки, а солдаты стояли фронтомъ за ружьями. По отходѣ отъ меня Колзакова во дворецъ, вскорѣ государь императоръ вышелъ съ цесаревичемъ на балконъ, держа за руку 10-тилѣтняго Павла Константиновича. Государь съ балкона ласково

кивнулъ мнѣ два раза головою—и это было мнѣ знакомъ, что всѣ бѣды мои миновали,—поднялъ дитя подъ руки къ своимъ губамъ, поцѣловалъ его и пустилъ на полъ съ такимъ выраженіемъ любви, которое, какъ видно было по лицу Константина Павловича, истинно тронуло сердце отца.

VI.

Вотъ еще происшествіе, не со мною, а нашимъ бригаднымъ начальникомъ, генералъ-маіоромъ Николаемъ Никитьевичемъ Веревкинымъ. Кто тутъ виноватъ—не мое дѣло судить, а я разскажу, какъ все происходило и что́ было причиною окончательнаго гнѣва цесаревича на старца.

Бригада наша состояла изъ двухъ полковъ: лейбъ-гвардіи Литовскаго, которымъ командовалъ генералъ-маіоръ Василій Михайловичъ Кишкинъ, человѣкъ очень свѣдущій въ фронтовой службѣ—и только, и лейбъ-гвардіи Волынскаго, котораго полковой командиръ, генералъ-маіоръ Петръ Сергѣевичъ Ушаковъ, назначенъ былъ директоромъ московскаго кадетскаго корпуса, но который, замѣтимъ, одного былъ образованія съ Кишкинымъ и оба умѣли только читать и писать по-русски и оба никогда ничего и на этомъ языкѣ не читали. Бригадою изъ этихъ двухъ полковъ командовалъ 60-тилѣтній старикъ, еще менѣе грамотный Кишкина и Ушакова, заслуженный генералъ-маіоръ Ник. Ник. Веревкинъ, который о своемъ дворянствѣ, состояніи и заслугахъ объявилъ во всеуслышаніе на парадѣ его высочеству, какъ ниже будетъ разсказано, столько, что болѣе и ненужно мнѣ о ветеранѣ дѣлать добавленій.

Года за четыре до происшествія Веревкина на Саксонскомъ плацу, командиръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Петръ Сергѣевичъ Ушаковъ имѣлъ дуэль съ полковникомъ того-же полка Ралемъ. Поводомъ къ дуэли было общее нежеланіе офицеровъ получить въ полковые командиры Ушакова, который былъ въ полку старшимъ полковникомъ; всѣ желали имѣть своимъ начальникомъ втораго полковника и именно, всѣми любимаго, Раля. Ушаковъ былъ въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ переведенъ, кажется, въ поручичьемъ или другомъ чинѣ изъ какого-то армейскаго полка во время войны съ французами и его прежней жизни

никто не зналъ. Въ то время, какъ его высочеству угодно было предоставить командованіе полкомъ, послѣ смерти, кажется, бывшаго полковаго командира, старшему полковнику Ушакову, что было знакомъ справедливаго противодѣйствія желанію офицеровъ, вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Ушаковъ, бывъ въ армейскомъ полку, получилъ на какой-то военной пирушкѣ отъ одного изъ своихъ товарищей пощечину. Разглашеніе было сдѣлано также переведеннымъ изъ арміи поручикомъ Делазаромъ и, какъ говорили, родственникомъ начальника штаба Дмитрія Дмитріевича Куруты. Офицеры всего полка заговорили громко, что Ушаковъ не только не можетъ быть ихъ полковымъ командиромъ, но не долженъ даже и оставаться въ полку. Раль, какъ старшій послѣ Ушакова штабъ-офицеръ полка, вынужденъ былъ выслушивать всѣ намѣренія офицеровъ къ удаленію Ушакова изъ полка, и собратія на его квартирѣ сдѣлали его какъ будто-бы зачинщикомъ возстанія офицеровъ противъ своего полковаго командира. Великій князь зналъ подробно весь ходъ волненій полка и видѣлъ причину ихъ, почему и принялъ сторону слабаго. Ушаковъ, защищаемый мнѣніемъ его высочества, объяснился съ Ралемъ, вызвалъ его на дуэль и, не бывъ стрѣлкомъ какъ Раль, убилъ кухенрейтеровскимъ пистолетомъ, присланнымъ ему его высочествомъ, наповалъ своего соперника. Ушаковъ выстрѣлилъ на удачу первый, не дожидаясь вѣрнаго выстрѣла Раля, и эта удача спасла ему жизнь и съ чиномъ генералъ-маіора сдѣлала полковымъ командиромъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, изъ котораго послѣ этого многіе офицеры вышли въ отставку, а Делазаръ былъ переведенъ тѣмъ-же чиномъ въ армію. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ пріѣздъ лѣтомъ государя императора, какъ теперь помню, на парадѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что безграмотный Ушаковъ пожалованъ директоромъ открытаго московскаго кадетскаго корпуса. Государь уѣхалъ въ Петербургъ и если не вмѣстѣ, то въ непродолжительномъ времени отправился и цесаревичъ туда-же, распорядившись, чтобы послѣ Ушакова принялъ командованіе полкомъ старшій штабъ-офицеръ Линденъ. По отъѣздѣ его высочества въ Петербургъ, бригадный нашъ генералъ Николай Никитичъ Веревкинъ, небольшой ростомъ, довольно тучный, очень неповоротливый, почти не свѣдущій въ фронтовой службѣ, израненый, рѣдко выѣзжав-

шій на полковыя ученія, вдругъ сдѣлался служакою не для нашего полка, а единственно для Волынскаго. Веревкинъ особенно занимался изученіемъ только-что вводимыхъ тогда сигналовъ на мѣдныхъ трубахъ, по которымъ впослѣдствіи производились всѣ егерскіе маневры. Трубные звуки на его квартирѣ, которая была на лучшей улицѣ, подъ названіемъ Медовой, до вступленія русскихъ войскъ въ Варшаву называвшейся Наполеоновскою, породили насмѣшки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и догадки, что нашъ Николай Никитичъ надѣется получить въ командованіе Волынскій полкъ. Николай Никитьевичъ былъ въ большой дружбѣ съ начальникомъ штаба и любимцемъ государя цесаревича Д. Д. Курутой, и предположеніе стараго генерала, что желаніе его сбудется, не казалось и намъ несбыточнымъ. Надобно замѣтить, что Веревкинъ былъ хлѣбосолъ, имѣлъ кучу дѣтей, получилъ, какъ говорили, за женою 100 тысячъ р. асс. и всѣ прожилъ, не умѣя наживать, слѣдовательно не честолюбіе быть бригаднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полковымъ командиромъ, влекло его къ командованію полкомъ, а надежда поправить свои разстроенныя дѣла, что хорошо было извѣстно государю цесаревичу. Наконецъ, изъ Петербурга пришло повелѣніе его высочества, чтобы во временное командованіе полкомъ вступилъ адъютантъ его высочества полковникъ Есаковъ, и это было отвѣтомъ на всѣ надежды нашего, измучившагося надуваньемъ мѣдныхъ трубъ, стараго генерала. Вскорѣ послѣ назначенія командующимъ полкомъ полковника Есакова, очень рослаго и статнаго молодаго человѣка, говорившаго хорошо по-французски—и только, возвратился въ Брюлевскій свой дворецъ его высочество. Въ первые-же дни развода, при которыхъ происходили иногда баталіонныя ученья на Саксонскомъ плацу, великій князь былъ недоволенъ и выправкою солдатъ и вообще всѣмъ ученьемъ Волынскаго полка, послѣ чего всегда приказывалъ бригадному генералу, иногда съ большимъ гнѣвомъ, заняться ученьемъ полка, который, по словамъ цесаревича, пришелъ въ совершенный упадокъ. Веревкинъ, въ глубокую осень и часто въ грязь, отправлялся за Варшаву на, такъ называемые, Пески и тамъ находился передъ полкомъ, когда новый полковой командиръ училъ полкъ. Мы толковали, что его высочество испытываетъ не столько знанія Есаковымъ фронтовой службы, сколько его характеръ и вмѣстѣ

съ тѣмъ сердится на Веревкина, который, какъ было не тайною, очень дулся за неуспѣхъ въ назначеніи его командиромъ Волынскаго полка, и, кажется, наши толки и наши догадки были въ этомъ случаѣ справедливы. Спустя мѣсяцъ послѣ ежедневнаго ученья Волынскаго полка на Пескахъ, въ одинъ изъ разводовъ на Саксонскомъ плацу, цесаревичъ пришелъ въ такой гнѣвъ отъ неудовлетворительной выправки солдатъ, отъ ружейныхъ пріемовъ, маршировки и дурнаго командованія офицеровъ взводами, что отдалъ приказаніе арестовать полковаго командира и всѣхъ ротныхъ командировъ. Когда баталіонъ отправился послѣ ученья въ караулы, его высочество, принявъ кавалерійскихъ ординарцевъ, обратился къ генералу Веревкину съ словами:

„Это, ваше превосходительство, Волынскій полкъ разстроился отъ вашего командованія".

—„Я имѣю честь командовать еще другимъ полкомъ, ваше императорское высочество, которымъ вы всегда довольны", отвѣчалъ Веревкинъ.

„Литовскій полкъ доведенъ до совершенства своимъ полковымъ командиромъ и господами офицерами".

—„Я одинаково командую какъ тѣмъ, такъ и другимъ полкомъ и для меня удивительно: одинъ безъ меня устроился, а другой отъ меня разстроился".

„Что вы со мною разсуждаете, извольте идти подъ арестъ".

Веревкинъ, услыхавъ это приказаніе, вышелъ отъ ряда офицеровъ, передъ которыми стоялъ, остановился на площади передъ его высочествомъ и спросилъ:

—„Мнѣ подъ арестъ, ваше высочество, мнѣ?"

„Да, вамъ".

—„Я пойду подъ арестъ, но прежде я все скажу. Я служилъ вашей бабушкѣ, служилъ вашему батюшкѣ и служу вашему брату, государю императору Александру Павловичу, и все, что я выслужилъ..."

Тутъ его высочество перебилъ Веревкина и сказалъ ему:

„Что вы тутъ разсказываете о своихъ заслугахъ, извольте идти подъ арестъ".

—„Я пойду, но я все скажу: все, что на моей груди (тутъ показалъ онъ рукою на звѣзды и кресты), выслужилъ я, кромѣ вотъ этого Станислава, въ битвахъ, въ сраженіяхъ, выслужилъ

моею кровью, а не маршировкою (при этихъ словахъ Веревкинъ вытянулъ свою ногу); ноги мои изранены, я не могу ихъ вытягивать, какъ этого вы требуете. Я бѣдный дворянинъ, у моего отца было только 15 душъ крестьянъ, но я русскій родовой дворянинъ, дослужился, еще повторю вашему высочеству, моею кровью до генеральскаго чина и въ теченіе моей сорокалѣтней службы въ офицерскомъ чинѣ ни разу не былъ арестованъ, теперь-же вы меня, 60-ти лѣтняго старика, въ генеральскомъ чинѣ, арестуете, и этимъ, ваше высочество, скажу вамъ смѣло, оскорбляете не только меня, но и всѣхъ въ моемъ лицѣ офицеровъ..."

Великій князь, во все время рѣчи Веревкина, едва сдерживалъ свое нетерпѣніе и, наконецъ, снова сказалъ ему:

„Перестаньте, извольте, я вамъ говорю, идти подъ арестъ".

—„Я пойду, ваше высочество, отвѣчалъ Веревкинъ; куда прикажете?"

„Куда вамъ угодно".

—„А вотъ сюда—подъ бѣлаго Орла, куда вы всѣхъ сажаете", и съ этими словами старикъ медленно пошелъ на гауптвахту Саксонской площади.

Его высочество, послѣ ухода Веревкина на гауптвахту, обратился къ намъ и сказалъ:

„Говоритъ, что 40 лѣтъ служилъ, а ничего не дѣлалъ".

Коляска была подана; великій князь, сѣвъ въ коляску, подозвалъ къ себѣ начальника штаба, Куруту, что-то ему сказалъ и поѣхалъ въ загородный свой дворецъ, Бельведеръ, въ которомъ уже жилъ. Генералъ Курута отправился пѣшкомъ черезъ площадь на гауптвахту, гдѣ, по платформѣ, ходилъ Веревкинъ взадъ и впередъ. Когда Курута, подходилъ къ платформѣ, предварительно махнувъ рукою, чтобы караульный офицеръ не отдавалъ ему чести, то Веревкинъ, почти передъ самымъ приближеніемъ къ нему начальника штаба, повернулся назадъ и пошелъ къ другому концу платформы. Обернувшись на концѣ платформы, онъ увидалъ передъ собою Куруту, приложилъ руку къ шляпѣ и спросилъ:

„Что прикажете, ваше пр—ство?"

Курута видѣлъ уже, что ему будетъ встрѣча отъ стараго сослуживца не дружеская, отвѣчалъ ему:

—„Его высочество приказалъ вашему превосходительству ѣхать домой".

На это Веревкинъ, не сдержавъ своего гнѣва и бывъ совершенно увѣренъ, что начальникъ штаба былъ не за него при назначеніи командира Волынскаго полка, сказалъ ему рѣзко, махая пальцемъ:

„Грекъ, подлецъ, ...“ и отвернулся отъ него.

Курута хладнокровно повернулся назадъ, сказавъ громко:

—„Какой сумасшедшій человѣкъ!“

Какъ тотъ, такъ и другой сѣли потомъ въ свои коляски и уѣхали по свои квартиры.

Веревкинъ, послѣ этого происшествія, отрапортовался больнымъ, мѣсяца два никуда не показывался, но, какъ оказалось, былъ, наконецъ, уговоренъ Курутою явиться во дворецъ, гдѣ мы его увидали прошедшимъ чрезъ пріемный залъ прямо въ комнату, гдѣ его высочество принималъ ординарцевъ и рапорты отъ полковъ. Не болѣе 5-ти минутъ находился Веревкинъ у великаго князя, вышелъ въ залъ и тотчасъ отправился домой.

Зимою Николай Никитьевичъ получилъ отставку, и тутъ я видѣлъ какъ непріятно быть отставнымъ, и даже заслуженному генералу, у котораго нѣтъ ни состоянія, ни того ума, предъ которымъ смиряются. Въ обществѣ людей есть три силы или три личности: личность денежная, личность служебная и, наконецъ, личность собственныхъ достоинствъ. Изъ этихъ личностей самая сильная личность денежная, за ней служебная и послѣ всего голая личность достоинствъ.

Я встрѣчалъ бывшаго нашего бригаднаго генерала въ военномъ собраніи, которое было учреждено его высочествомъ подъ названіемъ Реюньонъ. Въ собраніи Николай Никитьевичъ былъ почти непримѣтенъ; бостонъ для него составлялся не изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ по чину своему принадлежалъ; но мы, бывшіе его подчиненные, были къ нему столь почтительны, что часто наша открытая уважительность трогала старика.

Молва говорила, что Реюньонъ былъ учрежденъ въ отвѣтъ гражданскому клубу, который, по правиламъ своимъ, исключалъ военныхъ изъ своихъ собраній. Въ военное собраніе изъ нашего полка записалось очень немного офицеровъ, изъ коихъ помню поручиковъ Энгельгардта и Желтухина, изъ Волынскаго полка было еще меньше и едва-ли не одинъ поручикъ Овандеръ. Разъ въ недѣлю былъ общій столъ, за которымъ раза два

видѣлъ я вице-короля Заенчика, президента гос. сов. гр. Замойскаго, Дмитр. Дмитр. Куруту и всѣхъ генераловъ, кромѣ нашего полковаго командира Вас. Михайл. Кишкина, который вообще не любилъ общественныхъ собраній. Военное собраніе было учреждено на Медовой улицѣ, въ прекрасномъ домѣ съ дворомъ, отъ улицы за чугунною рѣшеткою. Кажется, этотъ домъ принадлежалъ французу Шево, знаменитому ресторатору, у котораго обѣдъ хотя и былъ дорогъ, но едва-ли не былъ, какъ говорила молва, лучшимъ изъ всѣхъ европейскихъ столицъ. Кромѣ вина, мы платили, во время большаго съѣзда членовъ собранія, по 6-ти злотыхъ съ лица (польскій злотъ ходилъ по 60 к. асс. на русскій счетъ). Эта плата съ членовъ считалась ничтожною, но Шево выручалъ прибыль свою на винѣ, для котораго и русскій и полякъ щедръ. Послѣ обѣда, вечеромъ, иные садились за карты, другіе проводили время въ разговорахъ: какъ то, такъ и другое занятіе знакомило высшіе чины съ младшими.

Полкъ нашъ, въ полномъ своемъ составѣ, отставному нашему бригадному генералу далъ въ гостинницѣ Шево обѣдъ, съ разрѣшенія его высочества. Цесаревичъ былъ шефомъ нашего полка и, кажется, на приглашеніе полковаго нашего командира удостоить полковой офицеровъ обѣдъ, отозвался чѣмъ-то, что препятствовало его высочеству проститься съ Николаемъ Никитьевичемъ съ истиннымъ соболѣзнованіемъ на общемъ нашемъ обѣдѣ. Полковой командиръ, со всѣми офицерами, встрѣтили Николая Никитьевича у подъѣзда, прошли чрезъ столовую въ комнату, гдѣ приготовлена была передъ обѣдомъ закуска. Василій Михайловичъ Кишкинъ просилъ бывшаго нашего начальника выпить водки и когда Веревкинъ взялся за графинъ, то нашъ Кишкинъ, не любившій сладкаго, предостерегъ Николая Никитьевича, что это сладкая, а вотъ въ этомъ графинѣ горькая. Веревкинъ отвѣчалъ на это предостереженіе такъ:

„А вотъ позвольте, я налью прежде сладкой, а потомъ горькой и скажу друзьямъ моимъ сослуживцамъ: сладко было мнѣ съ вами служить и горько разставаться“.

Эти простыя слова, сказанныя со слезою на глазахъ, тронули всѣхъ. Веревкинъ прибавилъ тутъ-же:

— У меня два сына, еще дѣти, но когда они выростутъ, я

буду просить у васъ, господа офицеры лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, которыми я имѣлъ счастіе командовать, позволенія дѣтямъ моимъ вступить на службу въ вашъ полкъ и почту себя истинно счастливымъ, когда вы дѣтей моихъ удостоите вашимъ товариществомъ!

И на эти чувства старика-генерала офицеры отвѣчали обычными въ такихъ случаяхъ вѣжливостями. За столомъ ѣли, пили съ шумною веселостію, а когда подошли съ бокалами шампанскаго къ виновнику обѣда, то съ крикомъ ура подняли Николая Никитьевича на руки и такъ бросали тучнаго старца вверхъ, что многіе изъ насъ, зрителей этой сцены, боялись за члены его. Въ обѣденное время гремѣла наша полковая музыка, лучшая въ Варшавѣ.

Обѣдъ кончился, проводили мы, очень веселые, нашего генерала на покой и я, вмѣсто того, чтобы отправиться домой, полупьяный, забрелъ съ меньшимъ Леванидовымъ и прапорщикомъ Чернякомъ въ особую комнату, гдѣ играли мы въ карты до утра. На другой день, подавая счетъ нашему полковому генералу Шево, представилъ и заборъ Черняка съ Леванидовымъ во время нашей игры безъ денегъ, а на слово. Не только генералъ, но и его высочество, узнавъ объ игрѣ нашей всю ночь у Шево, не вѣрили, чтобы я былъ участникомъ этого кутежа. Я слышалъ отъ нашего полковаго адъютанта, поручика Мичурина, что его высочество, упомянувъ Кишкину при пріемѣ во дворцѣ ординарцевъ, объ игрѣ трехъ офицеровъ у Шево до бѣлаго дня, сказалъ при этомъ:

„Всю ночь играли и пили Леванидовъ и Чернякъ, но быть не можетъ, чтобы съ ними былъ и Веригинъ“. Привожу здѣсь отзывъ его высочества обо мнѣ, чтобы впослѣдствіи показать всю виновность мою передъ высокимъ царственнымъ моимъ начальникомъ, а равно и моихъ совиновниковъ Пущина и Габбе.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА

род. 1796 г., † 1872 г.

VII [1]).

Сколько могу припомнить, опишу здѣсь общество офицеровъ нашего полка предъ выступленіемъ въ лагерь.

Полковой командиръ генералъ-лейтенантъ Василій Михай- ловичъ Кишкинъ, переведенный во время войны съ французами, за отличіе по фронтовой службѣ, въ капитанскомъ чинѣ, изъ Кексгольмскаго пѣхотнаго полка лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ и дослужившійся въ этомъ полку до чина генерала съ назначеніемъ командиромъ полка. Человѣкъ добрый, знатокъ фронтовой службы, строгій для солдата, но безъ всякаго голоса тамъ, гдѣ волнуются умы. Вотъ характеристика нашего полковаго командира: изъ Пажескаго корпуса поступилъ года за три до меня въ нашъ полкъ прапорщикомъ камеръ-пажъ Великопольскій, а изъ того-же корпуса еще во время войны выпущенъ былъ Николай Николаевичъ Пущинъ, уже бывшій штабсъ-капитаномъ и ротнымъ командиромъ 2-й гренадерской роты, слѣдовательно на Великопольскаго смотрѣли, какъ на товарища по Пажескому корпусу Пущина. Въ первое вступленіе въ караулъ Великопольскаго, который не по чину имѣлъ брюшко и очень не любилъ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXVI, октябрь, стр. 45–80.

затягиваться, его высочество замѣтилъ Кишкину, что камеръ-пажъ маршируетъ по-пажески, а не по нашему и что его надобно учить маршировать.

Василій Михайловичъ послѣ развода, стоя въ кругу своихъ офицеровъ, обратился къ Пущину съ слѣдующими словами: „вы слышали, Николай Николаевичъ, что его императорское высочество изволилъ мнѣ сказать о Николаѣ Николаевичѣ Великопольскомъ“.

„Слышалъ, ваше превосходительство“.

— „Его высочество изволилъ мнѣ приказать, чтобы учить Николая Николаевича маршировкѣ. А какъ-же я ему это скажу? Извольте, скажу, учиться маршировать, а онъ мнѣ на это крикнетъ: пошелъ . . . . . Кто ты?—мужикъ, за мѣдныя гроши учился, а я въ Пажескомъ корпусѣ воспитывался. И правда-съ“.

Пущинъ на это смиреніе своего полковаго командира отвѣчалъ: „онъ вамъ этого не скажетъ, ваше превосходительство“.

Помню и еще случай, который показываетъ, какое мнѣніе первенствующіе офицеры имѣли о своемъ полковомъ командирѣ, а за ними и воспріимчивая молодежь. Послѣ обѣда, который мы давали, какъ описано выше, генералу Веревкину, и послѣ качанья его на рукахъ образовался тѣсный кругъ офицеровъ около Веревкина и я уже совершенно пьяный вступилъ съ своимъ полковымъ командиромъ въ разговоръ о такихъ метафизическихъ отвлеченностяхъ, въ какія вдавался я, какъ студентъ, начитавшійся разныхъ бредней XVIII столѣтія, съ нѣкоторыми офицерами полка и особенно съ умнымъ, но поэтическимъ Габбе. Во время разговора съ Кишкинымъ, я обратился къ нѣкоторымъ офицерамъ, которые стояли около насъ съ словами: „вотъ говорятъ, что нашъ генералъ безъ мыслей, а, между тѣмъ, слышите, что говоритъ Василій Михайловичъ, да его мысли умнѣе всей нашей философіи“.

Поручикъ Желтухинъ, стоявшій подлѣ меня, хотѣлъ образумить меня въ неприличіи моей болтовни, но Василій Михайловичъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ моей откровенности и очень желалъ-бы, чтобы иногда я по вечерамъ заходилъ къ нему для подобнаго разговора.

1-мъ баталіономъ командовалъ послѣ полковника Дурасова полковникъ Энгельманъ, 2-мъ полковникъ Юкичевъ, а послѣ

его полковникъ Варпаховскій, столь памятные для насъ по исторіи Пущина и гибельной для меня съ Габбе. Энгельманъ былъ любимъ высшимъ кругомъ офицеровъ какъ товарищъ, Юкичевъ какъ добрый и лихой офицеръ, Варпаховскаго почти никто не зналъ, всѣ отзывались о немъ какъ о пустомъ человѣкѣ и всѣ знали, что онъ картежникъ и терпимъ былъ въ полку по милости Пущина и Габбе, какъ самыхъ уважаемыхъ и вліятельныхъ въ обществѣ офицеровъ. Первою гренадерскою ротою, называвшеюся ротою его императорскаго высочества цесаревича, командовалъ капитанъ Вилинбаховъ, 1-ю мушкетерскою штабсъ-капитанъ Граббе, прочихъ 1-го баталіона ротъ командировъ не умомню, 2-ю гренадерскою ротою командовалъ капитанъ Николай Николаевичъ Пущинъ, 5-ю мушкетерскою штабсъ-капитанъ Петръ Андреевичъ Габбе, а какими ротами командовали старшіе въ полку два капитана Марачинскій и Колотовъ—тоже не упомню, но эти два капитана были первою причиною полковой исторіи, какъ впослѣдствіи увидимъ. Всѣхъ моихъ сослуживцевъ, почти по истеченіи сорока лѣтъ, не могу припомнить, но въ моей памяти остались тѣ, съ которыми наиболѣе былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, а именно: поручикъ Михаилъ Ивановичъ Жеребцовъ и братъ его Григорій Ивановичъ. Первый нынѣ генералъ-лейтенантъ и сенаторъ, а второй, старшій братъ его, бывшій полковымъ казначеемъ, уже умеръ. Въ домѣ обоихъ собирались офицеры къ ихъ гостепріимному обѣду и ихъ вечернему чаю. Съ Жеребцовыми вмѣстѣ квартировалъ поручикъ Василій Аполлоновичъ Ушаковъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ писателемъ, чего въ полку никто въ немъ и не подозрѣвалъ. Василій Аполлоновичъ, по отзыву коротко его знавшихъ, зналъ французскій языкъ и французскую литературу лучше, чѣмъ свой родной языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нашу литературу, былъ, какъ всѣ мы видѣли, во всей силѣ слова неряха, любилъ пуншъ, вино, пиво и находился въ самыхъ дружескихъ связяхъ съ знаменитымъ польскимъ комикомъ, гулякою и острякомъ Жолкевскимъ.

Помню одинъ случай этого комика и остряка со мною. Я стоялъ на Іерусалимской рогаткѣ въ караулѣ. По пробитіи вечерней зари шлагбаумъ былъ опущенъ. Жолкевскій возвращался изъ сада для гулянья (огрудъ для шпацеру, какъ назывался

этотъ садъ по-польски, гдѣ главнымъ напиткомъ было превосходное варшавское пиво). Часовой окликнулъ приближавшагося къ шлагбауму: „кто идетъ?“.

Жолкевскій отвѣчалъ: „пиво“.

И дѣйствительно, это шла бочка пива; комикъ выпивалъ, какъ говорили, неимовѣрное число бутылокъ пива, а другъ его, Василій Аполлоновичъ, доказывалъ у меня не разъ ту-же любовь къ пиву, которое замѣняло у насъ нашъ русскій квасъ, въ мое время совершенно въ Варшавѣ неизвѣстный.

Жолкевскій издавалъ журналъ, гдѣ сыпалъ остротами и часто ѣдкими на высшія лица и русское правительство. Комикъ-журналистъ одинъ разъ до того вывелъ цесаревича изъ терпѣнія, что онъ приказалъ его представить во время пріема ординарцевъ къ себѣ. Жолкевскій явился; его высочество безъ дальнихъ словъ сказалъ ему по-польски:

„Я тебѣ кажу даць кіевъ“. Замѣтимъ, что по-польски кіевъ значитъ по-русски палокъ.

Шутникъ вышелъ отъ цесаревича въ пріемный залъ съ веселымъ лицемъ, потирая руки, и на вопросъ его знакомыхъ генераловъ—чему онъ такъ радъ, отвѣчалъ:

„Его цесарска мосць обецалъ мнѣ подаровать мѣсто Кіевъ“. (его императорское высочество обѣщалъ мнѣ подарить городъ Кіевъ).

При выходѣ въ залъ, цесаревичъ, вскорѣ по уходѣ журналиста-актера, замѣтилъ веселыя лица польскихъ генераловъ и намекнулъ имъ, что, вѣроятно, чѣмъ-либо разсмѣшилъ ихъ шутъ.

Одинъ изъ генераловъ разсказалъ отвѣтъ на его вопросъ; цесаревичъ, разсмѣявшись, сказалъ:

„Ну ему больно будетъ отъ этого Кіева“.

За Жеребцовыми и Ушаковымъ были поручиками Энгельгардъ, умный, благородный, любознательный, прекрасно образованный, пострадавшій по исторіи въ лейбъ-егерскомъ полку, изъ котораго былъ переведенъ въ армейскій полкъ тѣмъ-же чиномъ и поступившій потомъ вскорѣ, по великодушію государя цесаревича, въ нашъ полкъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Аполлономъ Ильичемъ Бибиковымъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантомъ. Съ этими благородными поручиками по той-же исторіи былъ переведенъ въ армейскій полкъ изъ лейбъ-егерей полковникъ Михаилъ Александровичъ Ермоловъ, очень богатый чело-

вѣкъ и къ этому, по отзыву его знавшихъ, ученый для военнаго поприща, и поручикъ Овандеръ, въ одно время съ Энгельгардомъ и Бибиковымъ переведенный въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ. За названными выше поручиками тверды въ моей памяти поручики: Ник. Ник. Великопольскій, о которомъ я выше говорилъ, Владиміръ Петровичъ Желтухинъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и директоръ Пажескаго корпуса, всѣми уважаемый за рыцарское благородство, честность, истинное благоразуміе во всей жизни и поступкахъ, Дмитрій Андреевичъ Хвощинскій, съ которымъ и до сихъ поръ встрѣчаюсь въ Тамбовѣ, какъ съ старымъ своимъ сослуживцемъ, или, лучше сказать, какъ съ служившимъ со мною нѣсколько времени въ одномъ полку. Перечту въ моей памяти своихъ одночинцевъ подпоручиковъ и прапорщиковъ. Уже выше говорилъ о двухъ Грессерахъ, дружно жилъ съ двумя Леванидовыми, изъ которыхъ, впрочемъ, старшій былъ въ мое время поручикомъ. Старшій былъ гуляка, но добрый, милый, готовый съ товарищемъ все прокутить и задолжать въ каждомъ мѣстѣ до большихъ непріятностей, которыя, наконецъ, этого богатаго кутилу и погубили. Леванидовы не входили въ тотъ высшій кругъ офицеровъ, который буду описывать впослѣдствіи [1]). Помню нѣсколько двухъ прапорщиковъ Ѳедоровыхъ, которыхъ отецъ былъ такъ называемымъ гатчинскимъ генераломъ.

Государь цесаревичъ былъ очень благосклоненъ ко всѣмъ офицерамъ, въ какихъ-бы они ни были чинахъ, служившимъ при покойномъ его родителѣ, когда наслѣдникъ престола проживалъ при императрицѣ Екатеринѣ II-й въ Гатчинѣ. Старикъ Ѳедоровъ, бывшій дворянинъ, при восшествіи на престолъ Павла I-го, въ числѣ многихъ возвышенъ былъ императоромъ въ чины и ему пожаловано было 1,000 душъ крестьянъ. По кончинѣ Павла I-го, бо́льшая часть генераловъ, подобныхъ Ѳедорову, вышли въ отставку и проживали или въ пожалованныхъ имъ щедрымъ покойнымъ императоромъ помѣстьяхъ или въ Москвѣ: Ѳедоровъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ училъ своихъ сыновей, какъ

[1]) Замѣчу, что всѣ поручики, кромѣ Жеребцовыхъ, Ушакова, Великопольскаго, были-бы и чинами меня моложе, если-бы представленіе меня въ Дворянскомъ полку въ гвардіи не было оставлено по безпутному бунту 1-го баталіона, какъ было выше разсказано. Н. В.

говоритъ Пушкинъ, чему-нибудь и какъ-нибудь, а обучивъ, рѣшился поочередно представлять ихъ на службу, подъ высокое начальство государя цесаревича Константина Павловича. Цесаревичъ принялъ старика очень милостиво и опредѣлилъ первыхъ двухъ сыновей его юнкерами въ нашъ полкъ, гдѣ они чрезъ годъ произведены были въ прапорщики. Кажется, чрезъ годъ или два, когда я уже былъ солдатомъ 50-го егерскаго полка, генералъ-лейтенантъ Павла I-го привезъ въ Варшаву еще двухъ сыновей, которые тоже помѣщены были, при производствѣ въ офицеры, въ одинъ изъ гвардейскихъ пѣшихъ полковъ. При этомъ вторичномъ представленіи двухъ сыновей, государь цесаревичъ спросилъ Ѳедорова:

„Старикъ, у меня уже двое твоихъ сыновей, еще привезъ ты мнѣ двухъ, скажи: много-ли еще осталось у тебя ихъ?“

— Это послѣдніе, ваше императорское высочество.

„Ну, хорошо, я и этихъ помѣщу“.

Послѣ милостивыхъ словъ цесаревича, Ѳедоровъ поклонился ему въ землю. Его в—ство былъ озадаченъ изъявленіемъ такой благодарности въ присутствіи своей свиты, и, отступивъ отъ лежавшаго генерала у его ногъ, сказалъ:

„Дмитрій Дмитріевичъ, вотъ это такъ было при покойномъ моемъ родителѣ“.

Цесаревичъ имѣлъ привычку при какомъ-либо случаѣ неудовольствія или чего-либо пріятнаго обращаться къ Дмитрію Дмитріевичу Курутѣ, который, будучи по рожденію грекомъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ грековъ, какъ разсказывали мнѣ, состоялъ камердинеромъ (?) въ свитѣ цесаревича, а внука своего Екатерина II прочила наслѣдникомъ престола будущей Греческой имперіи. Цесаревичъ прекрасно говорилъ по-гречески.

Не забуду прапорщика Обручева, поступившаго въ нашъ полкъ изъ 1-го кадетскаго корпуса, когда уже я былъ подпоручикомъ. Этотъ офицеръ во многомъ походилъ на своего брата, бывшаго впослѣдствіи военнымъ губернаторомъ Оренбургской губерніи, истиннаго солдата по благородному своему характеру, пылкому, честному во всей силѣ слова. Во время моей службы съ младшимъ Обручевымъ, старшій его братъ былъ начальникомъ штаба, кажется, во второй арміи. Изъ Дворянскаго полка за полгода до моихъ бѣдъ произведены были въ прапорщики

двое братьевъ Жидковыхъ, племянниви Николая Никитьевича Веревкина, офицеры фронта, достойные товарищи по своему благородному характеру.

Скажу здѣсь, что государь цесаревичъ, бывъ начальникомъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, приказывалъ начальникамъ 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ представлять къ производству въ офицеры гвардейскихъ полковъ, находящихся съ Варшавѣ, изъ тѣхъ кадетъ, которые достойны были по своему поведенію и знанію фронтовой службы, не разбирая богатъ или бѣденъ кадетъ. Великодушный царственный нашъ начальникъ ссужалъ деньгами не имущихъ офицеровъ и мало было такихъ отъ полковничьяго чина до прапорщика гвардейскихъ полковъ, которые не были-бы должны его высочеству, а объ уплатѣ-же долга никто и не помышлялъ; цесаревичъ не приказывалъ и напоминать своимъ должникамъ объ ихъ займѣ изъ его кассы. И таково было сердце нашего высокаго благотворителя, что онъ никогда не упрекалъ неблагодарностію даже и тѣхъ, кто иногда забывался противъ него.

До выступленія нашего въ лагерь между офицерами полка не было единства. Капитанъ Пущинъ и штабсъ-капитанъ Габбе были главами высшаго круга по ихъ уму и образованію; между ними видны были поручики Великопольскій, Энгельгардъ, Бибиковъ, прекрасно игравшій на 6-ти струнной гитарѣ; навѣщали ихъ Желтухинъ, Жеребцовъ, Хвощинскій 1-й и двое Грессеровъ. Считались ихъ товарищами капитаны Ивановъ и Вилинбаховъ, но болѣе по ихъ чинамъ, нежели по уму и образованію; прочіе-же офицеры видали Пущина и Габбе только во время служебныхъ обязанностей. Мой ротный командиръ штабсъ-капитанъ Граббе, квартировалъ въ гвардейскихъ казармахъ; у него я, какъ говорится, столовался и встрѣчался съ Габбе во время его дежурства по полку, но Пущина почти не зналъ до выступленія въ лагерь. Вообще, въ обществѣ офицеровъ было три круга: высшій, средній и низшій. Въ лагерѣ, какъ увидимъ, первые два круга слились въ одинъ, а послѣдній хотя и съ хорошими служебными и нравственными качествами, но по своему образованію и уму не могъ сходиться съ тѣми, которые не знали о чемъ съ ними говорить. Французскій языкъ и до сихъ поръ сближаетъ у насъ очень немудреныхъ людей съ умными, а въ мое служебное время этотъ языкъ былъ вывѣскою образованія и потому Анненковы,

Кишкинъ (братъ полковаго командира), Кіяковскій, Жидковы в другіе, которыхъ не припомню, безъ умѣнья говорить по-французски, хотя съ грѣхомъ пополамъ, какъ Ивановъ, Вилинбаховъ, Хвощинскій и другіе, безъ знанія наукъ и на своемъ языкѣ, не входили въ составъ круга, гдѣ Грессеры держались хотя и французскимъ языкомъ, но другіе, подобно Габбе, желали разговора не для одной бульварной болтовни.

Наконецъ, кажется въ іюнѣ мѣсяцѣ, мы выступили въ лагерь, устроенный для Литовскаго полка литовскими солдатами, для Волынскаго—солдатами этого полка, для пѣхотнаго гвардейскаго польскаго полка — ихъ солдатами, подъ присмотромъ по наряду офицеровъ отъ каждаго полка, тутъ-же находилась и гвардейская пѣшая артиллерія. Лагерь былъ расположенъ за Повонзскою заставою, въ 3-хъ верстахъ отъ Варшавы, подлѣ табачной фабрики Невоховича, и въ рощѣ этой фабрики, по распоряженію нашего полковаго командира и съ согласія всѣхъ нашего полка офицеровъ, была выстроена изъ досокъ гостинница италіанцомъ Морелли, гдѣ мы обѣдали за общимъ столомъ.

Первый день обѣда мнѣ памятенъ тѣмъ, что послѣ обѣда, когда мы всѣ подгуляли, завязался у меня разговоръ съ Габбе, Энгельгардомъ, Энгельманомъ, Желтухинымъ, съ которомъ я былъ уже въ хорошихъ отношеніяхъ, и еще съ другими офицерами, о незнакомствѣ старшихъ офицеровъ съ младшими. Разговоръ былъ съ моей стороны довольно шуменъ о вредѣ для нравственныхъ качествъ молодежи, когда она оставляется безъ наблюденія и суда нашихъ поступковъ старшими, а между тѣмъ, всякій отзывъ не только о чемъ-либо неприличномъ, но и о самомъ нашемъ неудовлетворительномъ образованіи долженъ оскорблять полковое самолюбіе офицеровъ. Къ этому разговору подошелъ капитанъ Пущинъ, принялъ въ немъ участіе, и когда я обратился къ нему съ откровеннымъ желаніемъ, чтобы старшіе офицеры, болѣе свѣдущіе во всемъ, своимъ сближеніемъ съ нами, молодыми офицерами, дали намъ возможность образоваться отъ нихъ, то Пущинъ отвѣчалъ мнѣ на это желаніе готовностію быть товарищемъ для всѣхъ не по одному мундиру, но и по самымъ чувствамъ товарищества. И этотъ разговоръ ввелъ меня въ тѣ пріятныя связи съ Пущинымъ и Габбе, которыя, наконецъ, погубили меня, но не по ихъ въ отношеніи меня винѣ, а по моему соб-

ственному безразсудству. Я былъ съ этого времени въ томъ лагерномъ высшемъ обществѣ офицеровъ, которое состояло изъ памятныхъ мнѣ лицъ; оно не разрывало своихъ связей до конца нашей полковой исторіи. Опишу составъ этого общества. Бесѣды наши для дѣльнаго разговора состояли изъ умныхъ: Пущина, Граббе, Желтухина, не бойкаго на словахъ и безъ всякихъ знаній положительныхъ наукъ; очень умнаго и свѣдущаго Энгельгарда, не шумливаго гитариста Бибикова, безспорнаго Михаила Жеребцова, безгласныхъ Грессеровъ, на все согласныхъ Вилинбаховыхъ, Иванова, Хвощинскаго, Обручева, частію Граббе и еще нѣсколькихъ, которые хотя и не вдавались въ метафизическіе споры, подобно Грессерамъ и ниже ихъ названнымъ, но входили въ кругъ Пущина и Граббе. Въ лагерѣ составился у насъ вистъ, который еще болѣе сближалъ насъ между собою, но Пущинъ, не любя вообще картежной игры, не участвовалъ въ нашемъ вистѣ. Постоянная ввстовая и бостонная наша партія состояла наиболѣе изъ Граббе, Желтухина, Хвощинскаго, Вилинбахова, изрѣдка Энгельгарда, Иванова и болѣе не помню, чтобы кто-нибудь брался за карту для виста. До сближенія съ Граббе и Пущинымъ, я игралъ обыкновенно въ бостонъ у Петра Христофоровича Граббе, когда оставался у него кто-либо изъ дежурныхъ офицеровъ по баталіону, а одну зиму у насъ образовался постоянный бостонъ въ квартирѣ Граббе, и этотъ бостонъ состоялъ изъ Граббе, меня, лейбъ-гвардіи Волынскаго полка капитана князя Дукова и нашего полка старшаго капитана Марачинскаго, который, во второй нашъ лагерь, подалъ поводъ къ первой забывчивости Пущина противъ государя цесаревича Константина Павловича.

VIII.

Первый нашъ лагерь былъ, по своей кратковременности, веселъ; мы сходились то у того, то у другаго офицера не для споровъ, не для ссоръ, а, какъ говорится, поболтать и повеселиться. Великій князь любовался устройствомъ нашего полка и называлъ его первымъ полкомъ въ русскомъ войскѣ. Бригадный генералъ нашъ Николай Никитичъ Веревкинъ часто бывалъ на нашихъ общественныхъ обѣдахъ, разсказывалъ, подгулявъ съ любимыми офицерами, о своихъ походахъ противъ турка, француза и шведа. Старика слушали, но не насмѣхались надъ простымъ разсказомъ своего начальника. Николай Никитичъ любилъ общество офицеровъ Литовскаго полка и какъ будто предчувствовалъ, что послѣ перваго лагеря Волынскій полкъ будетъ причиною его будущихъ горестей; онъ не сближался съ офицерами Волынскаго полка, хотя палатка его и была на правомъ флангѣ этого полка, въ которомъ офицеры ѣли и пили по своимъ палаткамъ, а не за общимъ столомъ.

Простоявъ, помнится, не болѣе мѣсяца въ лагерѣ, мы воротились въ Варшаву и разошлись по своимъ квартирамъ. Не помню, кто подалъ мысль не прерывать нашихъ лагерныхъ бесѣдъ и въ самой Варшавѣ. Было положено, чтобы у нѣкоторыхъ офицеровъ по вечерамъ собирались мы и проводили время за вистомъ, а кто не участвуетъ въ вистѣ—въ разговорахъ. На моей квартирѣ былъ назначенъ одинъ день, другой у Иванова съ Хвощинскимъ, которые квартировали вмѣстѣ, третій—у Вилинбахова, четвертый—у Желтухина, пятый—у Габбе, потомъ безъ очереди собирались у Пущина, Жеребцовыхъ, Энгельгарда, который квартировалъ съ товарищемъ своимъ, по лейбъ-Егерскомъ полку, поручикомъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Овандеромъ; бывали не въ полномъ составѣ, какъ не у любителя картъ, у полковника Энгельмана, командовавшаго впослѣдствіи нашимъ полкомъ и застрѣлившагося послѣ польской кампаніи отъ причины, которую, можетъ быть, въ своемъ мѣстѣ опишу.

Нужно-ли говорить, сколь пріятны были наши собранія на своихъ квартирахъ. Бо̀льшая часть офицеровъ не искала зна-

комствъ съ польскими дворянскими домами; поляки, какъ и всегда, обманывали своими чувствами наше народное самолюбіе, а при первой возможности оскорбляли все русское. Народъ, не умѣвшій самъ съ собою управиться, тяготился тѣми, кто удерживалъ ихъ отъ буйствъ, какими знаменовалась шляхта на своихъ сеймахъ и сеймикахъ, и потому мы находили удовольствіе въ своемъ русскомъ кругу, а на поляковъ смотрѣли безъ желанія сближаться съ ними.

Въ эту-же зиму показался въ нашемъ кругу отставной поручикъ англійской службы, по рожденію полякъ, Заржицкій. Поручикъ англійской службы, прослуживъ въ колоніяхъ 25 лѣтъ, получилъ отъ англійскаго правительства такой пенсіонъ, какого у насъ не получали и полковники. Заржицкій, воротясь на родину къ родному своему брату, ни слова не разумѣлъ по-польски, но сверхъ англійскаго языка говорилъ, какъ нѣмецъ, по-нѣмецки. Пущинъ гдѣ-то встрѣтилъ его, полюбилъ англичанина по духу и характеру, предложилъ ему мѣсто учителя англійскаго языка для тѣхъ изъ офицеровъ нашего полка, которые захотятъ учиться у него этому языку. Скоро составился классъ англійскаго языка по очереди на квартирахъ учениковъ Заржицкаго и эти ученики были: капитанъ Пущинъ, капитанъ Вилинбаховъ, штабсъ-капитанъ Габбе, подпоручикъ Веригинъ и поручикъ одного польскаго полка, адъютантъ генерала Блюммера. Забылъ прозваніе этого поручика [1]), но помню его высокое образованіе, его не хвастливый патріотизмъ, помню его заступничество за причины бѣдствій, въ которыхъ мы обвиняли народный характеръ поляковъ, помню его письменный ва французскомъ языкѣ отвѣтъ, въ которомъ онъ оправдывалъ свое бывшее польское правительство и обвинялъ въ бѣдствіяхъ своего отечества русское, прусское и австрійское, и помню, наковецъ, несчастіе, какое предстояло ему, если-бы этотъ его письменный отвѣтъ найденъ былъ въ числѣ бумагъ Пущина, когда квартира его была подъ надзоромъ караула. Заржицкій, нашъ учитель англійскаго языка, спасъ адъютанта генерала Блюммера еще отъ бо́льшаго несчастья, въ какое я ворвался съ Пущинымъ и отъ котораго не избѣгъ умный Габбе.

Послѣ этого перваго лагеря государь императоръ Александръ Павловичъ прибылъ въ Варшаву для открытія сейма. Этотъ

[1]) Не Скржинецкій-ли? И. В.

пріѣздъ былъ для меня памятенъ съѣздомъ родственныхъ нашему императорскому дому нѣкоторыхъ нѣмецкихъ принцевъ и особенно прибытіемъ высокаго гостя виртембергскаго короля Вильгельма, а также путешествовавшаго по Европѣ герцога Кумберландскаго. Всѣ разводы, ученья и маневры дѣлались въ честь Виртембергскаго короля. Особенное вниманіе молодежи обращалъ на себя герцогъ Кумберландскій, который, какъ англичанинъ, велъ себя, по слухамъ, очень разгульно. Я видалъ его на разводахъ въ гусарскомъ мундирѣ, высокаго, худощаваго, довольно пожилаго и безъ всякой церемоніи смотрѣвшаго на все и на всѣхъ въ длинную подзорную трубу. Разсказывали, что онъ послѣ маневровъ всѣхъ русскихъ и польскихъ гвардейскихъ и многихъ армейскихъ польскихъ полковъ былъ въ восторгѣ, какъ кавалеристъ, отъ нашей и польской конницы, когда-же узналъ, что при изъявленіи государемъ императоромъ его высочеству цесаревичу благодарности за доведеніе полковъ до высшаго устройства назначено государемъ на каждаго солдата по рублю серебромъ, по фунту говядины и по чаркѣ вина, то просилъ цесаревича позволить ему на каждаго кавалерійскаго солдата выдать по фунту стерлинговъ. Императоръ, узнавъ отъ цесаревича желаніе герцога, приказалъ благодарить его и, какъ говорили, замѣтилъ ему, что солдаты его довольны наградою, которая дается имъ ихъ государемъ. Виртембергскій король, принцы и отъ всѣхъ дворовъ присланные съ поздравленіями государя посланники оставили Варшаву до отъѣзда государя въ С.-Петербургъ, но герцогъ Кумберландскій едва-ли не располагалъ еще пожить въ столицѣ Царства Польскаго, гдѣ ему понравились и вино, и панны, и если-бы не пріемъ цесаревича на первомъ разводѣ своего гостя, то англичанинъ оставилъ-бы довольно денегъ для варшавскихъ торговцевъ. По отъѣздѣ государя, на другой день былъ у насъ на Саксонскомъ плацу обычный разводъ, послѣ котораго цесаревичъ принималъ кавалерійскихъ ординарцевъ. Во время пріема ординарцевъ, Дмитрій Дмитріевичъ Курута подошелъ къ его высочеству и доложилъ ему, что пріѣхалъ герцогъ Кумберландскій. Мы видѣли, какъ герцогъ въ своемъ красномъ гусарскомъ мундирѣ вылѣзъ съ своимъ адъютантомъ изъ коляски, пошелъ съ конца плаца въ разстояніи саженъ сто отъ мѣста, гдѣ стоялъ цесаревичъ, къ хозяину Варшавы и видѣли, какъ его высочество

въ первомъ порывѣ вѣжливости пошелъ къ герцогу, потомъ, сдѣлавъ шаговъ пять, воротился на свое мѣсто и, наконецъ, когда уже англичанинъ былъ отъ цесаревича шагахъ въ десяти, обернулся къ нему и, коротко поздравствовавшись съ нимъ, указалъ рукою кавалерійскому ординарцу, чтобы онъ являлся къ герцогу. Но другому ординарцу онъ показалъ рукою, чтобы являлся къ нему. Герцогъ послѣ такого привѣта тотчасъ поклонился его высочеству и, получивъ такой-же поклонъ отъ цесаревича, пошелъ къ своей колескѣ, цесаревичъ-же ни шагу не сдѣлалъ съ своего мѣста для провода своего гостя. Англичанинъ, прибывъ въ королевскій дворецъ, гдѣ отведены были ему покои во время пребыванія въ Варшавѣ императора, въ тотъ-же день выѣхалъ изъ Варшавы. Сцена эта показала намъ, какъ откровененъ былъ нашъ высокій начальникъ въ своихъ чувствахъ и съ самими царственными лицами, когда они поступками своими не отвѣчали высокому своему сану. Намъ говорили, что герцогъ Кумберландскій, по приговору англійскаго правительства за какой-то насильственный поступокъ, былъ приговоренъ на годъ для путешествія по Европѣ, и многимъ, которые считали себя знатоками европейскихъ дворовъ, казалось страннымъ, что онъ пожаловалъ къ государю, считавшемуся олицетвореннымъ благородствомъ.

Въ то-же время я былъ свидѣтелемъ другой сцены очень пріятной для русскаго самолюбія: недѣли двѣ спустя пребыванія государя въ Варшавѣ, сдѣлалось извѣстнымъ, что къ нему ѣдетъ графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Его высочество давалъ чувствовать всѣмъ, кому слѣдовало понимать его чувства, что скоро пріѣдетъ тотъ, чей приговоръ нашей службѣ и всему гражданскому и военному устройству очень важенъ. Графъ былъ принятъ цесаревичемъ какъ желанный гость; почти всюду сопровождалъ Аракчеева самъ великій князь, все ему показывалъ. Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ графа, на Саксонскомъ плацу былъ, въ присутствіи короля Виртембергскаго, государя императора и всѣхъ прочихъ гостей нашего царя, разводъ 1-му баталіону лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Императоръ стоялъ по лѣвую руку короля Виртембергскаго, которому отдавалась вся честь, нѣсколько поодаль отъ императора находился съ своею длинною подзорною трубою герцогъ Кумберландскій и отъ него

въ шагахъ трехъ стоялъ графъ съ его высочествомъ. Взводы прошли скорымъ шагомъ и графъ выразился цесаревичу въ такихъ похвалахъ всего видѣннаго имъ, что цесаревичъ, въ восторгѣ отъ словъ перваго любимца царя, быстро поцѣловалъ въ плечо его, графъ приложилъ свои губы въ отвѣтъ цесаревичу ниже плеча его, цесаревичъ отвѣтилъ графу тѣмъ-же поцѣлуемъ около локтя лѣвой руки Аракчеева. Поцѣлуи производились передъ нами, мы-же стояли противъ императора и всѣхъ гостей его. Государь искоса смотрѣлъ на сцену примиренія и слегка улыбнулся. Я сказалъ примиренія: молва говорила, что его высочество никогда не былъ привязанъ къ графу, какъ несогласному съ нимъ въ такихъ желаніяхъ, которыя не отвѣчали финансовымъ, административнымъ и политическимъ видамъ графа, а графъ дѣйствительно имѣлъ право избрать себѣ девизомъ своей преданности своему монарху, написавъ на скромномъ своемъ въ Петербургѣ домѣ: „Преданъ безъ лести“. Одна воля государя могла измѣнить какой-либо взглядъ графа въ дѣлахъ государственныхъ и потому мы повѣрили толкамъ, что графъ, въ пріѣздъ свой въ Варшаву, отъ ласкъ цесаревича оставилъ свою мысль объ устройствѣ по границѣ Царства Польскаго къ Россіи военныхъ поселеній, которыми онъ тогда занимался въ Новгородской губерніи и другихъ. Впрочемъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и графъ Алексѣй Андресвичъ въ одномъ, кажется, сходились: они оба были въ душѣ русскіе. Цесаревичъ по свойству своего сердца вѣрилъ привязанностямъ къ нему, вѣрилъ, когда ему говорили: „я преданъ вамъ, я люблю васъ“, и часто былъ обманываемъ, особенно лживыми поляками. Но графъ Аракчеевъ не былъ полякъ, онъ говорилъ что̀ чувствовалъ, онъ не лгалъ ни дѣломъ, ни словомъ, и мудрено-ли, что цесаревичъ, зная правдолюбіе Алексѣя Андреевича, пылко отвѣчалъ своею признательностью во время парада на нелживыя похвалы графа всему имъ видѣнному. Но Аракчеевъ, замѣтимъ, былъ не только не любимъ, но даже ненавидимъ многими.

IX.

Въ маѣ мѣсяцѣ тѣ-же гвардейскіе полки выступили въ лагерь и мы снова размѣстились по своимъ баракамъ, устроеннымъ изъ досокъ и находившимся предъ холстинными палатками солдатъ. Отъ офицерскихъ бараковъ въ 50-ти или болѣе саженяхъ находились кухни для каждой роты солдатъ, гдѣ они въ положенное время обѣдали и ужинали. Итальянецъ, какъ и въ прошедшемъ году, на одинаковомъ положеніи, т. е. по три злота съ лица, устроилъ для нашего полка общій столъ. Мы знали, что намъ въ этомъ году назначено было простоять въ лагерѣ уже не мѣсяцъ, а четыре. Къ этой непріятной вѣсти присоединилась еще бо́льшая непріятность: лѣто было холодное и дождливое. Энгельгардъ захворалъ и отправился для лѣченія на варшавскую свою квартиру. Мѣсяца черезъ два и я не выдержалъ въ моемъ баракѣ холода и сырости: у меня открылась или, лучше сказать, возобновилась грудная боль съ колотьемъ въ сердцѣ. Его высочество приказалъ, на просьбу мою о позволеніи переѣхать на варшавскую мою квартиру, отправить меня въ уѣздовскій госпиталь, куда еще до меня былъ помѣщенъ подпоручикъ Хвощинскій 2-й, умершій мѣсяца черезъ два въ чахоткѣ.

Еще до болѣзни моей и Хвощинскаго 2-го сдѣлалось извѣстнымъ въ кругу старшихъ офицеровъ о неприличной ссорѣ двухъ капитановъ Марачинскаго и Колотова. Игра въ свайку была въ холодное время занятіемъ нѣкоторыхъ офицеровъ. Недалеко отъ барака Марачинскаго играли въ свайку Хвощинскій 2-й, Чернякъ, Леванидовъ 2-й и прапорщикъ Малиновскій. Всѣ эти офицеры видѣли, какъ изъ барака Марачинскаго вышелъ взволнованный капитанъ Колотовъ, слышали, что Марачинскій вслѣдъ Колотову закричалъ „подлецъ“, а этотъ отвѣтилъ ему тѣмъ-же названіемъ съ поправкою только: „нѣтъ, ты подлецъ“. Отъ кого изъ этихъ четырехъ офицеровъ узналъ Пущинъ съ Габбе о ссорѣ первыхъ двухъ по старшинству въ полку капитановъ, не припомню, но впослѣдствіи отъ моихъ одночинцевъ было мнѣ извѣстно, что ротные командиры довели до свѣдѣнія своего полковаго командира ругательства Марачинскаго съ Колотовымъ и просили объ удаленіи изъ полка офицеровъ, которые марают мун-

диръ полка. Василій Михайловичъ Кишкинъ былъ озадаченъ желаніемъ капитановъ, и болѣе схожій по своему образованію съ Колотовымъ и Марачинскимъ, а, слѣдовательно, имъ симпатичный, просилъ капитановъ, чтобы они ему предоставили безъ шуму исполнить ихъ желаніе въ теченіе, кажется, 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ. Къ концу лагерной жизни я воротился изъ госпиталя, гдѣ пробылъ двѣ недѣли, въ свой баракъ и, при выступленіи изъ лагеря на зимнія наши варшавскія квартиры, былъ свидѣтелемъ рѣзкихъ замѣчаній его высочества о непорядкахъ въ нашемъ полку и самыхъ упущеніяхъ по фронтовой службѣ, что поставлялось на видъ капитанамъ, какъ виновникамъ всего. Всѣ видѣли, что это знакъ неудовольствія цесаревича на желаніе капитановъ избавиться отъ Марачинскаго и Колотова, переведенныхъ въ капитанскихъ чинахъ изъ армейскихъ полковъ его высочествомъ за отличное знаніе фронтовой службы и умѣнье сурово или, какъ нынѣ говорятъ, энергически командовать солдатомъ. Марачинскій былъ по рожденію и въ душѣ полякъ, заносчивый, ко всему русскому непріязненный и въ одномъ только съ народнымъ характеромъ поляка не сходившійся: онъ не былъ хвастливъ. Колотовъ былъ сынъ нѣкогда состоявшаго въ гвардейскихъ полкахъ закройщика, котораго я видѣлъ въ Варшавѣ уже статскимъ совѣтникомъ. Этотъ сынъ закройщика былъ очень рослый, какъ и Марачинскій, очень сильный, совершенно необразованный и только замѣтный передъ своею ротою, которую держалъ въ желѣзной рукѣ. Оба эти офицеры были переведены изъ армейскихъ полковъ въ л.-гв. Литовскій полкъ и, какъ говорится, сѣли на голову тѣмъ офицерамъ, которые ни по воспитанію, ни по рожденію не могли быть ихъ товарищами, а по своимъ нравственнымъ качествамъ ни тотъ, ни другой не умѣлъ и сближаться съ тѣми, кто имѣлъ первенствующій голосъ въ полку.

Его высочество не скрывалъ своего неудовольствія во время разводовъ, когда нашъ полкъ вступалъ въ караулъ, но, любя особенно Литовскій полкъ, еще не изъявлялъ своего гнѣва на командующихъ ротами. Спустя четыре мѣсяца, капитаны напомнили своему полковому командиру о переводѣ Марачинскаго и Колотова безъ шуму, куда будетъ угодно его высочеству, и Василій Михайловичъ Кишкинъ долженъ былъ доложить чрезъ

бригаднаго генерала уже официально цесаревичу о просьбѣ ротныхъ командировъ. Великій князь потребовалъ къ себѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, около 8 часовъ вечера, всѣхъ ротныхъ командировъ, кромѣ Марачинскаго и Колотова, и баталіонныхъ командировъ въ Бельведерскій свой дворецъ. Передаю, какъ слышалъ, кажется, отъ Жеребцова, который за кого-то командовалъ въ то время ротою, или отъ Граббе, все говоренное его высочествомъ и все сказанное Пущинымъ. Цесаревичъ началъ упрекать ротныхъ командировъ, что они оскорбляются какимъ-то пустымъ словомъ, сказаннымъ товарищемъ товарищу, и что это слово есть только предлогъ очистить себѣ дорогу къ повышеніямъ. Пущинъ одинъ изъ самыхъ строгихъ служакъ, какъ отзывался о немъ нерѣдко цесаревичъ, забывъ, что тутъ находились два капитана старше его, Ивановъ и Вилинбаховъ, сказалъ его высочеству, что это пустое слово было „подлецъ", а съ такимъ названіемъ офицеръ не можетъ быть его товарищемъ. Его высочество замѣтилъ Пущину кротко такъ: „Николай Николаевичъ, здѣсь есть старше васъ капитаны, а вы знаете, что младшій не долженъ говорить, когда молчатъ старшіе, да и здѣсь стоятъ полковники".

Послѣ этого великій князь возобновилъ свои упреки на пустое слово, сказавъ:

„Вы взволновались за слово, а есть такія дѣла между вашими офицерами, на которыя вы не обращаете вниманія. Поручикъ Леванидовъ и прапорщикъ Чернякъ и Малиновскій откупили винный погребокъ и тамъ кутятъ,—этого вы не называете неприличнымъ вашему мундиру".

Пущинъ отвѣтилъ на это:

„Вы, ваше императорское высочество, шефъ нашего полка и если кто ведетъ себя неприлично нашему мундиру, того просимъ мы удалить изъ полка, я имѣю честь носить одинъ мундиръ съ вашимъ высочествомъ и знаю, что вы не допустите замарать его".

Цесаревичъ имѣлъ терпѣніе выслушать длинное замѣчаніе Пущина и только сказалъ на это: „Я знаю какъ поступить въ этомъ дѣлѣ". Снова великій князь съ горячностію заговорилъ о вредѣ несогласій между офицерами и сказалъ, что эти сплетни не приведутъ къ добру. Пущинъ, услыхавъ слово сплетни, запальчиво перебилъ цесаревича: „Здѣсь нѣтъ сплетниковъ". Цесаревичъ горячо сказалъ Пущину: „Капитанъ Пущинъ, послѣдній

разъ вамъ говорю, если вы скажете хотя одно слово, тогда будете преданы военному суду, какъ ослушникъ противъ меня; повторяю вамъ, для отвѣтовъ здѣсь стоятъ старшіе васъ".

Но Пущинъ забылъ угрозу цесаревича и на повторенное оскорбительное слово сплетни, вскрикнулъ: „Вы оскорбляете, ваше высочество, тотъ мундиръ, который носите сами. Законъ даетъ вамъ право наказывать насъ, но не ругать".

Послѣ этихъ словъ цесаревичъ обратился къ начальнику штаба Д. Д. Курутѣ и сказалъ: „арестуйте капитана Пущина и въ 24 часа судить его военнымъ судомъ".

Капитанъ Пущинъ былъ арестованъ, отправленъ на гауптвахту Саксонскаго плаца, а цесаревичъ, отдавъ такое приказаніе, тотчасъ ушелъ въ кабинетъ.

Все это происшествіе я узналъ на квартирѣ капитана Вилинбахова, гдѣ я, въ числѣ нѣкоторыхъ офицеровъ, ожидалъ возвращенія капитановъ.

Въ собраніи капитановъ и тѣхъ офицеровъ, которые входили въ ихъ кругъ, было рѣшено, чтобы черезъ полковаго командира довести до свѣдѣнія его высочества, что всѣ бывшіе капитаны у его высочества—участники въ возраженіяхъ и отвѣтахъ Пущина и что всѣ просятъ одинаково судить ихъ съ Пущинымъ и это рѣшеніе долженъ былъ представить Вас. Мих. Кишкину капитанъ Ивановъ, какъ старшій изъ ротныхъ командировъ. Петръ Андреевичъ Габбе, другъ Пущина, былъ главнымъ направителемъ такого желанія своихъ по чину товарищей. На другой день по-утру я написалъ наскоро длинное посланіе къ Пущину и подъ этимъ посланіемъ подписалъ не свою фамилію, а Космополитъ. Въ этомъ посланіи я обвинялъ цесаревича во всѣхъ его выраженіяхъ и говорилъ, что онъ самъ вынудилъ Николая Николаевича къ возраженіямъ и отвѣтамъ, которые всѣ офицеры полка раздѣляютъ съ нимъ. Я предлагалъ Пущину оправдываться на судѣ такъ, чтобы не онъ былъ виноватымъ, а его высочество. Написавъ всѣ мои мысли къ оправданію Пущина, я отправился къ Габбе, прочиталъ ему мною написанное и отдалъ ему для отсылки къ подсудимому.

Габбе послалъ мое писаніе къ Пущину при короткой своей запискѣ вечеромъ, гдѣ выразился такъ: „я читалъ мысли Николая Викторовича къ вашему оправданію и нахожу ихъ умными

и справедливыми, почему посылаю вамъ письмо его для вашихъ соображеній".

Въ это-же свиданіе съ Габбе, онъ сообщилъ мнѣ еще нѣкоторыя выраженія цесаревича и просилъ меня послать добавленіе къ длинному моему письму. Послѣ обѣда я написалъ къ Пущину еще, но короткое письмецо, гдѣ въ концѣ сказалъ: „мы дѣйствуемъ, но какъ—писать нельзя".

Пущинъ получилъ оба мои письма по возвращеніи изъ суда, гдѣ, какъ было приказано, въ 24 часа составленъ былъ ему военнымъ судомъ приговоръ. На оба мои письма Николай Николаевичъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ вполнѣ признателенъ за мое участіе къ его судьбѣ и что онъ цѣликомъ помѣстилъ-бы въ своихъ отвѣтахъ все мною написанное, если-бы получилъ письма мои до призыва его въ судъ, но теперь уже поздно, писалъ онъ мнѣ, воспользоваться вашими дружескими совѣтами. Вечеромъ капитанъ и многіе младшіе офицеры собрались снова у капитана Вилибнахова, для узнанія отвѣта отъ полковаго командира о рѣшимости капитановъ быть судимыми вмѣстѣ съ Пущинымъ.

Во время толковъ старшихъ офицеровъ о дѣйствіяхъ своихъ къ избавленію ихъ товарища, мнѣ подалъ денщикъ Николая Николаевича другое отъ него, ко мнѣ письмо. Это письмо, бывшее впослѣдствіи, какъ увидимъ, во второмъ проступкѣ Пущина противъ его высочества поводомъ къ раскаянію его предъ цесаревичемъ, было наполнено оскорбительными эпитетами и словами, такъ что я не считаю возможнымъ передавать содержаніе его. Пущинъ началъ письмо такъ: „Если-бы вы были, любезный другъ Николай Викторовичъ, свидѣтелемъ той сцены, какая передъ мною происходитъ, тогда узнали-бы цесаревича...., но я молчу". Пущинъ описывалъ приговоръ польской судной комиссіи маіора, одного польскаго армейскаго полка, служившаго при Наполеонѣ, лишеннаго чиновъ и ссылаемаго въ кандалахъ въ крѣпостную работу; онъ говорилъ въ немъ о семействѣ маіора, которое въ его глазахъ своимъ плачемъ разрываетъ сердце его на части [1]). Письмо это я долженъ-бы былъ тутъ-же уничтожить, но въ минуту чтенія съ Габбе вбѣжалъ къ намъ полковой нашъ адъютантъ

[1]) Здѣсь, вѣроятно, идетъ рѣчь о маіорѣ Лукасинскомъ; онъ былъ присужденъ въ 1824 году къ работамъ въ крѣпостяхъ на 7 лѣтъ.

Ред.

Мичуринъ съ извѣстіемъ, что его высочество требуетъ всѣхъ капитановъ къ себѣ въ Бельведеръ и что по всѣмъ намекамъ пріѣхавшаго отъ него нашего полковаго командира есть надежда, что конецъ будетъ прощеніе Пущина и примиреніе со всѣми. Я второпяхъ сунулъ страшное письмо въ карманъ жилета, а могу сказать—къ несчастію Пущина забылъ о немъ, считая его сожженнымъ, какъ было сожжено первое его ко мнѣ письмо.

Цесаревичъ принялъ капитановъ милостиво. „Не удивляюсь, выразился цесаревичъ, что вы, господа, стараетесь выручить вашего товарища изъ несчастія, я самъ люблю, уважаю Николая Николаевича, я горжусь такими офицерами, какъ капитанъ Пущинъ, я хочу съ нимъ помириться; поѣзжай, Петръ Андреевичъ, къ своему другу, привези его ко мнѣ, и мы больше ссориться не будемъ".

Габбе привезъ Пущина, и его высочество, держа въ рукахъ приговоръ суда, встрѣтилъ его словами: „все забыто", и тутъ-же разорвалъ приговоръ суда, разцѣловалъ Пущина и всѣхъ капитановъ, сказавъ при прощаніи: „все забудется что̀ было между нами".

Такъ кончилась первая исторія полка, но не кончилось ожиданіе офицеровъ къ переводу Марачипскаго и Колотова въ армейскіе полки. Въ ту-же зиму Леванидовъ, Чернякъ и Малиновскій были переведены въ армейскіе полки, гдѣ первый вскорѣ померъ отъ слѣдовъ своей разгульной жизни. Поводъ къ покупкѣ погребка Леванидовымъ и Чернякомъ былъ, какъ разсказывалъ мнѣ Леванидовъ, слѣдующій. Эти три нашихъ офицера сидѣли въ цукернѣ Лесли на Медовой улицѣ за стаканами пунша, имѣя передъ собою по два стакана на каждаго. Туда-же вошли три польскихъ офицера и увидавъ русскихъ офицеровъ съ 2-мя стаканами передъ каждымъ, потребовали для себя по три стакана на брата. Чернякъ закричалъ, чтобы имъ подали по четыре, польскіе офицеры потребовали по шести.

Чернякъ, богатый офицеръ, обратился къ богатому своему товарищу Леванидову съ предложеніемъ: „купимъ у Лесли погребокъ и тогда поляки останутся безъ пунша".

Леванидовъ на это согласился. Чернякъ спросилъ Лесли что стоитъ весь его погребокъ, цукерникъ объявилъ цѣну и Чернякъ съ Леванидовымъ тутъ-же заключили торгъ съ Лесли и объявили

польскимъ офицерамъ, что всѣ вина Лесли ихъ собственность и что они могутъ пить пуншъ, какъ ихъ гости и сколько имъ угодно.

Не помню, остались-ли поляки или нѣтъ въ цукернѣ, но наши три офицера кутили каждый день въ своемъ погребкѣ. Обо всемъ этомъ происшествіи было тайною полиціею доведено до свѣдѣнія его высочества, но никто изъ старшихъ и къ ихъ кругу принадлежавшихъ младшихъ ничего не зналъ.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА.

Род. 1796 г., † 1872 г.

X [1]).

Зима до третьяго лагеря прошла въ ожиданіи, скоро ли будетъ развязка съ Марачинскимъ и Колотовымъ, которые, кажется подъ видомъ болѣзни, почти не показывались на ученьяхъ. Общество офицеровъ стало разъединяться: полковникъ Энгельманъ, товарищъ по кадетскому корпусу Габбе, не показывался на квартирахъ тѣхъ, къ кому прежде хаживалъ, Варпаховскій, получивъ въ командованіе 2-й батальонъ, отдѣлился даже отъ Пущина и Габбе, снисхожденіемъ которыхъ удержался въ полку, когда его высочество, передъ фронтомъ, назвалъ его, кажется еще въ капитанскомъ чинѣ, «гороховымъ шутомъ». По всему видно было, что взглядъ полковниковъ не одинаковъ былъ со взглядомъ капитановъ на переводъ старшихъ двухъ капитановъ, которые при первомъ производствѣ были бы полковниками. Полковники видѣли, какъ и его высочество, не столько щекотливость къ бранному слову, сколько желаніе капитановъ, а за ними и младшихъ чиновъ, очистить себѣ дорогу къ производствамъ. Энгельманъ и Варпаховскій могли ожидать себѣ подобнаго же приговора младшихъ офицеровъ при первомъ поводѣ къ неудовольствію на ихъ начальническое обхожденіе съ офицерами, и особенно могъ ожидать Варпаховскій толчка отъ своихъ подчиненныхъ. Кромѣ французскаго языка, на которомъ онъ говорилъ кое-какъ и которому выучили его Пущинъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXVI, октябрь, стр. 45—80, ноябрь, стр. 294—314.

и Габбе, онъ ничего не смыслилъ и всѣмъ былъ непріятенъ своей картежной игрой. Пущинъ во время моихъ прогулокъ съ нимъ изъ лагеря къ Маримонскому каскаду, сидя передъ каскадомъ, разговаривалъ со мной и о офицерахъ нашего полка. Объ Варпаховскомъ, переведенномъ изъ армейскаго полка, за полученную имъ въ сраженіи тяжелую рану, въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, говорилъ, что онъ до того тупъ, что едва можно было вдолбить ему нѣсколько французскихъ словъ для обыкновенныхъ фразъ, которыми бы онъ хотя нѣсколько могъ быть не смѣшнымъ для гвардейскаго офицера; что же касается о разговорѣ съ нимъ о чемъ-нибудь дѣльномъ, то и русскій языкъ въ этомъ случаѣ тоже для него, что и французскій. Варпаховскаго я нигдѣ не встрѣчалъ, онъ имѣлъ свой картежный кругъ внѣ нашего полка. Однажды въ лагерѣ онъ выигралъ въ своей палаткѣ три тысячи злотыхъ у Петра Андреевича Габбе, получивъ при игрѣ одну тысячу злотыхъ, а двѣ остались за Габбе. Со мной послѣ этой игры встрѣтился благородный Энгельгардтъ, который былъ свидѣтелемъ проигрыша Габбе; онъ съ негодованіемъ разсказывалъ мнѣ о карточномъ вампирѣ, котораго, говорилъ, надобно выжить изъ полка, какъ глупца по головѣ и какъ вреднаго по своей картежной игрѣ. Описываю этотъ случай, какъ взглядъ лучшихъ офицеровъ на Варпаховскаго, бывшаго впослѣдствіи причиной всѣхъ несчастій Пущина и Габбе и моего добровольнаго съ ними участія въ гибели.

До выступленія въ лагерь, за 2 или 3 мѣсяца, полковой нашъ командиръ производилъ нашему полку за Варшавой на Пескахъ ученье. Варпаховскій командовалъ 2-мъ батальономъ. Въ 5-й ротѣ Петра Андреевича Габбе одинъ солдатъ передней шеренги сдѣлалъ по командѣ на караулъ какой-то темпъ не въ разъ съ другими. Варпаховскій подскакалъ къ нему и приказалъ влѣпить виновному нѣсколько ударовъ тесакомъ. Габбе, стоя во фронтѣ, замѣтилъ на французскомъ языкѣ батальонному своему начальнику, что онъ наказываетъ лучшаго солдата во всей его ротѣ и что этотъ солдатъ во всю свою службу никогда и дурнаго слова ни отъ одного изъ своихъ начальниковъ не слыхалъ, а не только подвергался столь поругательному наказанію.

Варпаховскій отвѣчалъ Габбе по-русски, что онъ его арестуетъ, если онъ будетъ продолжать свои объясненія о солдатѣ.

Какъ молнія, пронеслось мимо ушей офицеровъ всего полка, что Варпаховскій, ничтожный Варпаховскій, хочетъ арестовать Габбе.

Скоро послѣ разговора Габбе съ Варпаховскимъ данъ былъ отдыхъ солдатамъ. Пущинъ не вытерпѣлъ забывчивости глупца противъ всѣми любимаго и уважаемаго Габбе, вышелъ передъ своей ротой и закричалъ своимъ громкимъ голосомъ, грозя рукой: «я тебя.... я тебя... «гороховаго шута», проучу, я тебѣ покажу... картежнику, кто ты!».

Варпаховскій, сидѣвъ на лошади въ близкомъ разстояніи отъ Пущина, слышалъ всю его брань и имѣлъ неосторожность прискакать къ взбѣшенному капитану съ требованіемъ, чтобы онъ ему сказалъ, къ кому относятся всѣ оскорбленія, которыя онъ произноситъ предъ фронтомъ солдатъ.

Пущинъ отвѣтилъ ему рѣзко и съ презрѣніемъ, что онъ послѣ ученья скажетъ ему, кому онъ все говорилъ, а теперь не мѣсто и не время объясняться съ нимъ.

Варпаховскій повелительно объявилъ капитану 2-й Гренадерской роты, чтобы онъ сейчасъ же далъ ему, какъ своему начальнику, отвѣтъ, къ кому относятся всѣ бранныя его слова.

Пущинъ, передъ которымъ Варпаховскій еще болѣе пресмыкался, нежели передъ Габбе, услыхавъ начальническій голосъ этой ничтожности, забылъ все и закричалъ: «а, ежели ты хочешь знать, кому я все передъ солдатами говорилъ, такъ это тебѣ, и съ тобой я раздѣлаюсь».

Варпаховскій въ ту же минуту поскакалъ къ полковому командиру, пересказалъ ему все слышанное отъ Пущина и объявилъ, что, послѣ ученья, онъ подастъ рапортъ, въ которомъ пропишетъ всю брань Пущина и будетъ требовать по законамъ удовлетворенія. Добрый нашъ Василій Михайловичъ, по закону начальникъ, а по нравственнымъ своимъ качествамъ въ кругу офицеровъ, подобныхъ Пущину и Габбе, безгласный, до того растерялся, что не съумѣлъ дать домашнее направленіе къ окончанію взрыва двухъ негодованій. На несчастіе, къ растерявшемуся отъ ссоры двухъ офицеровъ Василію Михайловичу неожиданно пріѣхалъ на ученье новый нашъ

бригадный командиръ, генералъ-маіоръ Рихтеръ, недавно принявшій въ командованіе нашу бригаду и никого не знавшій изъ офицеровъ. Кишкинъ, увидавъ Рихтера, тотчасъ отправился къ нему и донесъ о случившемся, какъ подчиненный начальнику. Рихтеръ, не обдумавъ послѣдствій, арестовалъ Пущина, назначилъ ему отправиться на гауптвахту, а шпагу его послалъ къ его высочеству. Ученье, послѣ всѣхъ описываемыхъ событій, прекратилось, и мы, взволнованные дерзостью Варпаховскаго противъ Габбе и вынужденнымъ проступкомъ Пущина противъ баталіоннаго командира, разошлись по своимъ квартирамъ въ ожиданіи, какое направленіе приметъ вся эта исторія. Его высочество, получивъ шпагу Пущина, тотчасъ отправилъ ее обратно для врученія Пущину и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ бригадному командиру прибыть къ себѣ въ загородный дворецъ. Рихтеръ, по возвращеніи отъ цесаревича, извѣстилъ капитана Пущина, что его высочество требуетъ его къ себѣ въ Бельведеръ.

Буду пересказывать первое свиданіе Пущина съ государемъ цесаревичемъ, какъ слышалъ отъ него, когда онъ возвратился отъ его высочества къ полковому адъютанту Мичурину, у котораго былъ свой поваръ и съ которымъ я, Габбе и Вилимбаховъ вмѣстѣ столовались. Цесаревичъ принялъ Пущина, не помню хорошо, въ шлафрокѣ или сюртукѣ безъ эполетъ, но какъ то, такъ и другое означало всегда, что цесаревичъ принимаетъ у себя не подчиненнаго, а товарища. Первое слово цесаревича было: «садись подлѣ меня, Николай Николаевичъ, и выслушай меня».

Послѣ этихъ милостивыхъ словъ его высочество припомнилъ капитану первую его исторію, упомянулъ, сколь онъ былъ радъ окончанію бывшихъ непріятностей и какъ ему было утѣшительно увѣриться, что покой въ обществѣ офицеровъ перваго гвардейскаго полка болѣе не нарушится, какъ вдругъ къ своему ужасу онъ получаетъ шпагу его и узнаетъ о страшной горячности его противъ своего начальника.

— Я знаю разницу между тобой и Варпаховскимъ, который ни въ какомъ отношеніи тебѣ не товарищъ, но онъ твой начальникъ, ты забылся противъ его, ты оскорбилъ его, а законъ, какъ тебѣ извѣстно, не даетъ права подчиненному оскорблять начальника.

Прошу тебя, убѣдительно прошу, кончи, ты съ этимъ (умолчу названіе, котораго достоинъ былъ Варпаховскій), кончи какъ хочешь и какъ онъ хочетъ, но кончи такъ, чтобы онъ не подавалъ рапорта о твоемъ поступкѣ, тогда и я, при всемъ моемъ желаніи, при пріемѣ его рапорта, тебя, достойнѣйшаго изъ достойныхъ, не въ силахъ и не въ правѣ буду выручать изъ бѣды.

Разсказавъ милостивый пріемъ его высочества, Пущинъ пригласилъ своего товарища Габбе вмѣстѣ ѣхать къ Варпаховскому и предложить ему окончаніе ихъ ссоры на чемъ будетъ положено. Габбе объяснилъ Варпаховскому причину ихъ пріѣзда и желаніе не только всѣхъ офицеровъ полка, но и его высочества прекратить ссору на томъ положеніи, какое будетъ между поссорившимися соглашено. «И такъ, какого удовлетворенія желаете вы, полковникъ, отъ моего товарища», заключилъ Габбе свою рѣчь.

— Болѣе никакого, отвѣчалъ Варпаховскій, какъ одного, чтобы капитанъ Пущинъ выдалъ мнѣ письменное удостовѣреніе, что все, что онъ говорилъ, не относилось и не относится къ моему лицу.

— Такой квитанціи на вашу честь я вамъ не дамъ, да и размыслите, къ чему послужитъ она вамъ, выбирайте одно изъ двухъ, сказалъ съ видимымъ презрѣніемъ Пущинъ, или пистолеты, или, наконецъ, я унижусь до того, что буду въ моихъ словахъ, которыя относились къ вамъ, извиниться въ собраніи всѣхъ офицеровъ нашего полка.

— Я не принимаю ни того, ни другаго; а выдайте мнѣ то письменное удостовѣреніе, котораго я желаю.

— Пойдемте, Петръ Андреевичъ, пусть онъ остается при своемъ желаніи, — и съ этими словами вышелъ отъ Варпаховскаго Пущинъ, а за нимъ и Габбе.

Варпаховскій въ тотъ же день подалъ рапортъ о всѣхъ обидахъ, сдѣланныхъ ему Пущинымъ, и рапортъ пошелъ по командѣ до его высочества. На другой день полковой командиръ пригласилъ къ себѣ капитана Пущина и объявилъ ему, что его высочество требуетъ капитана къ себѣ въ загородный дворецъ. Пущинъ заѣхалъ отъ генерала Кишкина къ адъютанту Мичурину, у котораго всѣ, обѣдавшіе у него, уже собрались, а Габбе предварилъ насъ, что Николай Николаевичъ отъ Кишкина заѣдетъ къ нимъ. Пущинъ во

вторую свою исторію уже былъ не въ прежнихъ со мною отношеніяхъ, онъ не видалъ во мнѣ не только пылкаго, но и хладнокровнаго одобренія всему окончательному ходу удаленія изъ полка Марачинскаго и Колотова; онъ былъ со мной очень вѣжливъ, но пріязни уже не было между нами, хотя Габбе былъ по-старому со мной хорошъ. Послѣ обѣда Пущинъ спросилъ меня, уничтожилъ ли я тѣ письма, которыя писалъ онъ ко мнѣ во время судопроизводства надъ нимъ. Я отвѣтилъ ему, что сжегъ до одного и вмѣстѣ съ тѣмъ спросилъ капитана, уничтожилъ ли и онъ мои письма. «Если вы сожгли мои письмы, то мнѣ ваши ни на что не были нужны», замѣтилъ мнѣ тотъ, чье самолюбіе, кажется, считало себя оскорбленнымъ словомъ с ж е г ъ, въ которомъ онъ видѣлъ неуваженіе мое къ его письмамъ.

Его высочество вышелъ въ залъ изъ кабинета къ Пущину въ полной формѣ, что показывало, что пріемъ ему будетъ сдѣланъ не вчерашній.

— Капитанъ Пущинъ, я просилъ васъ вчерась кончить съ полковникомъ Варпаховскимъ вашъ оскорбительный съ нимъ поступокъ, какъ онъ пожелаетъ, вы не исполнили моего желанія, полковникъ Варпаховскій подалъ рапортъ о вашихъ дерзостяхъ, вы будете преданы суду, вы до того забылись, что даже не уважили и моей просьбы, а она клонилась къ вашему спасенію.

— Но исполненіе вашей просьбы, ваше высочество, унизило бы меня. Полковникъ Варпаховскій требовалъ отъ меня какой-то росписки на свою честь, онъ не принялъ отъ меня тѣхъ предложеній, которыя облагородили бы его и не унизили бы меня.

— А хотя бы онъ требовалъ отъ васъ и росписки, вы должны были написать ее, какъ онъ этого желалъ. Я вамъ сказалъ, чтобы вы кончили ваше дѣло съ нимъ, какъ онъ пожелаетъ, вы не исполнили и моего желанія.

— Нѣтъ, ваше высочество, перебилъ съ горячностью Пущинъ цесаревича, я никогда не исполню того вашего желанія, которое оскорбительно для моего имени.

— Вы будете судимы за ваши дерзости не только противъ личности Варпаховскаго, но и противъ службы, вы забылись до по-

слѣдней крайности, судомъ разберуть всѣ ваши дерзости, которымъ надобно положить конецъ.

Говоря эти слова съ большимъ гнѣвомъ, цесаревичъ близко подошелъ къ Пущину, и капитанъ, забывъ, передъ кѣмъ онъ стоялъ и съ кѣмъ говорилъ, громко вскрикнулъ:

— Ваше высочество, отойдите отъ меня...

— Что вы этимъ хотите сказать, какъ вы смѣете мнѣ это говорить, мнѣ, брату вашего императора, что у васъ въ мысляхъ...

И эти слова произносилъ цесаревичъ передъ самымъ лицомъ Пущина, который сказалъ:

— Я вамъ напоминаю, ваше высочество, отойдите отъ меня...

Цесаревичъ, отступивъ на два шага отъ Пущина, вскрикнулъ:

— О! это не даромъ, эти дерзости, я догадываюсь, откуда идутъ. Дмитрій Дмитріевичъ, запечатать квартиру капитана Пущина, приставить караулъ къ запечатанной его квартирѣ, тамъ найдутся такія бумажки, которыя покажутъ всѣ замыслы г-на Пущина.

— Въ моихъ бумагахъ, ваше высочество, вы не найдете ничего, кромѣ переписки съ моими родными, оставьте мою квартиру въ покоѣ, не дѣлайте такого распоряженія, которое оскорбляетъ не только меня, но и всѣхъ офицеровъ.

— Это мы увидимъ, переписку съ вашими родными отдѣлятъ отъ той, которая ведетъ васъ къ неслыханной забывчивости.

— Еще разъ прошу васъ, ваше высочество, не приказывайте запечатывать мою квартиру.

— Нѣтъ, нѣтъ, запечатать, это показываетъ, что тамъ найдутся такія бумаги, которыя откроютъ ваши намѣренія.

— Ну, такъ послѣ этого я не хочу съ вами носить мундиръ.

И съ этими словами Пущинъ сорвалъ съ своего мундира эполетъ. Цесаревичъ былъ до того разсерженъ, что разорвалъ шляпу свою и весь былъ осыпанъ перьями отъ разорваннаго султана на шляпѣ; положивъ обѣ руки на голову, пошелъ поспѣшно въ кабинетъ со словами: «Курута, Курута, смотри что́ дѣлается».

Дмитрій Дмитріевичъ послѣдовалъ за цесаревичемъ въ кабинетъ

и вскорѣ вышелъ къ Пущину съ словами: «Николай Николаевичъ, пожалуйте вашу шпагу и отправьтесь на гауптвахту Саксонскаго плаца».

Пущинъ, послѣ ужасной сцены, стоялъ въ какомъ-то забытьи, отдалъ начальнику штаба шпагу и отправился, не сказавъ ни слова, въ назначенное ему мѣсто.

На другой день его высочество разсказалъ генераламъ проступокъ Пущина и спросилъ ихъ, какому наказанію, по мнѣнію ихъ, подвергается капитанъ. Кажется Албрехтъ, командиръ л.-гв. Уланскаго его высочества полка, или Кнорингъ, командиръ л.-гв. Подольскаго кирасирскаго полка, отвѣчалъ коротко:

— Въ 24 часа разстрѣлять.

Стоявшій тутъ же генералъ-маіоръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ сказалъ:

— Судить.

Цесаревичъ на это слово съ сердцемъ замѣтилъ Нарышкину:

— Конечно, не безъ суда.

2-я Гренадерская рота, которой командовалъ Пущинъ, была расположена въ упраздненномъ католическомъ монастырѣ, и тутъ же была и квартира капитана. Со двора входили по крутой въ ступеней 15 лѣстницѣ къ комнатамъ Пущина, передъ которыми шла, въ сажень шириной, галлерея. Три небольшія комнаты капитана были во 2-мъ этажѣ, и подъ окнами его комнатъ была черепичная, аршина два или $1^1/_2$, крыша надъ нижнимъ этажемъ, гдѣ квартировали солдаты. До этой узкой покрыши надъ окнами нижняго этажа отъ земли, разстоянія было не болѣе аршинъ семи. Съ галлереи сходили мы по тремъ ступенямъ, отворивъ дверь въ первую комнату Пущина, изъ которой, направо и налѣво, было по комнатѣ. Въ средней комнатѣ стояли его фортопіаны, налѣво отъ этой комнаты была гостиная, а направо спальня, гдѣ находился столъ съ длиннымъ выдвижнымъ ящикомъ, съ перегородкой къ концу для разныхъ бумагъ, о которыхъ, кажется, и самъ Пущинъ забылъ передъ роковой своей поѣздкой къ его высочеству и притомъ объявилъ мнѣ, какъ будто предчувствуя страшную развязку своей запальчивости, что письма мои къ нему уничтожены. Передъ дверью квартиры Пущина, на галлереѣ, былъ поставленъ караулъ, которому

запрещено было безъ разрѣшенія впускать въ комнаты капитана кого-либо.

Намъ нужно знать подробности квартированія Пущина; впослѣдствіи увидятъ, что и я съ Габбе не подвергся бы суду, какъ адъютантъ генерала Блюмера, написавшій обвиненіе противъ нашего правительства и спасшійся отъ суда благороднымъ поступкомъ нашего учителя англійскаго языка Заржицкаго.

Къ разбору бумагъ капитана Пущина не приступали, караулъ стоялъ передъ его квартирой, судъ производился надъ виновнымъ. Габбе, какъ вызвавшій забывчивость противъ себя Варпаховскаго и какъ причина раздраженія Пущина на ихъ баталіоннаго командира, былъ снова главнымъ руководителемъ офицеровъ полка и наиболѣе капитановъ съ разными предложеніями къ спасенію Пущина. Самое шумное и болѣе замѣтное собраніе почти всѣхъ офицеровъ, отъ капитана до прапорщика, было у поручика Энгельгардта. Здѣсь предлагалось въ полномъ составѣ офицеровъ просить полковаго командира, что всякую участь, какая бы ни предстояла Пущину, готовы раздѣлить съ нимъ его сослуживцы.

Помню обращеніе ко мнѣ, квартировавшаго вмѣстѣ съ Энгельгардтомъ, поручика л.-гв. Волынскаго полка Овандера, который былъ невольнымъ свидѣтелемъ и слушателемъ шума и съ которымъ я не былъ знакомъ, чтобы я представилъ Габбе и тѣмъ, которые увлекаются имъ, что благородное предложеніе его будетъ принято его высочествомъ и самимъ государемъ императоромъ, какъ бунтъ.

Я откровенно сказалъ Овандеру, что самолюбіе капитановъ не приметъ голоса подпоручика и что я въ теченіе всей исторіи нашего полка, какъ первой, такъ и нынѣшней, не разъ испыталъ все неудобство младшему офицеру по чину давать наставленіе старшимъ.

Шумное наше собраніе разошлось, но его высочество зналъ о всѣхъ нашихъ собраніяхъ и о всѣхъ намѣреніяхъ къ спасенію Пущина. Чрезъ нѣсколько дней послѣ собранія у Энгельгардта, его высочество назначилъ нашему полку ученье. Съ первыхъ же движеній, которыя давалъ цесаревичъ своей командой полку, уже было видно, что царственный нашъ начальникъ вызываетъ офицеровъ къ отвѣту за свои шумныя сходбища. «Въ полъ-оборотъ направо, въ

полъ-оборотъ налѣво, налѣво кругомъ, направо, налѣво, прямо», быстро слѣдовали другъ за другомъ, и солдаты разорвались на большія пространства одинъ отъ другаго.

Цесаревичъ сердился, кричалъ, что полкъ узнать нельзя, весь разбреялся, кричалъ, чтобы командующіе взводами шли каждый по себѣ, не примыкая къ разорваннымъ солдатамъ, и вдругъ обратился ко мнѣ, стоявшему между 7-мъ и 8-мъ взводами съ словами: «Офицеръ между 7-мъ и 8-мъ взводами, идите прямо передъ собой, не примыкайте ни вправо, ни влѣво, идите прямо передъ собой».

Снова начались безпрестанныя повертыванія полка, снова разорвались солдаты, и я снова, оставшись одинъ, имѣлъ забывчивость примыкать слегка къ 8-му взводу. Его высочество наблюдалъ меня шагахъ во ста отъ 8-го взвода и, увидѣвъ мое легкое примыканіе, крикнулъ гнѣвно:

— Подпоручикъ Веригинъ, послѣдній разъ говорю вамъ, идите прямо передъ собою, возьмите предметъ на 40 шаговъ передъ собой, идите на него, не примыкайте ни вправо, ни влѣво и не оборачивайте головы ни въ которую сторону, слышите, послѣдній разъ говорю вамъ!

Послѣ этого цесаревичъ скомандовалъ на ходу: «тихимъ шагомъ налѣво кругомъ», повертывалъ полкъ и въ полъ-обороты и полные обороты, поворачивалъ насъ такъ, что солдаты маршировали, наконецъ, разорванные какими-то кучками, повернулъ баталіоны лицомъ къ себѣ, сердился на разорвавшіеся ряды и остановилъ полкъ.

Съ командой «стой», я повернулъ голову налѣво, цесаревичъ увидалъ это, ударилъ шпорами свою лошадь, на всемъ скаку остановилъ лошадь передъ самымъ моимъ носомъ и гнѣвно закричалъ:

— Подпоручикъ Веригинъ, я вамъ говорилъ, чтобы вы не повертывали головы во фронтѣ вашей головы, какъ вы смѣете не исполнять моего приказанія, вы будете за ослушаніе ваше строго отвѣчать, отъ васъ, подпоручикъ Веригинъ, весь полкъ разорвался, весь полкъ разстроился, отъ васъ, отъ васъ, это я вижу.

Съ этими словами великій князь отскакалъ отъ меня, подозвалъ къ себѣ начальника штаба Дмитрія Дмитріевича Куруту, приказавъ ему учить полкъ, и отправился къ своему экипажу. Противъ средины

нашего 1-го баталіона цесаревичъ пріостановилъ, шагахъ въ 50 отъ баталіона, свою лошадь и закричалъ:

— Бунтовщики, бунтовщики!

Доскакавъ до праваго фланга, снова повернулъ къ баталіону и еще громче крикнулъ:

— Бунтовщики, гренадеры!

Поправивъ свою неосторожность, его высочество сѣлъ въ коляску, что-то поговорилъ съ Курутой и отправился въ Варшаву. Бригадный генералъ Рихтеръ объявилъ мнѣ, что я арестуюсь. Начальникъ штаба не долго насъ училъ, скомандовалъ съ плеча и хотѣлъ ѣхать также въ Варшаву, какъ увидалъ, что офицеры всего полка сходятся въ кругъ. Офицеры 2-го баталіона пошли ко мнѣ, и первый штабсъ-капитанъ Габбе спросилъ меня, что передо мной кричалъ цесаревичъ. Я въ короткихъ словахъ началъ разсказывать гнѣвъ его на меня, но Габбе желалъ знать одного, какое названіе онъ далъ полку. Я, Бибиковъ, кажется еще Жеребцовъ, который командовалъ подлѣ меня 8-мъ взводомъ, а за нами и прочіе офицеры 1-го баталіона объявили, что цесаревичъ назвалъ полкъ «бунтовщиками». Общее негодованіе такъ было велико противъ слова «бунтовщики», что ни полковой командиръ, ни бригадный не могли своимъ посредничествомъ прекратить шумнаго разговора офицеровъ между собой, а состоявшему въ свитѣ его высочества генералъ-маіору Жандру Габбе рѣзко замѣтилъ, чтобы онъ не мѣшался не въ свое дѣло. Положено было всѣмъ собраться у капитана Иванова, тотчасъ по приходѣ съ ученья на квартиры. У Дмитрія Степановича Иванова написаны были рапорты объ отставкѣ, хотя срокъ подачи просьбъ объ отставкахъ давно уже прошелъ, но на это никто не обратилъ вниманія. Надобно здѣсь замѣтить, что цесаревичъ долженъ былъ въ скоромъ времени ѣхать въ г. Вильно къ государю императору, куда Его Величество ожидали къ смотру с.-петербургскихъ гвардейскихъ полковъ, расположенныхъ, послѣ исторіи л.-гв. Семеновскаго полка, въ Виленской губерніи. На другой день Константинъ Павловичъ, убѣдясь, что рапорты объ отставкахъ не будутъ взяты офицерами назадъ, потребовалъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ. Цесаревичъ принялъ офицеровъ

въ полной формѣ генерала, что́ необходимо упомянуть для послѣдующаго разсказа.

— Вы подаете, господа, въ отставку, и въ неположенное время, началъ говоритъ Константинъ Павловичъ, развѣ вы не знаете, какія могутъ быть послѣдствія отъ вашихъ дѣйствій, это сочтется возмущеніемъ, и вы будете судимы военнымъ судомъ, какъ возмутившіеся; я слышу, что вы считаете себя оскорбленными моимъ словомъ, которое я сказалъ солдатамъ — б у н т о в щ и к и, а кто слышалъ, что я назвалъ васъ бунтовщиками?

Поручикъ Аполлонъ Ильичъ Б и б и к о в ъ отвѣчалъ цесаревичу: я слышалъ, ваше императорское высочество.

— Какъ! вы слышали, вы, Бибиковъ, котораго государь императоръ, по моему ходатайству, забывъ сдѣланный вами проступокъ въ лейбъ-егерскомъ полку, перевелъ изъ армейскаго полка въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, такъ это ваша благодарность, такъ это вы разгласили, что я назвалъ гг. офицеровъ бунтовщиками, тогда какъ я сказалъ: бунтовщики гренадеры!

Кажется Габбе, а не другой изъ капитановъ, замѣтилъ его высочеству, что гренадерами командуютъ офицеры, слѣдовательно, и они несутъ одно названіе съ своими подчиненными; сверхъ этого, еще кто-то изъ ротныхъ командировъ, или едва-ли не двое, подтвердили, что слышали слово «бунтовщики». И его высочество, увидавъ столько свидѣтелей, счелъ за лучшее, не отвѣчая имъ, гнѣвно описывать гибель, которой подвергаются офицеры отъ подачи рапортовъ въ отставку.

Когда цесаревичъ убѣдился, что нѣтъ надежды на миролюбивое окончаніе дѣла, заключилъ тѣмъ, что приказалъ арестовать всѣхъ бывшихъ у него офицеровъ, разсадить ихъ по гауптвахтамъ и судить военнымъ судомъ. Офицеры садились уже въ экипажи, когда вышелъ къ нимъ адъютантъ начальника штаба и просилъ ихъ къ Дмитрію Дмитріевичу, который желалъ переговорить съ ними.

Курута садился уже за обѣдъ, когда вошли къ нему капитаны.

— Я васъ просилъ, господа, къ себѣ, чтобы сдѣлать расписаніе у меня, кому на какую гауптвахту слѣдовать, вѣдь на одной гауптвахтѣ всѣмъ вамъ невозможно помѣститься, а покудова будемъ дѣлать распоряженіе, позвольте мнѣ поѣсть, я бы всѣхъ васъ просилъ раз-

дѣлить со мной мою хлѣбъ-соль, да поваръ мой приготовилъ только на одного меня.

Послѣ этихъ словъ Дмитрій Дмитріевичъ сѣлъ обѣдать, офицеры, по приглашенію начальника штаба, разсѣлись на стульяхъ, и тутъ всегда хладнокровный, всегда умный, всегда хитрый Курута началъ разъяснять своимъ гостямъ, какія они надѣлали хлопоты своимъ благороднымъ и пылкимъ участіемъ къ судьбѣ Николая Николаевича, и какъ онъ высоко цѣнитъ такое самоотверженіе ихъ къ спасенію своего товарища, но средства къ спасенію таковы, — «по моему мнѣнію,— сказалъ добрый и разсудительный старикъ, — что вы, господа, только себя подвергаете бѣдѣ, а мнѣ кажется, всего лучше уладится дѣло, когда вы помиритесь съ его императорскимъ высочествомъ. Положимъ, его высочество не говорилъ обиднаго слова «бунтовщики», и вы не слыхали этого слова, тогда все кончится миромъ. Посудите сами, можно ли его императорскому высочеству сознаться въ произнесеніи слова, которое вы приписываете себѣ, когда онъ объявилъ вамъ, что это слово относится къ солдатамъ». Эту мысль начальникъ штаба развивалъ во время обѣда до тѣхъ послѣдствій, которыя наконецъ убѣдили офицеровъ, что имъ слѣдуетъ удовольствоваться объявленіемъ цесаревича, что онъ не говорилъ слова «бунтовщики». Кончился обѣдъ, Дмитрій Дмитріевичъ отправился въ покои его высочества, который также въ это время отобѣдалъ. Чрезъ четверть часа Курута возвратился къ ротнымъ командирамъ и пригласилъ ихъ къ цесаревичу. Великій князь принялъ офицеровъ въ шлафрокѣ, что было знакомъ милости, и тотчасъ сказалъ:

— Между нами ничего не было, я не говорилъ ничего для васъ обиднаго, я васъ люблю, вы это знаете, если бы постигло васъ несчастіе, тогда плачъ вашихъ матерей отозвался бы въ моемъ сердцѣ, я сужу о вашихъ матеряхъ по моей матери, несчастіе ваше можетъ свести ихъ въ гробъ, и тогда падетъ на меня ихъ проклятіе, а я, господа, счастливъ вашимъ счастіемъ, вы употребляете сильныя мѣры къ спасенію вашего товарища, котораго я всегда любилъ и люблю не менѣе васъ, капитанъ Пущинъ сдѣлалъ проступокъ противъ службы, и судъ приговорилъ его по нашимъ военнымъ законамъ къ наказанію, но даю вамъ слово, господа, я

буду просить государя императора, моей 30-ти лѣтней службой, о помилованіи Пущина, будьте только покойны послѣ моего отъѣзда къ государю въ Вильно, куда я отправлюсь завтра, дожидайтесь моего возвращенія спокойно. Спросите Дмитрія Дмитріевича, какой тревоги надѣлали мнѣ ваши безпокойства, мой желудокъ разслабъ, Кутковскій (докторъ его высочества) долженъ мнѣ былъ помогать, но теперь все забыто, я покоенъ и поѣду спокойнымъ.

Послѣ этихъ словъ въ знакъ примиренія цесаревичъ перецѣловалъ всѣхъ офицеровъ и отпустилъ ихъ по домамъ. Большую часть гнѣвнаго и милостиваго разговора его высочества въ теченіе всей исторіи съ ротными командирами я слышалъ отъ полковаго адъютанта Мичурина, который, по мѣсту своему, находился иногда съ капитанами у его высочества или слышалъ онъ иное отъ полковаго командира, а я и отъ нѣкоторыхъ ротныхъ командировъ.

XI.

Цесаревичъ возвратился въ Варшаву отъ государя императора изъ Вильны, недѣли за двѣ до выступленія нашихъ пѣшихъ гвардейскихъ полковъ въ лагерь, и скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ съ замѣчаніемъ о слабости цесаревича не принялъ судебнаго приговора Пущина, а приказалъ препроводить его въ Ауди-торіатъ и при всѣхъ сказалъ его высочеству, чтобы всѣхъ судить военнымъ судомъ по всей строгости законовъ, кто по перепискѣ съ Пущинымъ хотя нѣсколько будетъ прикосновененъ къ его поступкамъ.

Молва увѣряла, и вѣроятно, чрезъ свиту цесаревича, которая находилась при немъ въ Вильнѣ, что его высочество представилъ государю императору судебный приговоръ Пущина на большомъ выходѣ императора и дѣйствительно просилъ помилованія приговоренному къ наказанію.

Но государь императоръ, не принявъ судебнаго дѣла изъ рукъ цесаревича, сказалъ, что «капитанъ Пущинъ въ прошедшемъ году, какъ ему извѣстно, надѣлалъ дерзостей противъ вашего импера-

торскаго высочества, и вы были столь великодушны, что простили Пущину его дерзость, нынѣшній его проступокъ будетъ разсмотрѣнъ въ Аудиторіатѣ, куда извольте отправить судебное дѣло о Пущинѣ. Вы приказали запечатать квартиру Пущина и поступили очень хорошо, прикажите разсмотрѣть всѣ его бумаги и всю его переписку и, если что-либо откроется, прикосновенное къ его дерзостямъ, предайте всѣхъ тѣхъ суду, кто откроется въ бумагахъ участникомъ въ его проступкѣ или подстрекателемъ».

Такъ, по крайней мѣрѣ передавала намъ слова императора молва, а изъ насъ были и такіе, которые на выходѣ все, сказанное государемъ цесаревичу, считали предварительно между ими условленнымъ, что впрочемъ несправедливо. Еще до гнѣва цесаревича на нашъ полкъ, со всѣми послѣдствіями отъ неосторожно сказаннаго слова «бунтовщики», Пущинъ далъ знать П. А. Габбе, что въ высшей степени опасная письменная, на французскомъ языкѣ, брошюрка адъютанта Блюмера, противъ нашего правительства, имъ не уничтожена и хранится у него въ письменномъ столѣ его спальной комнаты. Габбе передалъ эту вѣсть нашему учителю англійскаго языка, Заржицкому, и этотъ, только по прозванію полякъ, по характеру же и образу мыслей, истинный англичанинъ, рѣшился, во что бы ни стало, добыть бумагу, губившую его ученика и соотечественника. Въ бурную дождливую, темную ночь Заржицкій подставилъ къ черепичной крышѣ надъ окнами комнатъ Пущина лѣстницу, взобрался, не болѣе какъ въ $1^1/_2$ арш., по крышѣ до окна средней комнаты, открылъ окно, влѣзъ въ комнату и отперъ въ спальной комнатѣ доставленнымъ отъ Пущина ключомъ ящикъ у стола, вынулъ большой конвертъ и тотчасъ спустился по лѣстницѣ на землю, взявъ лѣстницу съ собой. Заржицкій не пошарилъ въ столѣ, бывъ увѣренъ, что, кромѣ конверта съ трактатомъ о Польшѣ, у его земляка нѣтъ ничего болѣе въ ящикѣ, и этимъ не спасъ меня и Габбе, какъ спасъ своего друга-поляка. Письма мои и П. А. Габбе лежали въ углѣ ящика, какъ оказалось послѣ при обыскѣ, а конвертъ адъютанта по срединѣ и, какъ разсказывалъ Заржицкій, явившійся на другой день къ Габбе съ конвертомъ, ему въ потемкахъ попался въ руки трактатъ, и онъ съ радости бросился къ окну, изъ котораго спускался, къ лѣстницѣ, едва не миновалъ лѣстницы и не

упалъ на землю. Добрый англичанинъ - полякъ сильно впослѣдствіи горевалъ, что довѣрилъ памяти Пущина, который убѣжденъ былъ, что кромѣ конверта адъютанта въ столѣ у него ничего не было.

Недѣли за двѣ до выступленія гвардейскихъ полковъ въ лагерь, сдѣлалось извѣстнымъ, что квартира капитана Пущина начальникомъ штаба и еще, кажется, дежурнымъ генераломъ Кривцовымъ обыскана, и всѣ бумаги его взяты. Спустя нѣсколько дней послѣ обыска квартиры Пущина, П. А. Габбе поѣхалъ къ Д. Д. Курутѣ въ Бельведерскій дворецъ его высочества, для узнанія о послѣдствіяхъ обыска. Цесаревичъ увидалъ въ окно подъѣхавшаго Габбе къ крыльцу, вышелъ къ входившему по лѣстницѣ капитану и приказалъ ему слѣдовать за собой въ кабинетъ. Его высочество, въ короткихъ словахъ разсказалъ о неуспѣхѣ своего ходатайства у государя императора къ прощенію Пущина и вдругъ обратился къ своему любимцу съ словами:

— И ты, тоже Петруша, попался съ бумажками, и твои письма найдены у Пущина.

Габбе отвѣчалъ цесаревичу, что онъ съ Пущинымъ никогда не велъ такой переписки, которая могла кого-либо оскорбить.

— Однако, вотъ письмо, въ которомъ вмѣсто фамиліи подписано Космополитъ, тутъ много такого, за что ты будешь отвѣчать; и съ этими словами, его высочество показалъ Габбе мое письмо.

Габбе сказалъ, что это письмо не имъ писано, какъ показываетъ и самый почеркъ руки.

— А кто же это писалъ?

Петръ Андреевичъ отвѣтилъ, что въ судѣ окажется, кто писалъ, если о письмѣ будетъ судебное дознаніе.

— Но вотъ твое письмо, за твоей подписью, въ которомъ ты одобряешь все написанное Космополитомъ.

Габбе оправдывалъ и письмо Космополита, и свое тѣмъ, что въ товарищеской перепискѣ мало ли что̀ пишется и что изъ такой переписки, кажется, нельзя выводить проступка, они пишутся не для огласки и, беру смѣлость доложить вашему высочеству,— прибавилъ Петръ Андреевичъ,—можетъ быть и въ вашей перепискѣ найдется многое, что̀ вы повѣряете только той особѣ, къ которой пи-

шете, а не для того, чтобы мысли вашего высочества желали вы отдать на судъ постороннихъ для васъ людей.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не пишу того, чего нельзя показать, поди посмотри въ моемъ бюро, и ты тамъ не найдешь такой переписки, которая бы была неумѣстна.

Говоря эти слова, цесаревичъ подошелъ къ бюро, выдвинулъ ящикъ, а когда Габбе сталъ подходить къ ящику, то его высочество задвинулъ ящикъ.

— Теперь ты поѣзжай на свою квартиру и тамъ оставайся, покудова не коснется до тебя дѣло. Вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю, какъ желаю тебѣ счастія, ты не смотри на Веригина, который тоже тутъ вмѣшался, это московскій баричъ, выйдетъ въ отставку прапорщикомъ и будетъ въ своихъ помѣстіяхъ гонять собакъ, а у насъ братъ, съ тобой вѣдь нѣтъ помѣстій, намъ надобно служить.

Габбе замѣтилъ его высочеству, что у Веригина тоже, кажется, нѣтъ помѣстій.

— Что ты мнѣ говоришь, я знаю эту фамилію, это люди очень богатые; ну, теперь поѣзжай и сиди у себя дома, занимайся, да не пиши того, что можетъ тебѣ вредить. Прощай.

Привожу весь разговоръ его высочества съ Габбе, какъ онъ мнѣ, при нашихъ свиданіяхъ въ армейскихъ полкахъ, былъ переданъ имъ, какъ доказательство особенной любви цесаревича къ тому офицеру, котораго онъ носилъ ребенкомъ на своихъ рукахъ, о чемъ впослѣдствіи буду говорить подробнѣе.

Габбе былъ, по возвращеніи на свою квартиру, арестованъ, бумаги его всѣ взяты. Квартира командира 5-й роты находилась вмѣстѣ съ его ротой въ такъ называемыхъ артиллерійскихъ казармахъ, въ которыхъ былъ расположенъ весь л.-гв. Волынскій полкъ и гдѣ помѣщалась также 5-я рота нашего полка.

Спустя недолго послѣ арестованія Габбе и преданія его суду за участіе по своей перепискѣ въ проступкѣ капитана Пущина, полкъ нашъ выступилъ въ лагерь. Передъ дверьми квартиры Габбе поставленъ былъ караулъ и, кромѣ его денщика Никиты, никто къ нему не былъ допускаемъ. Петръ Андреевичъ далъ мнѣ знать черезъ поручика Энгельгардта, къ которому писалъ тайно, что и мои письма найдены у Николая Николаевича Пущина и чтобы я готовился

также къ отвѣту за мою прошлогоднюю переписку съ Пущинымъ. Чрезъ недѣлю полковой нашъ адъютантъ пришелъ ко мнѣ по утру въ мой баракъ и объявилъ мнѣ, что меня требуютъ въ дежурство, которое помѣщалось въ Брюлевскомъ дворцѣ его высочества. Я отправился изъ лагеря пѣшкомъ въ Варшаву, явился въ дежурство, гдѣ объявленъ мнѣ былъ дежурнымъ генераломъ Кривцовымъ арестъ, и меня отвели въ особую комнату Саксонскаго дворца, который примыкалъ къ Брюлевскому дворцу. Передъ дверями моей комнаты поставленъ былъ караулъ изъ нѣсколькихъ солдатъ и унтеръ-офицера. Черезъ нѣсколько дней моего ареста меня потребовали въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ находилась военно-судная коммиссія. Мнѣ были представлены мои письма къ Пущину, одно большое, за подписью Космополитъ, другое небольшое, безъ подписи. Я объявилъ, что какъ то, такъ и другое были писаны мной, и далъ въ этомъ подписку. Военно-судную коммиссію надъ Габбе и мной составляли гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ офицеры: Президентомъ былъ Подольскаго кирасирскаго полка полковникъ Пенхержевскій, членами—того же полка ротмистръ Врангель, поручикъ Клюбфельдъ и еще другіе, которыхъ всѣхъ не припомню, но Врангель, Клюбфельдъ и другіе едва-ли не были офицерами л.-гв. уланскаго полка.

Въ судъ я приходилъ подъ карауломъ чрезъ Саксонскую площадь, на которой былъ, въ противоположной сторонѣ отъ Саксонскаго дворца, и ордонансъ-гаузъ. Во время судопроизводства ко мнѣ пріѣзжалъ, въ мою арестантскую комнату, дежурный генералъ и хотѣлъ отъ меня узнать, гдѣ скрыты мной мои бумаги, которыхъ при обыскѣ имъ не найдено въ моей квартирѣ ни одной, тогда какъ, — присовокупилъ Кривцовъ, — и общій голосъ и самъ вашъ полковой командиръ говоритъ, что вы много писали. Я отвѣчалъ и увѣрялъ генерала, что собственныхъ моихъ сочиненій никакихъ не было, а занимался иногда переводами съ нѣмецкаго языка, для изученія только языка, и что всѣ эти переводы мной уничтожались, какъ нестоющіе храненія, и самыя письма моихъ родныхъ, о которыхъ тоже упомянулъ Кривцовъ, я также всегда, по прочтеніи, уничтожалъ.

— Слѣдовательно, у васъ нѣтъ даже и никакихъ писемъ?—заключилъ генералъ свой допросъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я, и Кривцовъ оставилъ меня. На другой день этого допроса снова отворились двери, и Кривцовъ вошелъ ко мнѣ. Вотъ разговоръ его со мной:

— Вы говорите, что у васъ нѣтъ никакихъ писемъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— Точно нѣтъ, припомните, точно ли нѣтъ?

— Я сказалъ уже, ваше превосходительство, что нѣтъ.

Послѣ этого моего отвѣта генералъ вынулъ изъ своего боковаго кармана кругомъ исписанную четвертушку почтовой бумаги рукой Пущина, и подавая мнѣ ее, спросилъ меня: «къ вамъ ли это писано?»

Я держалъ въ рукахъ неимовѣрно оскорбительное для особы его высочества письмо ко мнѣ Пущина, о которомъ совершенно забылъ и которое найдено было у меня въ карманѣ стараго и брошеннаго моего жилета. Я объявилъ, что письмо писано было ко мнѣ въ такую минуту, когда Пущинъ былъ внѣ своего здраваго ума, что я ни мало не раздѣляю тѣхъ чувствъ къ особѣ его высочества, которыя въ бѣшеномъ гнѣвѣ выражаетъ капитанъ и которыхъ онъ и самъ не питаетъ къ его высочеству.

Кривцовъ перебилъ меня, сказавъ: «я къ вамъ присланъ его высочествомъ не для разсужденій съ вами о чувствахъ. Его высочество приказываетъ вамъ чрезъ меня прочитать это письмо вслухъ при мнѣ; извольте читать его».

— Я не въ силахъ читать этого письма, ваше превосходительство, и что бы со мной ни было, я не буду читать его.

— Вы новый дѣлаете проступокъ, вы ослушиваетесь приказанія его высочества, еще повторяю вамъ въ послѣдній разъ, читайте письмо.

— Нѣтъ, не буду читать, ваше превосходительство, того письма, гдѣ каждое слово—оскорбленіе его высочеству.

Не сказавъ на этотъ отвѣтъ ничего, Кривцовъ вышелъ отъ меня.

Не знаю, до пріѣзда ли ко мнѣ, или послѣ, былъ Кривцовъ у Пущина, показалъ ему найденное у меня его письмо, но читалъ ли Николай Николаевичъ письмо вслухъ передъ Кривцовымъ, какъ

это угодно было его высочеству, я не знаю; но знаю только то, что послѣ отъѣзда генерала изъ арестантской комнаты Пущина, виновный написалъ письмо къ цесаревичу, выразилъ въ письмѣ на французскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ капитанъ лучше, чѣмъ русскимъ, все свое раскаяніе въ своихъ безумствахъ, не просилъ прощенія своимъ проступкамъ, а скорѣе умолялъ о наказаніи за нихъ.

И таково было сердце нашего великодушнаго царственнаго начальника. Раскаяніе примиряло его даже и съ его оскорбителями, цесаревичъ все забывалъ, когда ему говорили: «виноватъ». Его высочество отвѣчалъ собственноручной запиской Пущину, на французскомъ языкѣ и въ такихъ великодушныхъ выраженіяхъ, гдѣ великая душа цесаревича забывала легко и въ письмахъ сдѣланныя ему оскорбленія, но гдѣ было сказано, что проступокъ капитана противъ службы переданъ имъ, какъ начальникомъ, на судебное рѣшеніе, которое можетъ быть уничтожено только государемъ императоромъ, и что цесаревичъ будетъ ходатайствовать о великодушіи Его Величества. Я и впослѣдствіи, когда встрѣтился въ Брестѣ съ Пущинымъ послѣ прощенія насъ, не видалъ этой записки цесаревича, но слышалъ объ ней отъ Габбе. Пущина забывчивость о моихъ къ нему письмахъ погубила меня, моя забывчивость о его страшномъ письмѣ образумила его и возвратила ему высокое вниманіе того, отъ кого зависѣло все наше счастіе.

Мой отказъ Кривцову не читать письма не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

Въ судебномъ допросѣ я долженъ былъ отвѣчать, что не принадлежу ни къ какому тайному обществу, и что Космополитъ подписано мной вмѣсто фамиліи, какъ имя, которое, по моимъ понятіямъ, характеризуетъ человѣка, который всѣмъ желаетъ добра, что̀ требуется отъ насъ и ученіемъ святаго Евангелія, было мной упомянуто. Въ короткомъ письмѣ, между прочимъ, было мной написано: мы дѣйствуемъ, а какъ—писать нельзя. Въ судѣ я показалъ, что дѣйствія наши, какъ извѣстно его высочеству, состояли въ стараніи избавить Пущина отъ предстоявшаго ему наказанія и что этими стараніями было достигнуто милостивое прощеніе капитану его высочествомъ

Привожу здѣсь главныя противъ меня обвиненія, которыя безъ

обыска квартиры Пущина не были бы пагубой для меня, но замѣтимъ съ той же откровенностію, съ которой не одобряю во многомъ трехъ подсудимыхъ, обвинить меня и Габбе слѣдовало; надобно было оправдать въ общемъ мнѣніи запечатаніе и обыскъ квартиры Пущина. Толки не только въ нашемъ полку, но и въ другихъ гвардейскихъ полкахъ были, что квартира Пущина была запечатана безъ всякаго основанія къ подозрѣнію въ противозаконной перепискѣ Пущина съ кѣмъ-либо, а потому каждая записка, которая имѣла связь съ проступкомъ капитана, была оправданіемъ, что квартира его была не по горячности цесаревича запечатана и обыскана. Двѣ записочки Габбе еще болѣе затруднили судъ къ обвиненію его. Одна записка была на русскомъ языкѣ, гдѣ Петръ Андреевичъ извѣщалъ Пущина, что читалъ мое разсужденіе къ оправданію Пущина въ судѣ и что, находя ихъ, какъ выражалъ онъ, мудрыми, весьма было бы хорошо нѣкоторыя мѣста цѣликомъ помѣстить противъ обвиненій. Въ этой запискѣ ничего не было, чѣмъ бы можно сдѣлать Габбе виновнымъ, въ ней находили одно одобреніе моихъ мыслей о правотѣ Пущина и этимъ одобреніемъ обвинялся и самый одобритель. Другая записка въ пяти строкахъ была на италіанскомъ языкѣ, писанная еще въ прапорщичьемъ чинѣ къ Пущину съ гауптвахты, гдѣ стоялъ Петръ Андреевичъ въ караулѣ, чему прошло до нашего суда болѣе 10 лѣтъ. Въ этой запискѣ было сказано что-то о дурномъ обѣдѣ и, между прочимъ, главный проступокъ состоялъ въ томъ, что въ караулъ пріѣхала маленькая свинья, а потомъ пріѣхала и большая, которымъ онъ отдавалъ честь. По-италіански большая и малая свинья не имѣютъ того оскорбительнаго значенія, какъ на русскомъ языкѣ, и разъясненіе Габбе судъ не принялъ къ оправданію, что шуточнымъ названіемъ пріѣхавшихъ по службѣ къ нему дежурнаго полковника по карауламъ и бригаднаго генерала онъ не думалъ оскорблять ихъ, да и они не искали о той обидѣ, которую болѣе, чѣмъ чрезъ 10 лѣтъ приписываютъ ему.

Но, не найдя у Пущина важныхъ бумагъ, которыхъ, замѣтимъ, ни по какому отношенію нельзя было у него и ожидать, рады были къ оправданію обыска квартиры обвинить насъ въ такой перепискѣ, которая подходила бы къ обвиненію насъ въ оскорбительной

противъ начальства перепискѣ и высшихъ себя, за что я и Габбе преданы были суду.

Противъ обвинительныхъ пунктовъ въ теченіе 2-хъ недѣль я и Габбе, не встрѣчаясь ни въ судѣ, ни на дорогѣ къ суду, сдѣлали наконецъ всѣ свои показанія... Въ послѣдній день моихъ отвѣтовъ въ судѣ презусъ суда полковникъ Пенхержевскій и еще кто-то изъ офицеровъ со мной знакомыхъ, хваля мои скромные и разсудительные отвѣты на всѣ судебные допросы, не то чтобы совѣтовали, а просили меня написать письмо его императорскому высочеству, въ которомъ повергъ бы я свою судьбу великодушію его высочества, какъ это сдѣлалъ Н. Н. Пущинъ. Я согласился съ доводами людей, которые также носили военный мундиръ, что все-таки по перепискѣ съ Пущинымъ я неправъ и не останусь въ глазахъ общественнаго мнѣнія просителемъ безъ вины, что всегда унижаетъ просителя. И написалъ короткое письмо его высочеству, въ которомъ признавалъ себя виноватымъ, повергалъ себя великодушію цесаревича и въ концѣ упомянулъ, что хотя по гербу и принадлежу я къ роду всѣхъ и богатыхъ Веригиныхъ, но по состоянію моему я имъ чужой.

Габбе по перепискѣ своей столь былъ невиноватъ, что ему нельзя было сдѣлать въ судѣ и предложенія о письмѣ къ его высочеству, но цесаревичу, какъ было ясно по дѣйствіямъ Дмитрія Дмитріевича Куруты, всего болѣе желательно было видѣть покорность любимца своего, и скажу здѣсь, если бы написалъ Петръ Андреевичъ не такого содержанія письмо, которое было имъ отправлено къ его высочеству, тогда самое большое наказаніе его со мной кончилось бы переводомъ насъ тѣми же чинами на непродолжительное время въ армейскіе полки. Начальникъ штаба нѣсколько разъ пріѣзжалъ, по окончаніи судебныхъ допросовъ, къ Габбе, сидѣлъ у него по нѣскольку часовъ, балагурилъ, какъ разсказывалъ Петръ Андреевичъ, и заключалъ каждый разъ свою бесѣду тѣмъ, чтобы любимецъ цесаревича написалъ ему пріятное письмо.

— А ужь если вы захотите написать пріятное для его высочества, тогда я увѣренъ, говорилъ Курута, все будетъ забыто, и вы пойдете безъ помѣхъ той дорогой, которой достойны.

Габбе написалъ, наконецъ, письмо, которое однако только разсердило его высочество и вынудило сказать его:

— Онъ хлопочетъ о другихъ; онъ и не думаетъ понимать своего собственнаго проступка.

Въ письмѣ было сказано, что онъ сколько ни разсматриваетъ, сколько ни судитъ своихъ поступковъ во время всѣхъ полковыхъ безпокойствъ, не можетъ найдти въ себѣ такой вины, которая давала бы ему возможность искать великодушнаго прощенія у его высочества, а просить прощенія, не бывъ виноватымъ, значило бы оскорбить не только собственное чувство справедливости, но и подвергнуть себя справедливому нареканію сбщественнаго суда. Въ концѣ письма выразился Габбе обо мнѣ, какъ объ офицерѣ, который по одному чувству привязанности къ капитану Пущину написалъ въ выраженіяхъ наскоро написанныхъ и отъ того не совсѣмъ вѣжливыхъ для его высочества, но что Веригинъ совершенно чуждъ всему ходу полковыхъ происшествій и одинаково виноватъ, какъ и всѣ младшіе офицеры полка.

Я уже выше замѣтилъ, что покорное письмо Габбе не перемѣнило бы участи Пущина, котораго проступокъ судимъ по рапорту баталіоннаго командира, но если его и меня не избавило бы совершенно отъ суда, то навѣрное не лишило бы его чиновъ и орденовъ, а меня — однихъ чиновъ. Цесаревичъ, какъ объяснилось мнѣ впослѣдствіи, видѣлъ въ Габбе неблагодарность къ его любви, и это чувство неблагодарности приводило въ гнѣвъ высокаго нашего начальника, а при первомъ словѣ Габбе, что онъ вполнѣ чувствуетъ потерю милостей его высочества, я видѣлъ весь восторгъ цесаревича къ чувству раскаянія, о чемъ буду говорить подробно въ своемъ мѣстѣ.

Во время нашего судопроизводства и въ продолженіе почти годичнаго содержанія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя опишу ниже, я получилъ отъ Габбе нѣсколько записокъ, которыя не относились къ нашему дѣлу, а заключали въ себѣ желаніе узнать, какъ содержатъ меня, чѣмъ занимаюсь я. Отвѣты мои были одинакаго содержанія съ вопросами. Намъ приносили въ извѣстное время по утру кофе, въ полдень обѣдъ и къ вечеру чай. Въ булки, называемыя мунтовыми, мы вкладывали свои записки, которыя переходили къ намъ безъ всякой догадки о нашей хитрости. И если бы была открыта эта чайная переписка, тогда, можетъ быть, объяснилось бы,

что у насъ въ головѣ не было никакихъ политическихъ затѣй и мы и понятія не имѣли о томъ заговорѣ, который объяснился 14 декабря 1824 года.

Допросы съ насъ были, какъ говорятъ, сняты, и насъ оставили въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы содержались, ожидать почти годъ Высочайшаго рѣшенія нашему дѣлу, а еще болѣе, кажется, для того, чтобы по перепискѣ нашей, которая съ почты представлялась его высочеству, объяснились наши связи [1]).

XII.

Я томился въ комнатѣ, которой длина была пять шаговъ, ширина $3^1/_2$, и изъ которой я не дѣлалъ ни шагу на воздухъ или въ сосѣднюю комнату, и въ этомъ почти годичномъ заточеніи не видалъ къ себѣ участія ни одного изъ своихъ сослуживцевъ. Скажу прямо, что это безучастіе должно приписать моему неблагоразумію въ отношеніяхъ моихъ съ моими сослуживцами: съ иными изъ поручиковъ, подпоручиковъ и прапорщиковъ я былъ почти незнакомъ, а тѣ, которые принадлежали къ первенствующимъ голосамъ, не видѣли во мнѣ льстиваго для себя языка.

Теперь буду до объявленія мнѣ Высочайшаго приговора припоминать о томъ, что̀ стоитъ памяти.

Италія взволновалась карбонаріями. На съѣздѣ монарховъ въ Лайбахѣ или Веронѣ положено было уничтожить вооруженной силой всегдашнюю мечту всѣхъ италіанцевъ къ единству Италіи. Извѣстно, что Австрія одна справилась съ возстаніемъ италіанцевъ, но до этой справы гвардейскимъ полкамъ, расположеннымъ въ Варшавѣ, объявлено было, чтобы готовились къ походу въ Италію. Мой ротный командиръ Петръ Христофоровичъ Граббе принялъ на себя всѣ хлопоты для покупки лошадей, вьюковъ и вообще всего, что̀ для него и меня необходимо было бы въ походѣ. Главно-

---

[1]) Нѣкоторые изъ разсказовъ Н. В. Веригина о событіяхъ того времени въ л.-гв. Литовскомъ полку можно найти въ болѣе сжатомъ видѣ въ сочиненіи Маркграфскаго: „Исторія л.-гв. Литовскаго полка“ (Варшава. 1887).

Ред.

командующимъ нашей италіанской арміей назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, который и прибылъ съ Кавказа въ Варшаву. На другой или третій день, по волѣ его высочества представлялись кавказскому герою всѣхъ полковъ офицеры начальникомъ штаба Дм. Дм. Курутой. Я на этомъ представленіи, бывъ дежурнымъ по баталіону, не находился. Не припомню хорошо, въ это же представленіе или въ частномъ свиданіи Алексѣй Петровичъ, спросивъ Граббе о здоровьи брата его Павла Христофоровича, сказалъ ему: «когда ты перемѣнишь свою нѣмецкую фамилію на русскую, я просилъ объ этомъ не разъ и твоего брата».

Павелъ Христофоровичъ Граббе былъ адъютантомъ Ермолова во время всей кампаніи 1812 года и по достоинствамъ своимъ былъ другомъ Ермолова. Извѣстна нашего народнаго генерала нелюбовь къ нѣмцамъ, но Граббе и многіе другіе не были въ его глазахъ нѣмцами, и отъ того онъ такимъ нѣмцамъ въ шутку говаривалъ, чтобы они перемѣнили свою фамилію на русскую. Цесаревичъ показывалъ нашему будущему главнокомандующему гвардейскіе полки, но какъ боевой генералъ не былъ фронтовой генералъ, то и не приходилъ въ восторгъ отъ выправки, обмундировки и нашей по командѣ поворотливости, что̀, какъ было извѣстно, очень огорчало великаго князя. Ермоловъ, какъ разсказывали, замѣтилъ однажды его высочеству, что всѣ эти чудеса, которыя онъ видитъ въ нашихъ полкахъ, никакъ не примѣнимы на Кавказѣ, гдѣ у него солдаты ходятъ въ бараньихъ шапкахъ, съ сумкой черезъ плечо, а въ сумкѣ у нихъ и боевые патроны и хлѣбъ на ѣду лежатъ вмѣстѣ; одѣты въ мѣшки, которыми дыханіе не спирается, въ такихъ мундирахъ, какъ здѣсь я вижу, прибавлялъ главнокомандующій кавказской арміей,—солдатъ на Кавказѣ пропадетъ.

Такой отзывъ о кавказскомъ солдатѣ очень не нравился его высочеству, а еще болѣе равнодушіе главнокомандующаго къ отличному доведенію нашихъ полковъ по фронтовой службѣ, къ нашей обмундировкѣ, въ которой малѣйшая морщинка или пятно наводили страхъ и на начальниковъ и на подчиненныхъ.

Граббе иногда бывалъ у Ермолова, и онъ, какъ видно, очень тяготился пребываніемъ своимъ въ Варшавѣ.

— Не понимаю, зачѣмъ они меня здѣсь держатъ, говорилъ кавказецъ,—дѣлать мнѣ здѣсь нечего, я отъ скуки пропадаю, да и меня же они не любятъ, и тутъ все не по мнѣ.

Чтобы занять кавказскаго генерала чѣмъ-либо болѣе по его вкусу, ему показывали всѣ варшавскія заведенія и между прочимъ онъ осматривалъ наши гвардейскія казармы, въ которыхъ помѣщался 1-й баталіонъ нашего полка и полкъ польскаго гвардейскаго гренадерскаго полка. Во время пріѣзда Ермолова съ начальникомъ штаба Дм. Дм. Курутой, дежурнымъ по полку наряженъ былъ П. А. Габбе, отъ котораго я слышалъ разсказъ осмотра казармъ Ермоловымъ. До пріѣзда Ермолова явился къ Габбе дворцовый архитекторъ италіанецъ Боретти, который всегда встрѣчалъ Алексѣя Петровича въ тѣхъ зданіяхъ, которыя ему показывались. Ермоловъ обошелъ казармы, вышелъ на дворъ, остановился передъ казармами и началъ говорить о военной архитектурѣ, замѣтивъ предварительно что-то не по мыслямъ своимъ въ казармахъ. Габбе разсказывалъ послѣ, что это было чтеніе профессора вообще объ архитектурѣ и о военной въ особенности. Архитекторъ Боретти, по отъѣздѣ Ермолова и Куруты, говорилъ Габбе, что онъ изучалъ архитектуру въ лучшихъ италіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ, слушалъ лекціи у лучшихъ профессоровъ, но такія глубокія знанія, съ критическимъ разборомъ въ военной архитектурѣ отъ первыхъ появленій этой науки до нашихъ временъ, онъ встрѣчаетъ въ первый разъ. Пылкій италіанецъ въ порывѣ восторга, какъ увѣрялъ, едва не сказалъ Ермолову, что считаетъ его первымъ архитекторомъ въ мірѣ. Дежурный капитанъ по полку видѣлъ все смиреніе нашего Куруты передъ умомъ и знаніями Ермолова, который, какъ казалось, хотѣлъ показать всю разницу между собой и нашимъ начальникомъ штаба. Въ краснорѣчивомъ и ученомъ разсказѣ Ермолова о архитектурѣ, Курута подалъ какъ-то и свой голосъ, но трехъ-аршинный Алексѣй Петровичъ взглянулъ на двухъ-аршиннаго Дмитрія Дмитріевича такъ, что тотъ потерялъ охоту вмѣшиваться въ поучительный разсказъ Ермолова.

Австрійцы одни усмирили взволновавшихся италіанцевъ, и Ермоловъ, проживъ въ Варшавѣ, кажется, съ мѣсяцъ, отправился наконецъ снова на Кавказъ, а мы снова начали маршировать на

ученьяхъ и парадахъ, на которыхъ не всегда могли любоваться такимъ картиннымъ рыцаремъ, какъ Алексѣй Петровичъ.

Послѣ перваго суда надъ капитаномъ Пущинымъ и его прощенія, старшіе офицеры нашего полка оставались въ какомъ-то тревожномъ положеніи; онъ не видѣли перевода Марачинскаго и Колотова въ армейскіе полки, хотя сдѣлалось извѣстнымъ, что эти два капитана не останутся въ нашемъ полку. Само собой разумѣется, что главными руководителями ожиданій были Пущинъ и Габбе. Въ это время какого-то смутнаго нашего полковаго общественнаго положенія, бѣжали съ часовъ два солдата л.-гв. Волынскаго полка. Бѣглецы были пойманы и приговорены къ прогнанію сквозь строй. Наканунѣ наказанія, нашему полку приказано было рано утромъ собраться за Повонской заставой, гдѣ обыкновенно производились ученья, и 1-й баталіонъ нашего полка долженъ былъ наказывать одного изъ преступниковъ. Вскорѣ, по прибытіи на Пески нашего и въ удаленіи отъ насъ л.-гв. Волынскаго полка, пріѣхалъ цесаревичъ съ генераломъ Жандромъ, выстроилъ нашъ полкъ въ каре, въѣхалъ въ средину каре, вызвалъ штабъ и оберъ-офицеровъ къ себѣ и, сидя на лошади, обратился къ намъ съ такой рѣчью:

— Господа, во время всей моей службы еще не было такого срама, чтобы солдаты бѣгали съ часовъ, а нынче, съ нашими толками о ненаказаніи гвардейскаго солдата палками, вотъ до чего дошло, два солдата л.-гв. Волынскаго полка бѣжали съ часовъ, и я вынужденъ лично присутствовать при наказаніи этихъ преступниковъ, чтобы показать всѣмъ солдатамъ, какому подвергается наказанію бѣглецъ съ часовъ. Вы хорошо знаете, что въ наказаніяхъ никто не находитъ удовольствія, наказываютъ только виноватыхъ, а между тѣмъ мысли о безнаказанности палками, по вашему мнѣнію, за небольшія вины переходятъ на толки вотъ ихъ (тутъ указалъ цесаревичъ на нашихъ гренадеръ) и тогда породятся между ними такіе проступки, которыхъ вы сами ужаснетесь. Вы сами помѣщики, вы знаете, кого вы отдаете, нерѣдко, въ солдаты: пьяницъ, воровъ, лѣнивцевъ, мошенниковъ, и правительство принимаетъ ихъ, и этотъ сбродъ негодяевъ доводится палками до того, что не тяготитъ государства, а приноситъ своимъ назначеніемъ ему пользу. Ослабьте узду, которой сдерживается нашъ солдатъ, тогда онъ,

разнузданный, васъ первыхъ разорветъ. Я покажу вамъ, какъ должно наказывать преступниковъ.

Цесаревичъ выѣхалъ изъ каре, нашъ полкъ выстроился въ двѣ шеренги, и арестанта повели съ завязанными руками къ штыку между двухъ рядовъ солдатъ, вооруженныхъ палками. Цесаревичъ ѣхалъ съ одной стороны, а генералъ Жандръ съ другой...

Я въ первый разъ въ жизни увидалъ наказаніе сквозь строй и скажу, что много нашлось бы преступниковъ, которые предпочли бы смертную казнь ужаснымъ палочнымъ истязаніямъ.

Габбе, хотя по отобраннымъ у него бумагамъ, которыхъ навязали цѣлую простыню, не только Пущина, но и меня менѣе былъ виноватъ, по вліянію же своему на весь ходъ шумныхъ тревогъ въ защиту Пущина былъ первое лицо, а въ доказательство тому, послѣ его ареста и преданія его суду, всѣ успокоились и уже никакихъ попытокъ не дѣлали къ выручкѣ не только Пущина, но и невиноватаго по своимъ бумагамъ Габбе.

Мнѣ разсказывалъ поручикъ М. И. Жеребцовъ, нынѣшній сенаторъ, такое происшествіе, которое показываетъ всю привязанность цесаревича къ Д. Д. Курутѣ, что было до поступленія моего въ л.-гв. Литовскій полкъ. Во время маневровъ гвардейскимъ полкамъ, Курута командовалъ правымъ флангомъ арміи и сдѣлалъ какое-то движеніе, не согласное съ назначеніемъ его высочества. Цесаревичъ послалъ своего адъютанта къ начальнику штаба съ объясненіемъ ему той ошибки, какую Дмитрій Дмитріевичъ сдѣлалъ. Вскорѣ Курута снова двинулъ свой флангъ не такъ, какъ слѣдовало, и великій князь, разсердясь, приказалъ, чрезъ адъютанта своего, явиться Курутѣ къ нему. Дмитрій Дмитріевичъ отправился на своемъ аргамакѣ самымъ легкимъ галопомъ къ огненному своему благодѣтелю, и это хладнокровное приближеніе выводило уже цесаревича изъ терпѣнія. Когда Курута приблизился къ его высочеству, то онъ рѣзко сказалъ своему любимцу:

— Курута, ты корова.

Дмитрій Дмитріевичъ, послѣ такого привѣтствія, обернулся къ свитѣ цесаревича и сказалъ:

— Господа, вы можетъ быть не слыхали, его императорское высочество говоритъ, что я корова.

Сказавъ хладнокровно эти слова тѣмъ же тихимъ голосомъ, начальникъ штаба подъѣхалъ къ командиру нашего полка генералъ-маіору Кишкину, передалъ ему командованіе правымъ флангомъ, послалъ своего адъютанта къ его высочеству съ докладомъ, что онъ сдѣлался нездоровъ, и, передавъ командованіе генералу Кишкину, сѣлъ въ свою двуконную колясочку и отправился въ Варшаву.

Цесаревичъ не долго продолжалъ маневры, сѣлъ въ коляску и поскакалъ вслѣдъ за Дмитріемъ Дмитріевичемъ въ Варшаву. Курута только-что вошелъ въ свои комнаты, какъ увидалъ на своей шеѣ того, кѣмъ онъ былъ созданъ.

— Если ты на меня будешь сердиться, мой другъ, если ты не будешь прощать мою горячность, тогда мнѣ надобно отказаться отъ командованія!

И можно ли было Курутѣ отъ такой привязанности, и кого же, не быть до слезъ тронутымъ! Передаю, что̀ слышалъ.

Въ Крулевскомъ замкѣ, четвероугольномъ огромномъ зданіи, внутри двора у подъѣзда къ входу въ королевскіе покои находилась караульня, гдѣ по-ротно отбывались караулы. Мнѣ памятны два караула въ королевскомъ замкѣ: одинъ во время съѣзда къ императору родственныхъ нашему царственному семейству принцевъ, короля Виртембергскаго, герцога Кумберландскаго, а другой, когда цесаревичъ выходилъ къ своей колясклѣ съ портретомъ будущей своей супруги княгини Ловичъ.

Послѣ маневровъ для короля Виртембергскаго, 1-я мушкатерская рота вступила въ наружный караулъ Крулевскаго замка; начальникомъ караула былъ ротный нашъ командиръ Петръ Христофоровичъ Граббе и мы, его ротные офицеры, поручикъ Григорій Ивановичъ Жеребцовъ и я, прапорщикъ или подпоручикъ, уже не помню. Русскій царь давалъ обѣдъ своимъ царственнымъ гостямъ и своимъ подданнымъ, которые были удостоены приглашеніемъ къ царскому столу отъ полковника до высшихъ чиновъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ. Во внутреннемъ караулѣ стоялъ въ это время поручикъ Желтухинъ, нынѣшній директоръ Пажескаго корпуса. Желтухинъ пересказывалъ о ходѣ обѣда, которымъ и мы, офицеры, какъ внутренняго, такъ и наружнаго караула, надѣлялись. Обѣдомъ въ Крулевскомъ замкѣ пользова-

лись съ царской кухни офицеры только во время пріѣздовъ императора въ Варшаву, въ караулѣ же Брюлевскаго его высочества дворца никогда не отпускался обѣдъ караульнымъ офицерамъ съ кухни цесаревича. Безпрестанный пріѣздъ въ экипажахъ замѣчательныхъ лицъ къ часу обѣда былъ для меня картиной, и самый разъѣздъ обласканныхъ царскимъ взглядомъ или словомъ стоилъ наблюденія, особенно, если бы быть поближе къ отъѣзжавшимъ. Сколько послѣ одной улыбки, а не только ласковаго слова или непродолжительной бесѣды уѣзжаетъ отъ царей либераловъ не либералами, республиканцевъ горячими монархистами! Я помню пріѣздъ князя Петра Андреевича Вяземскаго къ намъ въ лагерь къ П. А. Габбе, съ которымъ онъ былъ, какъ поэтъ съ поэтомъ, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, послѣ получасоваго разговора съ нимъ государя императора.

Князь-поэтъ и поэтъ знаменитый, многое порицалъ въ нашемъ государственномъ управленіи, говорилъ неодобрительно о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, хулилъ ходъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, словомъ, все шло не по его взгляду, и его языкъ, какъ въ печати, такъ и въ бесѣдахъ, былъ не тайной и цесаревичу и государю. Императоръ назначилъ часъ прибытія къ себѣ Вяземскому, говорилъ ему о Польшѣ, снишелъ до объясненій, почему въ государственномъ управленіи иное дѣлается такъ, а не иначе, и князь Вяземскій, какъ говорилъ Габбе, въ такомъ былъ восторгѣ отъ высокаго государственнаго ума Александра I-го, что ему оставалось только слушать мудраго монарха.

Часовъ въ 6 вечера пріѣхалъ цесаревичъ въ Крулевскій замокъ, гдѣ Граббе, Жеребцовъ и я стояли въ караулѣ, вышелъ изъ коляски къ крыльцу въ покои гофмаршала Броница, который справа отъ караульни занималъ въ нижнемъ этажѣ рядъ комнатъ. Спустя часъ, цесаревичъ вышелъ изъ комнаты къ колескѣ съ завернутой какой-то картиной, сѣлъ и уѣхалъ. Тутъ узналъ я, что цесаревичъ пріѣзжалъ къ своей невѣстѣ дѣвицѣ Грудзинской, которая была отъ разводнаго перваго мужа жены Броница и жила въ королевскомъ дворцѣ вмѣстѣ съ матерью. Цесаревичъ повезъ съ собой списанный съ его будущей супруги портретъ для представленія его лично матери своей государынѣ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, и

по возвращеніи его высочества изъ С.-Петербурга скоро мы узнали, что великій князь Константинъ Павловичъ женится на дѣвицѣ Грудзинской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будущее положеніе его супруги.

Вѣнчаніе цесаревича съ княгиней Ловичъ было, по слухамъ, въ присутствіи генераловъ: Куруты, Албрехта, Кнорринга и, кажется, Нарышкина въ придворной церкви Крулевскаго замка сначала по нашему обряду, а послѣ по католическому. Послѣ вѣнчанія цесаревичъ сѣлъ съ своей супругой въ кабріолетъ, управлялъ парой въ дышлѣ лошадей самъ и отправился черезъ всю длину Краковской улицы въ Бельведерскій свой дворецъ, который отъ замка отстоялъ не ближе 7 верстъ. Длинная улица покрыта была любопытными, которые знали о бракосочетаніи цесаревича.

Дня черезъ три пѣшимъ гвардейскимъ полкамъ было назначено его высочествомъ ученье, на которомъ я имѣлъ честь видѣть въ первый разъ супругу великаго князя Константина Павловича. Цесаревичъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ княгиней Ловичъ въ коляскѣ, въ которой всегда ѣздилъ, какъ извѣстно, четверкой въ рядъ. Князь и княгиня сѣли на верховыхъ лошадей и поѣхали почти рядомъ вдоль фронта гвардейскихъ полковъ. Князь предъ каждымъ баталіономъ, какъ водится и до нынѣ, привѣтствовалъ солдатъ: «здорово ребята», или: «здорово, гренадеры», а мы въ отвѣтъ: «здравія желаемъ вашему императорскому высочеству». Княгиня Ловичъ нѣсколько любезностей сказала въ 1-мъ баталіонѣ капитану Иванову, а во 2-мъ Пущину на французскомъ языкѣ, въ Волынскомъ же, какъ говорили, поручику Овандеру—на англійскомъ. Объѣхавъ фронтъ полковъ, княгиня уѣхала въ Варшаву, а великій князь поучилънасъ.

Вотъ еще происшествіе, о которомъ я забылъ разсказать, а оно показываетъ всю смѣлость офицеровъ къ изъявленію его высочеству своего ропота въ неисполненіи ихъ ожиданій и всю снисходительность цесаревича къ забывчивости Пущина, Габбе, а за ними, какъ ихъ хвостъ, и другихъ. 8 ноября, св. Михаила, былъ нашъ полковой праздникъ. Ежегодно въ этотъ день цесаревичъ, какъ шефъ нашего полка, послѣ церковнаго парада подчивалъ всѣхъ офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, по выходѣ изъ дворцовой церкви въ залѣ королевскаго замка, богатымъ завтракомъ. По возвращеніи

нашего полка, когда капитанами было объявлено полковому командиру о брани Марачинскаго съ Колотовымъ и когда уже сдѣлалось извѣстнымъ, что цесаревичъ принимаетъ въ свою защиту старшихъ двухъ капитановъ, за завтракомъ 8 ноября принадлежавшіе къ партіи Пущина ничего не ѣли, находились около стола молчаливыми, и хотя это было довольно далеко отъ мѣста, гдѣ стоялъ цесаревичъ, завтракая подлѣ сидѣвшаго вице-короля Заёнчика, но имъ это было замѣчено. Полковники, не принадлежавшіе къ исторіи капитановъ, капитаны Марачинскій и Колотовъ, а съ ними и тѣ офицеры, которые по образованію своему никогда не могли слиться съ кругомъ офицеровъ Пущина и Габбе, завтракали на одномъ столѣ, а единомышленники Пущина и Габбе на другомъ добровольно голодали. Послѣ завтрака полковой нашъ командиръ обратился ко всѣмъ офицерамъ, когда были налиты бокалы шампанскимъ, съ приглашеніемъ идти къ великому князю пить за здоровье его высочества. Полковники: Энгельманъ, Варпаховскій, капитаны: Марачинскій, Колотовъ и нѣкоторые изъ младшихъ офицеровъ послѣдовали за полковымъ командиромъ, но большая часть капитановъ и младшихъ офицеровъ или остались на своихъ мѣстахъ или показывали видъ, что идутъ и не шли. Вся эта сцена происходила въ виду цесаревича, который стоялъ съ бокаломъ въ рукѣ между двухъ столовъ въ концѣ залы, имѣя по сторонамъ себя генералитетъ, и въ ожиданіи прихода офицеровъ того полка, для котораго давался имъ завтракъ. Къ неподвижнымъ или колебавшимся офицерамъ подбѣжалъ генералъ-адъютантъ Красинскій съ словами на французскомъ языкѣ: «господа, васъ ожидаетъ великій князь».

Цесаревичъ, увидавъ, что офицеры не двигаются къ нему, выпилъ бокалъ, не сказавъ ни слова, схватилъ поспѣшно шляпу и тотчасъ вышелъ изъ залы. Надобно замѣтить, что между офицерами и слова не было о томъ, чтобы за завтракомъ не ѣсть. Когда размѣстились предъ столами, то первый Пущинъ не взялся и за вилку, за нимъ Габбе, а потомъ, какъ будто по условленному знаку, и другіе или и совсѣмъ не ѣли или кой-что брали, но тутъ же видно было, что дѣлаютъ этимъ противъ товарищества проступокъ. То же самое произошло и съ шампанскимъ: не пошелъ Пущинъ, не тро-

нулся Габбе, а за ними и другіе то пойдутъ, то воротятся, и этимъ еще болѣе увеличивали непріятность положенія того, за чье здоровье всѣ, съ крикомъ «ура», должны были выпить бокалъ шампанскаго. Цесаревичъ и безъ того хорошо зналъ, но на этомъ завтракѣ еще болѣе убѣдился, что Пущинъ и Габбе составляютъ всю силу полковаго голоса. Присутствовавшіе на завтракѣ всѣхъ полковъ командиры пришли въ какой-то ужасъ отъ смѣлой выходки офицеровъ Литовкаго полка и тотчасъ послѣдовали изъ залы за его высочествомъ.

XIII.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я былъ арестованъ и преданъ суду съ содержаніемъ въ большой комнатѣ Саксонскаго дворца, гдѣ не было и печи. Въ октябрѣ, когда сдѣлалось холодно, меня перевели въ комнату втораго этажа въ ордонансъ-гаузѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго содержался и Пущинъ. Въ декабрѣ Пущинъ сильно захворалъ и былъ переведенъ въ комнаты Брюлевскаго дворца, гдѣ были цесаревичемъ доставлены ему всѣ удобства къ выздоровленію, а меня перемѣстили въ его комнату. Почти годъ высидѣлъ я безвыходно подъ арестомъ, какъ и сотерпѣливецъ мой, П. А. Габбе, но онъ на своей квартирѣ; другую половину года я жилъ въ комнатѣ длиной 5 шаговъ, шириной $3^1|_2$, вышиной въ 7 аршинъ, гдѣ окна были забиты снаружи плотно досками, и только для дневнаго полусвѣта оставлено было вверху одно стекло, нужное мѣсто было у меня подъ носомъ, и всѣ занятія мои состояли въ чтеніи книгъ, которыя допускалось мнѣ получать изъ книжнаго магазина Глюксберга. Здѣсь я имѣлъ много времени читать Гете, Шиллера, Байрона, Шлегеля, Виланда, Фосса, Канта, Циммермана, которыхъ сочиненія покупалъ въ стереотипныхъ изданіяхъ и которыя до сихъ поръ на лицо въ моей библіотекѣ. Въ концѣ февраля добрый мой тюремщикъ, ветеранъ жандармской команды, прусакъ, не знавшій и польскаго языка, объявилъ мнѣ, что капитанъ Пущинъ лишенъ чиновъ и орденовъ и отправляется рядовымъ въ пѣхотный Литовскій

полкъ. Когда я содержался во 2-мъ этажѣ ордонансъ-гауза, гдѣ стекла оконъ были замазаны очень тщательно известкой на клею, но гдѣ свѣту было много болѣе, чѣмъ въ комнатѣ нижняго этажа, въ одно утро, послѣ развода плацъ-адъютантъ взошелъ ко мнѣ съ моимъ крѣпостнымъ служителемъ Евграфомъ, за которымъ слѣдовалъ, какъ за арестантомъ солдатъ съ ружьемъ. Адъютантъ подалъ мнѣ бумагу и объявилъ мнѣ, что присланъ отъ его императорскаго высочества для узнанія, какъ рѣшу я наказать своего крѣпостнаго слугу за проступокъ, который прочту я въ поданномъ прошеніи его высочеству, и если желаю, чтобы онъ былъ сосланъ въ имѣніе моего отца, то это будетъ исполнено чрезъ внутреннюю стражу. Изъ прошенія я узналъ, что мой пьяный Евграфъ прибилъ хозяйку дома полковницу, гдѣ я квартировалъ, едва далъ справиться съ собой караулу, который былъ призванъ родственникомъ моей хозяйки, полковымъ командиромъ 4 пѣхотнаго полка Богуславскимъ, и наконецъ связанный содержался на гауптвахтѣ королевскаго замка. Цесаревичъ приказалъ представить русака, съ которымъ едва справился польскій караулъ, и при выходѣ къ разводу подошелъ въ сѣняхъ къ стоявшему предъ двумя часовыми рыжему, какъ огонь, моему слугѣ, взглянулъ на него и сказалъ:

— Хорошъ, отведите его къ его помѣщику, отдайте ему это прошеніе, какъ онъ рѣшитъ наказать его, такъ онъ будетъ и наказанъ и если подпоручикъ Веригинъ желаетъ отправить его въ имѣніе отца своего, то отправить его чрезъ внутреннюю стражу.

Я просилъ адъютанта доложить его высочеству, что самое тяжелое наказаніе то, которое я самъ переношу, и потому прошу, впредь до рѣшенія моей участи, посадить моего человѣка въ такое мѣсто, изъ котораго бы шагу не могъ онъ сдѣлать.

Цесаревичъ, узнавъ о моемъ рѣшеніи, приказалъ коменданту Левицкому посадить моего Евграфа, какъ я желаю, но мой Евграфъ отличный портной, все время своего ареста обшивалъ дворню коменданта, и ему, какъ онъ пьяный впослѣдствіи говаривалъ, житье было хорошее. Кроткій, какъ овца, въ трезвомъ видѣ, услужливый, вѣрный, но когда напьется, то уже для Евграфа не было власти; на всѣхъ кидался онъ, какъ дикій звѣрь, сила же была у него нечеловѣческая. Упоминаю о счастіи моего Евграфа быть

представленнымъ его высочеству въ подтвержденіе многихъ разсказовъ о всегдашней внимательности цесаревича къ правамъ нашимъ на своихъ слугъ: никогда великій князь не давалъ права и самой полиціи наказывать пьяныхъ нашихъ слугъ безъ нашего на то разрѣшенія или приказанія.

Въ маѣ мѣсяцѣ, почти черезъ годъ моего заточенія, съ обѣдомъ вошелъ ко мнѣ денщикъ мой Кузьма, который до этого дня приносилъ въ теченіе всего моего ареста кушанье, чай, кофе къ наружнымъ дверямъ дома, ставилъ принесенное подлѣ часоваго, а сторожъ, у котораго былъ ключъ отъ замка моей комнаты, принималъ приносъ и вносилъ его мнѣ, сначала по осмотрѣ плацъ-маіоромъ или его адъютантомъ, а впослѣдствіи безъ всякаго осмотра. Явленіе моего Кузьмы сказало мнѣ, что участь моя рѣшена, и дѣйствительно онъ былъ присланъ ко мнѣ съ вѣстью, чтобы я готовился къ отъѣзду изъ Варшавы.

На другой день вошелъ ко мнѣ плацъ-маіоръ Эксаментовскій, пригласилъ меня слѣдовать за нимъ въ комнату военно-судной коммиссіи, которая была въ томъ же ордонансъ-гаузѣ, гдѣ я содержался. Не выходя полгода изъ комнаты, гдѣ для очистки воздуха не было даже форточки, при выходѣ на воздухъ, мнѣ сдѣлалось нѣсколько дурно. Въ комнатѣ военно-судной коммиссіи я нашелъ своихъ судей, кромѣ презуса Пенхержевскаго, мѣсто коего теперь занималъ полковникъ л.-гв. Уланскаго полка Штрандманъ. Спустя четверть часа прибылъ къ слушанію рѣшенія и П. А. Габбе. Послѣ привѣтствія меня, какъ своего сотерпѣливца, обратился Габбе съ поздравленіемъ аудитора крестомъ на шею за его точное исполненіе той обязанности, которая была возложена на него въ отношеніи насъ. Поздравивъ аудитора съ крестомъ, обратился Петръ Андреевичъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что презусъ нашъ, полковникъ Пенхержевскій, получилъ въ командованіе полкъ за то же, за что аудиторъ получилъ на шею крестъ.

— Видите ли, Николай Викторовичъ, нашимъ несчастіемъ эти люди счастливы, прибавилъ Петръ Андреевичъ. Однако насъ привели сюда выслушать сужденіе нашихъ судей, послушаемте, какъ насъ судили: извольте читать, а мы будемъ слушать.

Аудиторъ приступилъ къ чтенію, Габбе же, во все время перво-

начальнаго и довольно продолжительнаго чтенія, разсказывалъ мнѣ о своемъ житьѣ подъ арестомъ, своихъ занятіяхъ, посѣщеніяхъ его Курутой и громко смѣялся при своихъ разсказахъ. Когда дочиталъ аудиторъ до обвиненія насъ, то Габбе пылко началъ опровергать и доказывать всю несправедливость приписываемаго ему проступка. Но выслужившійся до аудиторства солдатъ былъ смятъ доводами Габбе до того, что аудиторъ, какъ и многіе изъ офицеровъ, обратились ко мнѣ съ просьбой о успокоеніи Габбе, который возраженіями своими не перемѣнитъ Высочайшаго рѣшенія, и когда на вопросъ, можетъ ли онъ апеллировать противъ несправедливыхъ обвиненій, былъ данъ ему отвѣтъ, что военно-судная коммиссія не приметъ его апелляціи, мой благородный сотерпѣливецъ сѣлъ снова подлѣ меня на стулъ и просилъ продолжать чтеніе. Послѣ прочтенія: «за всѣ вышеуказанные проступки, подпоручикъ Веригинъ лишается чиновъ съ записаніемъ въ рядовые 50 Егерскаго полка, а штабсъ-капитанъ Габбе лишается чиновъ и орденовъ съ записаніемъ рядовымъ въ Волынскій пѣхотный полкъ», исправляющій должность презуса, полковникъ Штрандманъ просилъ Габбе о вручніи ему орденовъ, которые долженъ онъ доставить его высочеству. Габбе снялъ съ себя русскіе ордена, полученные имъ въ теченіе кампаніи 1813 года, а баварскаго ордена не хотѣлъ отдавать.

— Этотъ орденъ я получилъ во время сраженія отъ баварскаго короля, и только онъ можетъ лишить меня своей награды.

Ни просьбы, ни убѣжденія не могли поколебать рѣшимости русскаго солдата, и Штрандманъ вынужденъ былъ ѣхать, по настоянію Габбе, къ цесаревичу, чтобы узнать отъ него, имѣетъ ли право русское правительство лишать его того ордена, который онъ получилъ отъ иностраннаго государя. Во время поѣздки Штрандмана чрезъ площадь въ Брюлевскій дворецъ, я упросилъ Габбе оставить споръ съ властью, которая можетъ подвергнуть его и гораздо бо́льшему наказанію, къ которому мы теперь приговорены, и Габбе возвратившемуся Штрандману подалъ баварскій орденъ, не спросивъ его объ отвѣтѣ цесаревича. Я разстался съ Габбе до свиданія нашего уже въ армейскихъ полкахъ рядовыми, гдѣ мы видѣлись тайкомъ.

XIV.

Дня черезъ 3 послѣ прочтеннаго намъ приговора, Габбе былъ отправленъ съ жандармомъ на почтовыхъ въ штабъ 24 пѣхотной дивизіи, расположенной въ г. Дубно, а меня черезъ недѣлю повезъ туда же отъ селенія до селенія, на обывательскихъ, офицеръ Житомірскаго пѣхотнаго полка, доставившій въ Варшаву партію солдатъ, выбранныхъ для гвардейскихъ пѣшихъ полковъ изъ пѣшихъ отдѣльнаго литовскаго корпуса. Путь мой до Дубно продолжался дней 10, мы не торопились поѣздкой. Около 3-хъ часовъ по полудни пріѣхали мы въ Дубно, остановились у какого-то обывателя, какъ зовутъ мѣщанъ въ доставшихся отъ Польши городахъ. Провожатый мой отправился въ штабъ съ представленіемъ бумагъ обо мнѣ и для узнанія, когда меня самого представить, а я, узнавъ, что Волынскій полкъ квартируетъ въ селеніяхъ около Дубно, послалъ моего Евграфа съ запиской къ Габбе, котораго извѣщалъ о моемъ пріѣздѣ въ Дубно.

Часовъ въ 11 я уже съ офицеромъ спалъ, какъ явился ко мнѣ мой Евграфъ и, къ удивленію моему, съ нимъ пришелъ Петръ Андреевичъ. Надобно замѣтить, что офицеръ, по возвращеніи отъ дивизіоннаго генерала, которому былъ представленъ и которому онъ объявилъ, чтобы меня завтра ему представить, сказалъ мнѣ, что не разъ было подтверждено ему отъ генерала о недопущеніи меня къ свиданію съ Габбе, и что онъ подвергнется большой отвѣтственности, если допуститъ насъ свидѣться. Добрый офицеръ слушалъ нашъ разговоръ и не показывалъ вида, что онъ знаетъ, кто ко мнѣ пришелъ и съ кѣмъ я проговорилъ до восхода солнца. Габбе былъ уже съ недѣлю рядовымъ въ полку, разсказалъ мнѣ, что состоитъ подъ безпрестаннымъ надзоромъ приставленнаго къ нему унтеръ-офицера, что ротному его командиру дано по командѣ письменное повелѣніе о недопущеніи его съ кѣмъ-либо къ свиданіямъ, что самыя строгія мѣры долженъ принять ротный командиръ, чтобы Габбе ни съ кѣмъ не имѣлъ переписки, письма же его должны быть представляемы къ отсылкѣ на почту не запечатанныя чрезъ полковаго командира, что за свиданіе рядоваго Габбе съ рядовымъ 50 Егер-

скаго полка Веригинымъ подвергается капитанъ военному суду, что рядоваго Габбе должно посылать на всѣ ученья и не избавлять его ни отъ какихъ повинностей рядоваго. Но какъ ни въ одномъ сословіи не найдемъ мы такого участія къ бѣдамъ своего собрата, какъ въ военномъ, и хотя бы съ разныхъ сторонъ и даже разныхъ націй солдатъ встрѣтилъ солдата въ бѣдѣ, одинъ другому постарается облегчить бѣду, такъ случилось и съ нами. Повелѣніе его высочества исполнялось, но наши капитаны и, какъ увидимъ дальше, самые высшіе чины какъ будто не знали, что мы не въ точности исполняемъ объявленное намъ повелѣніе, хотя надобно замѣтить, повелѣнія капитанамъ написаны были по секрету. Я едва могъ уговорить моего бывшаго капитана, а теперь моего одночинца, что пора намъ было разстаться, что онъ и себя и своего добраго сторожа унтеръ-офицера подвергнетъ большому горю, когда въ Дубно, гдѣ дивизіонная квартира, встрѣтитъ его кто-либо изъ опасныхъ для насъ чиновъ.

На другой день моего пріѣзда въ Дубно, я былъ представленъ дивизіонному генералу 24-й пѣхотной дивизіи Ѳедору Григорьевичу Гоголю, отъ котораго узналъ, что мнѣ назначено явиться въ 50-й Егерскій полкъ, расположенный въ Кременецкомъ уѣздѣ. Я отправился изъ Дубно въ г. Кременецъ на почтовыхъ, и чрезъ 6 часовъ явился къ бригадному адъютанту Христу, который, какъ скоро объяснилось, учился въ Казанской гимназіи въ то время, когда я былъ студентомъ Казанскаго университета. Добрый Христъ, не представляя меня ни бригадному генералу, ни полковнику, которымъ, какъ онъ увѣрялъ меня, больно было принять меня въ моемъ несчастіи, отправилъ меня въ мѣстечко Вишневецъ, графа Мнишка, столь знаменитаго въ нашей исторіи жизнію и первоначальными дѣйствіями Дмитрія Самозванца. Я явился въ роту капитана Тапильскаго, и скажу, что въ теченіе всей моей жизни у этого благороднаго, добраго до послѣдней мелочи, внимательнаго офицера, былъ я въ моемъ несчастіи истинно счастливъ. Я прожилъ у Тапильскаго до возвращенія моего изъ Бреста въ Кременецъ, уже съ возвращеніемъ мнѣ моего подпоручичьяго чина.

Цесаревичъ ежегодно осматривалъ дивизіи отдѣльнаго литовскаго корпуса въ мѣстахъ, гдѣ были собираемы полки и артиллерій-

скія роты этого корпуса. Передъ смотромъ цесаревича, корпусный командиръ отдѣльнаго литовскаго корпуса, генералъ отъ инфантеріи Довре, разсудилъ, съ своей стороны, предварительно видѣть выправку и одежду каждаго полка, и мнѣ было объявлено, чтобы я прибылъ также, въ одеждѣ рядоваго, къ смотру Довре. Съ перваго дня до прощенія меня, мнѣ позволено было ходить въ гражданскомъ платьѣ, и на это, кажется, было тайное приказаніе его высочества, но Габбе долженъ былъ всегда наряжаться въ солдатское платье, о чемъ было оффиціальное повелѣніе цесаревича. Такъ какъ приказано было щадить мое здоровье, то положено было ставить меня во фронтъ только на смотры цесаревича. Довре командовалъ корпусомъ не для фронтовой службы, и потому смотры его были для одного напоминанія, что въ отдѣльномъ литовскомъ корпусѣ есть корпусный командиръ. Меня и Габбе, по приказу его высочества, какъ послѣ сдѣлалось намъ извѣстнымъ, ставили на смотрахъ съ праваго фланга роты въ передней шеренгѣ третьимъ человѣкомъ, несмотря, подходимъ мы по росту или нѣтъ въ этомъ ряду. Я всталъ въ назначенное мнѣ мѣсто, скомандовали для подъѣзжавшаго корпуснаго и съ нимъ дивизіоннаго, бригаднаго, полковаго командировъ и всей свиты при нихъ: «отъ ноги, разъ, два», я вскинулъ ружье на плечо, и ружье мое повалилось у меня съ плеча па землю; я не успѣлъ его даже подхватить. Довре и вся свита при немъ были отъ меня шагахъ въ 10-ти, и надобно было видѣть ужасъ на лицахъ полковаго командира, баталіоннаго, бригаднаго и моего капитана Тапильскаго, который представлялъ свою роту корпусному командиру, такъ какъ Довре осматривалъ полкъ по-ротно. У солдата падаетъ ружье, которое онъ приподнимаетъ хладнокровно съ земли. Это озадачило всю свиту, но когда полковникъ мгновенно узналъ, что этотъ солдатъ я, назвалъ мою фамилію дивизіонному генералу, а тотъ корпусному, то добрый Довре замѣтилъ тутъ же, что напрасно меня ставили. «Съ нимъ, какъ видно, сдѣлалось дурно,—присовокупилъ старикъ,—отпустите его на квартиру».

Полковой командиръ, давъ проѣхать мимо меня Довре, немедленно подъѣхалъ ко мнѣ съ приказаніемъ, чтобы я ѣхалъ на квартиру.

Послѣ смотра по-ротно полковъ 24-й дивизіи корпуснымъ ко-

мандиромъ Довре, недѣли черезъ двѣ, вся дивизія собралась въ лагерь въ 15 верстахъ отъ г. Дубно и въ 3-хъ отъ мѣстечка Млынова графа Хоткевича. На пути къ лагерю подъ Дубномъ, въ темную и дождливую ночь, я отправился къ Петру Андреевичу Габбе, который находился отъ мѣста нашего ночлега въ верстахъ 5-ти. Всю ночь до самой зари я блуждалъ подъ указаніями моего проводника Евграфа, который въ проѣздъ мой изъ Варшавы чрезъ Дубно былъ у Петра Андреевича и довелъ его ко мнѣ. Былъ случай, что меня съ Евграфомъ какой-то фельдфебель счелъ за бродягъ, но мое объясненіе спасло меня отъ представленія ротному его командиру, и послѣ этого я поторопился добраться, не видавшись съ Петромъ Андреевичемъ, въ свою роту, гдѣ Тапильскій сильно безпокоился о моемъ возвращеніи.

Въ лагерѣ по-очередно стояли полки, за неимѣніемъ для всѣхъ палатокъ, а также, кажется, и удобнаго мѣста. Нашъ 50-й Егерскій полкъ расположился въ большомъ селеніи графа Лядуховскаго (названія не припомню), отъ котораго начинался лагерь, занятый Волынскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Тапильскій, товарищъ и другъ его, капитанъ Богомолецъ, и съ ними я заняли какой-то курятникъ на дворѣ крестьянина, котораго изба-мазанка обращена была въ кухню. Сколотили для насъ три койки, и очень мало осталось между койками мѣста для прохода къ намъ. Когда мы нѣсколько поустроились, то навѣстилъ насъ, изъ желанія со мной познакомиться, 1-го баталіона командиръ, подполковникъ Иванъ Никитьевичъ Тараканов, прежде почти незнавшій моего ротнаго командира. Этотъ благородный штабъ-офицеръ впослѣдствіи сдѣлался истиннымъ моимъ другомъ и въ теченіе почти 3-хъ лѣтней моей службы въ 50-мъ Егерскомъ полку, былъ неразлучнымъ моимъ товарищемъ во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ. На другой день нашего въ курятникѣ квартированія, бригадный генералъ Харитоновъ потребовалъ къ себѣ капитана Тапильскаго, которому поручилъ передать мнѣ просьбу его, чтобы я не старался видѣться съ моимъ сотерпѣливцемъ П. А. Габбе.

— Свиданіе ихъ,—присовокупилъ генералъ,—можетъ погубить меня, если его высочество узнаетъ мое слабое распоряженіе въ надзорѣ за г-номъ Веригинымъ, а вы, капитанъ, совершенно пропа-

дете; попросите г. Веригина, чтобы онъ не велъ никакой переписки съ г-номъ Габбе, самая ихъ переписка можетъ быть для насъ пагубой.

Точно такое же порученіе было сдѣлано и отъ моего полковаго командира, Александра Андреевича Унгебаура, который чрезъ адъютанта Христа прислалъ мнѣ французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, изъ которыхъ состояла у него очень замѣчательная библіотека. Всѣ просили о несвиданіи съ П. А. Габбе, но была ли возможность не видѣться тѣмъ, у кого одна была бѣда, одно прежнее товарищество, одни были помыслы и одни воспоминанія.

Часовъ около 5-ти послѣ обѣда, на другой день секретнаго объявленія мнѣ желаній бригаднаго и полковаго командировъ, ко мнѣ пришелъ подполковникъ Тараканов, и мы, сидя на койкахъ, разсуждали о мѣрахъ его высочества противъ свиданій Габбе со мной и перепискѣ нашей съ кѣмъ бы то ни было. Я уже не разъ разсказывалъ въ короткихъ словахъ любопытнымъ исторію нашихъ бѣдъ, и Тараканову, еще не знавшему отъ меня о причинахъ моего несчастія, объяснилъ, что мѣра цесаревича противъ нашей переписки понимается мной такъ: его высочество хочетъ показать, что нашъ образъ мыслей о правительствѣ и наши связи съ какими-то политическими, по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстными, затѣями такъ подозрительны, что перехваченная наша переписка можетъ оправдать строгія мѣры правительства противъ нашихъ свиданій и противъ нашихъ письменныхъ сношеній...

Такъ разсуждалъ я, когда на дворѣ послышался голосъ пѣвца какой-то французской пѣсни Беранже; я уставилъ глаза съ вопросомъ на Тараканова, Тапильскаго, Богомольца и еще бывшаго тутъ же милаго, умнаго прапорщика Шапошникова, и покудова всѣ на меня смотрѣли тоже съ вопросомъ, вошелъ въ нашъ курятникъ пѣвецъ и, приподнявъ фуражку, безъ которой открылась прекрасная голова безъ волосъ на темени до самаго возвышеннаго лба, обратился ко мнѣ со словами:

— Такъ вотъ гдѣ вы поживаете и въ какой пріятной бесѣдѣ, не по-нашему.

— Господа, сказалъ я всѣмъ присутствовавшимъ офицерамъ,— это Петръ Андреевичъ Габбе, теперь мы оба можемъ быть причи-

ной большихъ бѣдъ моему благородному капитану, а вамъ непріятностей.

Капитанъ Тапильскій отвѣчалъ мнѣ, что онъ за честь почтетъ раздѣлить со мной и Петромъ Андреевичемъ всѣ бѣды, а подполковникъ Тараканов замѣтилъ, что здѣсь всѣ за честь считаютъ быть товарищами нашими, а между военными товарищами нѣтъ предательства.

Послѣ столь благородныхъ отвѣтовъ бесѣда наша пошла веселая о лагерной службѣ и жизни. Привожу это первое мое свиданіе съ Петромъ Андреевичемъ, какъ свидѣтельство военнаго братства между офицерами.

Въ концѣ селенія у одного крестьянина было на огородѣ нѣсколько черешневыхъ высокихъ кустовъ, между которыми для отдыха сдѣлана была широкая кровать съ подстилкой изъ соломы. Сюда условился я съ моимъ сотерпѣливцемъ приходить въ извѣстные дни, и здѣсь мы, лежа на кровати, читали нѣмецкую поэзію, до которой, замѣчу, Петръ Андреевичъ не былъ большимъ охотникомъ, но для меня, не знавшаго французскаго языка, посвящалъ со мной все время чтенію Шиллера, Гёте, Виланда и другихъ поэтовъ,— мыслителей Германіи. Луиза Фосса своимъ простодушіемъ, патріархальностію часто забавляла насъ до хохоту, который однажды едва-было не открылъ грозному полковому командиру Петра Андреевича наше убѣжище. Мы читали и хохотали, не зная, что вблизи насъ командиръ Вольнскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Баранов, осматривалъ за огородомъ на лугу свой фурштадтъ. Громкій голосъ Баранова заставилъ насъ вспомнить, что мы подвергаемъ не однихъ себя опасности, а Барановъ былъ служака во всей силѣ слова и въ точности исполнилъ бы наставленіе цесаревича, найдя насъ, двухъ страшныхъ политическихъ мечтателей, въ тайной бесѣдѣ. Послѣ нѣсколькихъ нашихъ чтеній въ черешневой бесѣдкѣ, Петръ Андреевичъ назначилъ однажды день моего прихода въ нашъ пріютъ во вторникъ, но мнѣ показалось, что мы условились сойтись въ среду. Во вторникъ я отправился по обыкновенію пѣшкомъ въ Млыново къ графу Хоткевичу, который ожидалъ меня въ этотъ день, а Петръ Андреевичъ пришелъ въ бесѣдку, но, прождавъ меня часа два, отправился обратно въ лагерь. При выходѣ изъ деревни

его встрѣтилъ на дрожкахъ Барановъ и сдѣлалъ ему вопросъ: «гдѣ вы были, вы были у Веригина, садитесь со мной».

Габбе отвѣчалъ, что онъ не былъ у меня, но Барановъ не хотѣлъ вѣрить тому, что дѣйствительно отъ случая было — правда. Барановъ, подъѣхавъ къ палаткѣ Габбе, вызвалъ безсмѣннаго караульнаго при Петрѣ Андреевичѣ и сказалъ, что онъ виноватъ въ отпускѣ рядоваго Габбе, потребовалъ палокъ и въ присутствіи либеральнаго преступника счетомъ было дано караульному пятьсотъ ударовъ.

Когда Петру Андреевичу возвращены были чины, и Барановъ, сблизившись съ нимъ, хотѣлъ удостовѣриться словомъ благороднаго Габбе, точно ли онъ не видался со мной въ день встрѣчи съ своимъ полковымъ командиромъ. Узнавъ истину, призналъ себя виновнымъ противъ Габбе, но караульный все-таки стоилъ, по его мнѣнію, наказанія, какъ виновный въ допущеніи Габбе прогуливаться безъ его надзора. Бѣдный караульный, по выздоровленіи изъ госпиталя, куда снесли его послѣ наказанія, очень обрадовался наградѣ Петра Андреевича, получивъ отъ него 100 р. ас., и готовъ былъ снова подставить для 100 р. спину за добраго своего арестанта.....

Скажу коротко, безъ подробныхъ описаній: мы не разъ подвергались при нашихъ тайныхъ свиданіяхъ опасности быть открытыми, и каждый разъ прятались или по кустамъ, или въ высокой ржи, а сошедшись, по минованіи опасности, смѣялись съ болью въ сердцѣ своему ребячеству.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА.

Род. 1796 г., † 1872 г.

XV [1]).

Недѣль черезъ пять, по вступленіи въ лагерь 25-й дивизіи отдѣльнаго Литовскаго корпуса, дождались, наконецъ, пріѣзда его императорскаго высочества государя цесаревича, и на другой день пріѣзда его высочества былъ назначенъ смотръ всей дивизіи. Государь цесаревичъ пріѣхалъ къ намъ по осмотрѣ 24-й дивизіи, гдѣ находился въ Литовскомъ пѣхотномъ полку рядовымъ Николай Николаевичъ Пущинъ. Генералъ Жандръ, охотникъ до болтовни и до карть, послѣ представленія всего генералитета и полковыхъ командировъ его высочеству, разсказалъ о встрѣчѣ Пущина цесаревичемъ, и вотъ его разсказъ, какъ былъ переданъ мнѣ и Габбе присутствовавшимъ нашимъ начальствомъ.

«Цесаревичъ, подъѣхавъ къ взводу, гдѣ съ фланга въ передней шеренгѣ третьимъ солдатомъ стоялъ Пущинъ, какъ обыкновенно на всѣхъ смотрахъ насъ ставили, скомандовалъ полку съ плеча и слѣзъ съ лошади, подошелъ къ Пущину, взялъ его подъ руку, вывелъ противъ всего полка, поцѣловалъ бывшаго командира 2-й Гренадерской роты и сказалъ, обратясь къ спѣшившейся при цесаревичѣ свитѣ:

«— «Господа, Николай Николаевичъ Пущинъ былъ примѣрнымъ офицеромъ всей нашей русской арміи, а теперь онъ образецъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXVI, октябрь, стр. 45—80, ноябрь, стр. 294—314; изд. 1893 г., т. LXXVII, февраль, стр. 405—447.

солдата, я горжусь имѣть подъ своимъ начальствомъ столь достойнаго сослуживца. Дай мнѣ себя расцѣловать, мой другъ».

«Послѣ этого великодушный братъ императора поцѣловалъ нѣсколько разъ со всей своей горячностію солдата, отпустилъ его во фронтъ, самъ сѣлъ на лошадь и, объѣхавъ всѣ полки, производилъ имъ разныя построенія. Часто подъѣзжалъ цесаревичъ къ Литовскому пѣхотному полку и указывалъ своей свитѣ на всѣ ружейные пріемы Пущина, на его маршировку, восхищался солдатомъ до того, что это восхищеніе отразилось на всю дивизію, которой тогда командовалъ генералъ-лейтенантъ Савоини».

Скажемъ здѣсь, что Пущинъ, прибывъ на почтовыхъ изъ Варшавы въ Ливны рядовымъ въ Литовскій пѣхотный полкъ, отпустилъ своего служителя въ деревню и самъ чистилъ себѣ ружье, амуницію, являлся на всѣ безъ изъятія ротныя, баталіонныя и полковыя ученья, словомъ, несъ всѣ обязанности рядоваго. Такая служба и вся жизнь рядоваго Пущина была извѣстна его высочеству, а цесаревичъ не любилъ баричей и всегда былъ въ восторгѣ отъ суровой солдатской жизни. Пущинъ по характеру былъ солдатъ, въ его службѣ не было тѣхъ продѣлокъ, какими морочатъ хитрецы свое довѣрчивое начальство.

На другой день пріѣзда цесаревича одѣли меня вторично, послѣ смотра Доврe, въ солдатскій мундиръ, обвязали мои плечи ранцемъ и поставили третьимъ человѣкомъ съ праваго фланга передней шеренги во взводѣ.

Его высочество, подъѣхавъ къ взводу, гдѣ я стоялъ, сдѣлалъ кругъ около него, чтобы видѣть меня издали, и, доѣхавъ до конца полка, послалъ ко мнѣ генерала Жандра. Полку, по отъѣздѣ цесаревича, было скомандовано съ плеча, и генералъ Жандръ подъѣхалъ ко мнѣ съ слѣдующимъ привѣтомъ:

— Его императорское высочество приказалъ вамъ сказать, что отъ васъ зависитъ идти дальше и дальше, и чтобы вы берегли ваше здоровье.

Этими словами на русскомъ языкѣ заключилъ Жандръ свою рѣчь, которая въ началѣ была довольно продолжительна на французскомъ языкѣ, но что говорилъ мнѣ отъ имени цесаревича на французскомъ языкѣ, осталось для меня неизвѣстнымъ. Ложный

стыдъ удержалъ меня объяснить Жандру, что я французскаго языка не понимаю.

Вслѣдъ за Жандромъ подскакалъ ко мнѣ мой полковой командиръ, Александръ Андреевичъ Унгебауеръ съ вопросомъ тоже на французскомъ языкѣ, что̀ говорилъ мнѣ Жандръ. Мнѣ было очень неловко переминаться съ ноги на ногу и ничего не отвѣчать полковнику, который, не получивъ отъ меня отвѣта, отъѣхалъ на свое мѣсто и могъ подумать, что какая-либо радостная вѣсть отняла у меня языкъ.

Послѣ, когда къ удивленію своему узнали, что гвардейскій офицеръ не знаетъ французскаго языка, полковникъ мой не дивился болѣе моему молчанію. Много было встрѣчъ у меня съ лицами большаго вѣса, обращавшимися ко мнѣ на французскомъ языкѣ, и я принужденъ былъ всегда отмалчиваться.

Цесаревичъ точно также объѣхалъ кругомъ взводъ Волынскаго пѣхотнаго полка, гдѣ стоялъ Петръ Андреевичъ Габбе, и также съ конца полка послалъ генерала Жандра къ рядовому Габбе, но здѣсь сцена была другая. Жандръ, подъѣхавъ къ Петру Андреевичу, спросилъ его на французскомъ языкѣ:

— Какъ вы поживаете?

Габбе отвѣчалъ ему по-русски:

— Для меня странно, что вы, генералъ, спрашиваете меня о здоровьи, когда видите, что я затянутъ этими ремнями.

Жандръ, услыхавъ рѣзкій отвѣтъ рядоваго, тотчасъ отъѣхалъ отъ него и, явясь къ его высочеству, на спросъ: «ну что?» отвѣчалъ цесаревичу:

— Хорохорится.

Великій князь при такомъ отвѣтѣ Жандра пришелъ въ сильный гнѣвъ, и начальство 24-й дивизіи ожидало самыхъ дурныхъ послѣдствій для всей дивизіи. Но смотръ шелъ хотя и безъ восторговъ, а довольно покойно. При проходѣ нашихъ взводовъ цесаревичъ, глядя на меня и Габбе, снова съ гнѣвомъ говорилъ о виновности нашей и прибавлялъ:

— О, вы не знаете, какія у нихъ были затѣи въ головѣ, ихъ образъ мыслей—это ужасъ!

О Петрѣ Андреевичѣ прибавилъ при проходѣ его:

— Онъ неблагодаренъ, я его взносилъ на своихъ рукахъ, я его ласкалъ, какъ дитя свое, онъ пошелъ противъ меня.

Послѣ смотра его высочества сдѣлалось извѣстнымъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ будетъ производить смотръ всему отдѣльному Литовскому корпусу и гвардейскимъ полкамъ государь императоръ подъ г. Брестомъ, и все начало готовиться къ Высочайшему смотру.

50-й Егерскій полкъ потянулся, кажется, въ концѣ августа или началѣ сентября къ Бресту. Я ѣхалъ всю дорогу на подводѣ и тутъ насмотрѣлся, что и самый нашъ военный мундиръ носится, большей частію, подъячими, которые еще смѣлѣе гражданскихъ подъячихъ требуютъ того, что́ имъ нужно или выгодно. Продовольствіе солдатъ, полученіе подводъ дѣлалось хотя и подъ квитанціи, но или съ грубой смѣлостію, или съ пошлой лаской. Но, чѣмъ мы ближе подходили къ Бресту, тѣмъ осторожнѣе или, лучше сказать, боязливѣе становились ротные командиры въ своихъ настояніяхъ отъ поселянъ и тѣмъ болѣе любезничали съ панами-экономами или арендаторами. И скажемъ съ откровенностію: посмотрите вообще на квартированіе нашихъ войскъ въ селеніяхъ, городахъ и вездѣ услышите жалобы на придирки къ пищѣ солдата у домохозяина и на придирки съ умысломъ, чтобы поселянину не отдать положенную отъ казны муку, крупу, вездѣ ропщутъ на беззаконное число забираемыхъ подводъ, за которыя стараются даже не заплатить и положенной правительствомъ ничтожности. Вѣроятно, все это еще допетровскіе остатки нашего характера, когда воеводы посылались на воеводства покормиться, и долго еще будетъ бороться законъ съ нашими привычками и еще дольше проборется, если не положить не только необходимаго, но и приличнаго каждому мѣсту законнаго содержанія, тогда—и гласность поможетъ закону не кормиться властямъ на мірской счетъ.

Каждый полкъ передъ выступленіемъ на тѣсныя квартиры подъ Брестомъ его высочество встрѣчалъ самъ, и мнѣ было объявлено, чтобы я облекся въ солдатскую одежду для выставки меня цесаревичу, но на другой день, по случаю проливнаго дождя, пришло повелѣніе, чтобы полкъ вступилъ на квартиры безъ церемоніи, и я въѣхалъ на своей подводѣ въ назначенную мнѣ съ моимъ капитаномъ квартиру безъ маршировки предъ цесаревичемъ.

При вступленіи Волынскаго пѣхотнаго полка, великій князь выѣхалъ со всей своей военной свитой посмотрѣть, и не столько, какъ говорили, на полкъ, какъ на Петра Андреевича Габбе.

Когда прошелъ взводъ, гдѣ находился рядовой Габбе, состоявшій въ свитѣ цесаревича, генералъ-маіоръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ подъѣхалъ къ Петру Андреевичу и началъ разспрашивать его на французскомъ языкѣ о житьѣ-бытьѣ въ новомъ его бытѣ. Цесаревичъ тотчасъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ къ генералу, чтобы онъ явился на свое мѣсто. Левъ Александровичъ отвѣчалъ адъютанту: «сейчасъ» и между тѣмъ продолжалъ разговаривать съ своимъ соратникомъ, съ которымъ съ давняго времени былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Великій князь послалъ вторично адъютанта къ Нарышкину съ тѣмъ же приказаніемъ, и только по третьей посылкѣ, которую предупредилъ смѣлый вельможа своимъ отъѣздомъ отъ Габбе, явился генералъ къ его высочеству.

Цесаревичъ съ сердцемъ выговаривалъ Льву Александровичу не только неумѣстность его участія къ Габбе, но и нарушеніе порядка службы.

— Что вы, генералъ, хотѣли показать вашимъ разговоромъ съ Габбе, говорилъ великій князь,—ваше участіе, вашу любовь, да я съ дѣтскихъ его лѣтъ любилъ, и онъ за мою любовь заплатилъ мнѣ неблагодарностію, и какъ вы не подумали, что поступкомъ вашимъ вы забываетесь и противъ меня, и противъ службы.

Не упомню всего сказаннаго его высочествомъ генералу Нарышкину, но многое было наговорено ему въ томъ же смыслѣ.

Наконецъ насталъ день Высочайшаго смотра. Полки выстроились и, послѣ нѣкоторыхъ движеній, по-взводно пошли церемоніальнымъ маршемъ мимо императора. Когда взводъ, гдѣ я стоялъ 3-мъ съ праваго фланга, открылся предъ государемъ, его высочество довольно громко сказалъ:

«Съ праваго фланга 3 человѣкъ рядовой Веригинъ, Ваше Императорское Величество».

Государь вынулъ лорнетъ и смотрѣлъ на меня во все время, когда проходилъ мимо его взводъ. Мой полковой командиръ и бригадный, впослѣдствіи, говорили мнѣ, что у нихъ сердце трепетало, когда цесаревичемъ была произнесена моя фамилія и государь смо-

трѣлъ на меня въ лорнетъ. Они боялись, чтобы со мной не сдѣлалось дурно, какъ на смотру Довре. Мой церемоніалъ прошелъ счастливо, а также и Пущина, при маршировкѣ котораго цесаревичъ былъ въ восторгѣ и восторга своего не скрывалъ при братѣ-императорѣ, но съ Петромъ Андреевичемъ и на царскомъ смотру не обошлось безъ тревоги. Когда проходилъ взводъ Волынскаго пѣхотнаго полка, гдѣ любимецъ цесаревича маршировалъ въ рядахъ солдатъ, великій князь не разсмотрѣлъ своего упрямца и вообразилъ, что онъ подъ какимъ-либо предлогомъ не явился на смотръ.

— Гдѣ Габбе, почему его нѣтъ во фронтѣ, кто осмѣлился его оставить, обратился государь цесаревичъ съ этимъ спросомъ къ полковому командиру. Барановъ отвѣчалъ его высочеству, что Габбе стоитъ 3-мъ человѣкомъ во взводѣ, который только-что прошелъ.

— Быть не можетъ, чтобы я не узналъ Габбе, его нѣтъ, посмотрите, тутъ ли онъ, сказалъ цесаревичъ своему адъютанту, кажется, графу Несельроде. Адъютантъ подъѣхалъ къ Петру Андреевичу, всмотрѣлся въ него, обмѣнялся съ нимъ на французскомъ языкѣ привѣтомъ и донесъ его высочеству, что Габбе находится во фронтѣ.

Цесаревичъ доложилъ государю, что рядовой Габбе прошелъ въ томъ взводѣ, въ которомъ онъ его не разсмотрѣлъ, считая его въ другомъ взводѣ. Тѣмъ бы и кончилась эта суматоха, но начальникъ штаба 2-й арміи, знаменитый генералъ Толь, знавшій и любившій Петра Андреевича съ дѣтскихъ его лѣтъ, не утерпѣлъ замѣтить довольно громко, что больно смотрѣть на несчастіе столь достойнаго офицера, котораго онъ зналъ и любилъ ребенкомъ и уважалъ его въ офицерскомъ чинѣ, когда онъ находился подъ его начальствомъ во время послѣдней кампаніи. Надобно замѣтить, что Толь съ первыхъ своихъ офицерскихъ чиновъ былъ коротко знакомъ съ семействомъ Петра Андреевича, которое жило въ Петербургѣ; отецъ Петра Андреевича служилъ въ Сенатѣ экзекуторомъ и былъ всѣми уважаемъ, какъ образецъ честности

Цесаревичъ отъѣхалъ отъ государя, остановился передъ Толемъ и здѣсь, какъ мнѣ разсказывали, начался съ обѣихъ сторонъ столь горячій разговоръ, который прекратилъ государь только

третьимъ призывомъ своего брата къ себѣ. Великій князь горячо напоминалъ Толю, какъ онъ любилъ Габбе, сколь заботился о его счастіи, но что Габбе самъ былъ виною своего несчастія, «онъ забылъ все и пошелъ противъ меня», говорилъ цесаревичъ.

— Я знаю его вину, ваше высочество, возражалъ ему громко и горячо Карлъ Ѳедоровичъ, знаю и проступки другихъ двухъ офицеровъ Литовскаго полка, слышалъ о причинахъ ихъ проступковъ, и они, конечно, достойны наказанія — это сказано было съ злой усмѣшкой. Но третій призывъ государя: «Ваше императорское высочество, пожалуйте ко мнѣ» заставилъ цесаревича отъѣхать отъ Толя и встать подлѣ своего брата.

Послѣ смотра на другой день явился ко мнѣ полковой адъютантъ нашего 50-го Егерскаго полка съ поздравленіемъ отъ полковаго командира съ всемилостивѣйшимъ возвращеніемъ прежняго моего подпоручичьяго чина, съ оставленіемъ на службѣ въ 50-мъ Егерскомъ полку и съ приказаніемъ явиться къ его императорскому высочеству въ Брестъ, въ офицерскомъ сюртукѣ, безъ шпаги и эполетъ и въ фуражкѣ.

Къ вечеру я пріѣхалъ въ Брестъ, остановился у Петра Христофоровича Граббе, отправился съ нимъ къ капитану Иванову, гдѣ встрѣтилъ П. А. Габбе въ кругу тѣхъ офицеровъ, которые принадлежали къ высшему разряду л.-гв. Литовскаго полка. Здѣсь, послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій, Владим. Петр. Желтухинъ вручилъ мнѣ мою рукописную книгу, въ которую вносилъ я изъ разныхъ книгъ разныя замѣтки и помѣщалъ свои собственныя мысли. Не скрою, что при передачѣ этой книги между мной и Желтухинымъ произошелъ непріятный разговоръ.

Человѣкъ, хранившій для возврата мою рукопись, замѣтилъ мнѣ, что она не стоила храненія, и вынудилъ меня отвѣчать ему колкостью, что въ книгу вносилось мной все для себя, а не для него.

Вообще, положеніе мое было непріятно въ кругу прежнихъ моихъ сослуживцевъ, и я гораздо сдѣлалъ бы лучше, если бы съ представленіемъ его высочеству отправился прямо въ деревню къ моему капитану Тапильскому; я не встрѣтилъ бы какой-то странной зависти къ моему несчастію, которое сдѣлало меня товарищемъ

несчастій Габбе и Пущина, и этимъ выдвинуло меня изъ ряда всѣхъ самолюбій. Габбе и Пущинъ пріѣхали въ Брестъ еще до обѣда—и я не нашелъ Пущина у Иванова; виновникъ и своихъ и моихъ бѣдъ находился уже у его высочества. Цесаревичъ отдѣлялъ Пущина отъ Габбе и меня. Пущинъ лишенъ былъ чиновъ и орденовъ прежде нашего лишенія за 5 мѣсяцевъ, и теперь его высочество призвалъ къ себѣ капитана вечеромъ на чашку чая. Перескажу разсказъ Пущина о бесѣдѣ цесаревича съ нимъ, а Пущинъ не любилъ прикрасъ въ событіяхъ и не говорилъ никогда того, чего не было. Бесѣда цесаревича съ виновнымъ предъ нимъ показываетъ все великодушіе царственнаго нашего начальника къ тѣмъ, кто забывался предъ нимъ.

Его высочество ввелъ капитана Литовскаго пѣхотнаго полка подъ руку изъ пріемной, небольшой комнатки, которую я на другой день съ Петромъ Андреевичемъ долженъ былъ узнать, въ гостиную, посадилъ его на диванъ подлѣ себя, приказалъ подать чай и, оставшись одинъ съ своимъ собесѣдникомъ, началъ разговоръ такъ:

— Николай Николаевичъ, позволь, я буду говорить, а тебя прошу, не возражай, выслушай меня. Скажу тебѣ, какъ товарищъ товарищу по боевой нашей службѣ, какъ допустилъ ты, съ твоимъ умомъ, твоимъ характеромъ, твоими заслугами, руководить собой молодому офицеру, а онъ, какъ видно по твоей съ нимъ перепискѣ, вмѣшивался во всѣ происшествія старшихъ офицеровъ. Габбе твой товарищъ, я не удивляюсь его участію въ твоей исторіи; ты съ нимъ, какъ говорится, одной ложкой ѣлъ, одной чашкой пилъ, но Веригинъ слишкомъ молодъ, чтобы быть вашимъ наставникомъ, а вы оба допустили себя ходить на его помочахъ.

Послѣ этого горькаго для самолюбія Пущина замѣчанія, его высочество говорилъ своему собесѣднику, что все старое онъ давно забылъ, а что Пущинъ всегда былъ своей службой на виду у государя императора, объ этомъ и говорить нечего. Цесаревичъ говорилъ много похвальнаго, примѣрнаго о службѣ Пущина и заключилъ свою бесѣду съ капитаномъ тѣмъ, что взялъ съ него слово пересказать своимъ товарищамъ все, кромѣ одного обѣщанія, которое дано было Пущинымъ его высочеству и которое навсегда осталось тайной даже, кажется, и для Петра Андреевича. Не полагалъ

ли цесаревичъ, что Петръ Андреевичъ и я принадлежимъ къ какому-либо тайному обществу и, въ началѣ всей полковой исторіи, считалъ также и Пущина членомъ этого общества, но увѣрившись по всѣмъ бумагамъ и послѣдующимъ поступкамъ Пущина, что онъ не состоитъ въ преступныхъ связяхъ съ тѣми политическими затѣями, о которыхъ правительство уже имѣло тогда нѣкоторыя свѣдѣнія, меня и Габбе еще называлъ заговорщиками и, можетъ быть, открывъ такую тайну Пущину, взялъ съ него слово не говорить намъ о своей догадкѣ.

На другой день представленія Пущина его высочеству, мнѣ и Габбе назначено было явиться въ 9-ть часовъ утра къ начальнику штаба отдѣльнаго Литовскаго корпуса, генералъ-лейтенанту Вельяминову-Зернову, который отправился съ нами пѣшкомъ во дворецъ цесаревича. Дорогой Вельяминовъ сказалъ Петру Андреевичу, что въ нашей русской арміи послѣдовала горестная для всѣхъ перемѣна, что на мѣсто начальника главнаго штаба, Петра Михайловича Волконскаго, назначенъ баронъ Дибичъ, и что утрата князя—для всѣхъ русскихъ истинно горестна. Вельяминовъ всю дорогу вспоминалъ всѣ заслуги Петра Михайловича и очень откровенно горевалъ о потерѣ начальника, которому можно было подчиняться.

На маленькомъ дворѣ передъ дверьми также маленькаго дома, который занималъ цесаревичъ въ Брестѣ, насъ встрѣтилъ Дмитрій Дмитріевичъ Курута словами: «а, пожалуйте, господа,—его высочество васъ давно дожидается», и съ этими словами подошелъ къ дверямъ, отворилъ ихъ, и мы увидали цесаревича, передъ которымъ стоялъ губернаторъ Житомірской губерніи Гижицкій.

Его высочество, увидавъ насъ, сказалъ Гижицкому:

— Ну, теперь вы ступайте, помните, что я вамъ говорилъ, а вы, господа, пожалуйте сюда.

Мы взошли, остановились подлѣ дверей, я всталъ по правую сторону, Петръ Андреевичъ по лѣвую. Цесаревичъ при входѣ нашемъ подошелъ къ бюро, нѣсколько времени на открытой доскѣ бюро порылся въ бумагахъ и потомъ быстро обернулся и подошелъ къ намъ.

— Вы, господа, занеслись, вы занеслись, ваши бумажки, ваши

бумажки, еслибы государь императоръ видѣлъ ихъ, я не знаю, что бы тогда было, вашъ образъ мыслей, вашъ образъ мыслей — это ужасъ, вы взялись разбирать поступки правительства, а это не ваше дѣло, вы сами погубили себя, обдумайте, что вы писали, ваше ли дѣло разбирать то, что не принадлежитъ къ вашимъ занятіямъ, вы забыли, подъ какимъ вы правительствомъ находитесь, вы были оскорбительны въ вашей перепискѣ противъ правительства, государь императоръ былъ милостивъ къ вамъ, а вашъ образъ мыслей, вашъ образъ мыслей!!..

Габбе сказалъ цесаревичу:

— Позвольте, ваше императорское высочество, сказать мнѣ одно слово.

Великій князь отступилъ отъ насъ на два шага, и въ какой-то нерѣшительности, которая, кажется, показывала боязнь, чтобы снова не встрѣтить какой-либо непріятности для себя и бѣдъ для Габбе, отвѣчалъ:

— Говорите.

— Мой образъ мыслей, ваше императорское высочество, по крайней мѣрѣ никому не желалъ вреда.

Цесаревичъ этими простыми словами Габбе какъ-будто былъ нѣсколько озадаченъ, нѣсколько разъ откашлянулся и потомъ сказалъ:

— Да, да, вы никому не желали вреда, но вашимъ образомъ мыслей вы погубили себя и вы забыли, чѣмъ я былъ для васъ, вы пошли противъ меня, — г. Веригинъ, русскій дворянинъ, вступилъ въ военную службу, избралъ этотъ родъ службы подъ моимъ начальствомъ — и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: — за что васъ и благодарю, — но вы, г. Габбе, я васъ въ дѣтскихъ годахъ вашихъ носилъ на своихъ рукахъ, я привыкъ васъ называть моимъ Петрушей, васъ на своихъ рукахъ носила моя матушка-императрица, вы все это забыли и пошли противъ меня.

— Позвольте, ваше императорское высочество, еще сказать мнѣ одно слово.

— Говорите.

— Я вполнѣ чувствую потерю вашихъ милостей.

Великій князь, услыхавъ отъ Габбе эти чувства, устремилъ на него глаза и, помолчавъ нѣсколько, вскрикнулъ:

— Правда это?

— Я говорю моимъ сердцемъ, ваше императорское высочество.

И при этихъ словахъ у Петра Андреевича навернулась слеза на глазахъ.

Цесаревичъ, увидавъ слезу на глазахъ своего любимца, кинулся обнимать и цѣловать его, сказавъ:

— Ну, если такъ, то все забыто, все забыто; кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ,—и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: — это коренная русская пословица, тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго.

Надобно замѣтить, что въ моей перепискѣ съ Пущинымъ въ одномъ мѣстѣ было упомянуто, при разборѣ разговора его высочества съ капитанами, что кто говоритъ пословицами, тотъ обнаруживаетъ недостатокъ своихъ мыслей, и это глупое и дерзкое мое заключеніе было, вѣроятно, поводомъ обращенія цесаревича ко мнѣ въ такую минуту, когда сердце его было полно добротой.

Расцѣловавъ Габбе, его высочество началъ цѣловать меня, говоря:

— Ну, все забыто, все забыто.

Послѣ первыхъ порывовъ горячей любви къ Габбе, великій князь началъ говорить такъ:

— Теперь слушайте, что я вамъ обоимъ буду говорить. Отъ васъ зависитъ обратить вниманіе государя императора на вашу службу, а я всегда готовъ быть за васъ ходатаемъ, все возвратится, все зависитъ отъ вашихъ поступковъ. Вы теперь отправитесь въ свои полки, тамъ вамъ нѣтъ товарищей, не входите въ связи, которыя могли бы вамъ повредить, вы оба любите заниматься чтеніемъ, читайте, но не ведите никакихъ переписокъ, отъ которыхъ бываютъ бѣды. А тебѣ, Петруша, скажу я, тебя снова буду называть Петрушей, я тебя люблю, какъ сына, ты со способностями, ты замѣченъ государемъ, а ты знаешь, къ чему ведетъ такое замѣчаніе. Напишите вашимъ роднымъ, успокойте ихъ, что мы помирились. Я напишу матушкѣ-императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что я съ тобой, Петруша, помирился, а она хочетъ знать о тебѣ, а ты напиши своей

сестрицѣ Софьѣ Андреевнѣ, что мы съ тобой помирились, она всѣхъ у васъ въ семействѣ умнѣе.

Говоря эти слова, цесаревичъ часто насъ обоихъ цѣловалъ, по три раза въ каждое обниманіе, какъ это бывало въ привычкѣ его высочества, и, смотря въ глаза Габбе, меня сильно трепалъ рукой по лѣвому боку, что̀ Петру Андреевичу подало поводъ, послѣ, замѣтить въ шутку, что цесаревичъ хотѣлъ меня доколотить и ему хотѣлось даже просить о пощадѣ меня, какъ человѣка, и безъ того къ чахоткѣ близкаго.

— Вы можете у вашихъ товарищей здѣсь, въ Брестѣ, остаться на три дня, пожалуйста не разбирайте прошедшаго; что̀ было, то прошло, а теперь надобно стараться поправить прошедшія ошибки, вы такъ умны, что найдете много предметовъ для разговора, кромѣ толковъ о своихъ бѣдахъ.

И эти слова цесаревичъ прерывалъ поцѣлуями и наконецъ намъ сказалъ:

— Ну, прощайте, еще поцѣлуйте меня въ знакъ нашего, Петръ Андреевичъ, откровеннаго примиренія.

Мы вышли отъ его высочества и встрѣтились снова съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ Курутой на дворѣ. Габбе на нѣсколько минутъ былъ остановленъ начальникомъ главнаго штаба отдѣльнаго Литовскаго корпуса, и послѣ я узналъ отъ Петра Андреевича, что Курута между разговоромъ спросилъ его:

— Скажите, mon cher, за что̀ былъ разжалованъ Веригинъ?

Еслибы такой спросъ былъ сдѣланъ мнѣ, тогда я отвѣчалъ бы Курутѣ:

— Вы это лучше должны знать, ваше превосходительство, чѣмъ я, вы разсматривали мой проступокъ, и если я былъ разжалованъ безъ вины, тогда это не дѣлаетъ чести моимъ судьямъ.

На дорогѣ къ квартирѣ капитана Иванова Петръ Андреевичъ обратился ко мнѣ съ такой рѣчью, которая показала мнѣ умышленное, вѣроятно, при прощаньи замѣчаніе цесаревича своему любимцу, что онъ мирится съ нимъ откровенно, но едва-ли довѣряетъ откровенности Габбе.

— Пожалуйста,—говорилъ Петръ Андреевичъ,—Николай Викторовичъ, не говорите вы нашимъ, что я разпѣжился отъ его болтовни о его

ласкахъ и императрицы. Въ моихъ дѣтскихъ годахъ я былъ хорошенькій мальчикъ, учился не дурно, опъ пріѣзжалъ въ кадетскій корпусъ, щипалъ меня за щеки, бралъ съ собой и привозилъ къ императрицѣ, которая тоже забавлялась мной, какъ хорошенькимъ ребенкомъ.

Мы въ этотъ день обѣдали у Иванова, послѣ обѣда отправились гурьбой пить кофе къ Михаилу Ивановичу Жеребцову. Послѣ кофе пошли снова къ Иванову, и когда изъ квартиры Жеребцова вышли на улицу, то Пущинъ взялъ Петра Андреевича подъ руку и сказалъ громко:

— Возьмите меня, Петръ Андреевичъ, подъ руку и учите меня, а насъ обоихъ будетъ учить Николай Викторовичъ; вѣдь великій князь увѣренъ, что мы оба пропащіе люди безъ наставленій Николая Викторовича.

Я шелъ между Жеребцовымъ и, кажется, П. Х. Граббе. Я отвѣчалъ Пущину такъ: Николай Николаевичъ, если его высочество оскорбилъ ваше самолюбіе замѣчаніемъ, что я былъ вашимъ наставникомъ, то онъ хотѣлъ этимъ замѣчаніемъ лишить меня вашего добраго ко мнѣ чувства, которымъ я гордился въ моемъ несчастіи.

— Извините, Николай Викторовичъ, я и этого не умѣлъ понять, отвѣчалъ мнѣ Пущинъ.

Я хотѣлъ отправиться тогда же въ 50-й Егерскій полкъ послѣ этихъ словъ оскорбленнаго самолюбія, но Жеребцовъ уговорилъ меня не брать къ сердцу вспышки, которая произошла у Пущина, вѣроятно, отъ вчерашняго разговора съ нимъ великаго князя. И худо я сдѣлалъ, что остался на позволенное цесаревичемъ время между людьми, которыхъ мелочное самолюбіе уязвлялось моимъ бывшимъ общественнымъ положеніемъ въ л.-гв. Литовскомъ полку. Только Габбе, Жеребцовъ, Энгельгардтъ, Бибиковъ были справедливы ко мнѣ. Я не говорю о тѣхъ, которые принадлежали къ толпѣ и которыхъ даже было не видно на квартирѣ Иванова, да и не могли они быть въ высшемъ кругѣ офицеровъ, но Желтухинъ, благородный, умный, во всей силѣ слова честный Желтухинъ, также былъ ко мнѣ очень равнодушенъ, а его мнѣніемъ и другіе руководились, какъ люди безъ своихъ мыслей.

— Прощайте, сказалъ я прежнимъ моимъ сослуживцамъ и отправился поздно вечеромъ отъ П. Х. Граббе въ 50-й Егерскій полкъ.

Впослѣдствіи я узналъ отъ Петра Андреевича, что онъ, во все слѣдованіе Волынскаго пѣхотнаго полка, былъ по повелѣнію его высочества арестованъ. Какая была причина ареста, никто не зналъ, но полагали, что новая немилость цесаревича происходила отъ негодованія за отказъ Пущину сдѣлать съ нимъ вмѣстѣ визитъ нашимъ бывшимъ полковому и бригадному командирамъ, также генераламъ Кнорингу, Албрехту, и даже, наконецъ, Варпаховскому. Пущинъ представился бывшимъ своимъ начальникамъ, которыми всегда былъ уважаемъ, но Граббе еще болѣе, можетъ быть, уважаемый Кишкинымъ, Рихтеромъ и Курутой, не счелъ ихъ достойными визита. Онъ не понималъ, для чего къ нимъ идти.

XVI.

Волынскій пѣхотный полкъ былъ расположенъ около г. Дубно, а 50-й Егерскій полкъ—около г. Кременца. Въ г. Дубнѣ находились дивизіонная, бригадная и полковая квартиры. Петръ Андреевичъ сдѣлался гостемъ дивизіоннаго генерала Ѳедора Григорьевича Гогеля, бригаднаго генерала Бартоломея и полковаго командира Баранова. Жизнь его, какъ онъ писалъ мнѣ, проходитъ весело, пріятно, но такая жизнь продолжалась не долго; скоро штабсъ-капитанъ Граббе былъ переведенъ изъ Волынскаго полка въ 49-й Егерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Ч. . .

Цесаревичъ, узнавъ объ общемъ вниманіи къ несчастливцу, счелъ за лучшее удалить его изъ мѣста, гдѣ не могло быть безъ толковъ о томъ, что̀ не нравилось его высочеству. Ч. . былъ извѣстенъ, какъ картежникъ, онъ обыгрывалъ поляковъ и проигрывалъ съ намѣреніемъ своимъ начальникамъ генераламъ,

держалъ солдатъ, какъ говорится, въ ежовыхъ рукахъ, колотилъ и праваго и виноватаго, фронтовую службу зналъ безъ упреку и ни въ какомъ отношеніи не могъ быть собесѣдникомъ П. А. Габбе. Штабсъ-капитанъ, по своему чину, долженъ былъ командовать ротой, но ему не давалась, по повелѣнію его высочества, рота. Книги и собственныя литературныя занятія коротали дни изгнанника даже и въ Дубно, гдѣ для размѣна мыслей были люди.

Мнѣ назначено было государемъ цесаревичемъ жить при полковомъ штабѣ въ г. Кременцѣ. Мой полковой командиръ, просвѣщенный, умный, благородный, добрый Александръ Андреевичъ Унгебауеръ, съ первыхъ дней моего представленія ему, объявилъ мнѣ, чтобы я ежедневно у него обѣдалъ, проводилъ у него вечера, и я, въ теченіе всей моей неслужбы (службы я никакой не несъ) и жизни въ Кременцѣ, былъ какъ будто семьяниномъ въ домѣ моего благодѣтеля. Бригадный мой генералъ Харитоновъ, добрый 60-лѣтній служака, приглашалъ меня къ себѣ по воскресеньямъ на вечеръ, и я сдѣлался непремѣннымъ членомъ игры втроемъ въ вистъ и бостонъ съ моимъ полковымъ и бригаднымъ командирами.

Кромѣ вниманія ко мнѣ Александра Андреевича Унгебауера и генерала Харитонова, со мной былъ очень друженъ баталіонный командиръ 1 баталіона полковникъ Иванъ Никитичъ Тараканов.

Городъ Кременецъ былъ знаменитъ лицеемъ, основаннымъ пожертвованіями поляковъ и собственными средствами богатымъ графомъ Чацкимъ. Изъ профессоровъ лицея я былъ дружески знакомъ съ профессоромъ русской словесности Александровскимъ и другимъ — польской исторіи, котораго, къ стыду моему, прозваніе забылъ. Сверхъ этихъ двухъ лицъ особенно былъ ко мнѣ привязанъ садовникъ лицейскаго богатаго ботаническаго сада Витцель. Я называю его садовниковъ, но это названіе не отвѣчаетъ названію нашихъ садовниковъ; Витцель былъ ученый Gärtner и преподавалъ науку садоводства въ лицеѣ теоретически и практически. Истиннымъ было для меня наслажденіемъ гулять съ нимъ по обширному и богатому всѣхъ родовъ растеніями ботаническому саду, гдѣ онъ мнѣ по-нѣмецки объяснялъ роды цвѣтовъ, деревьевъ, но особенно любилъ

восхищаться со мной твореніями Шиллера, котораго сочиненія почти всѣ были въ моей дорожной книжницѣ. Смѣшно сотни книгъ называть—библіотекой.

Упомяну здѣсь, что моя книжница въ Варшавѣ не была, во время обыска моей квартиры генераломъ Кривцовымъ, подвергнута цензурному разсмотрѣнію, и потому я привезъ съ собой въ Кременецъ даже книги, считавшіяся запрещенными, какъ напримѣръ, въ нѣмецкомъ переводѣ: «Развалины Вольнея», «Система природы»— подъ именемъ Мирабо, а написанная, какъ извѣстно, барономъ Гольдбахомъ, «Конституція 3-го мая», Колонтая и еще нѣсколько другихъ, найденныхъ мной въ Варшавѣ у собирателя рѣдкихъ книгъ мелочнаго книжнаго торговца, старика Бауера. Помню, что на отвѣтъ мой генералу Кривцову: «у меня нѣтъ никакихъ рукописей, которыхъ вы ищете у меня и требуете отъ меня, кромѣ книгъ, ваше превосходительство», — генералъ сказалъ мнѣ: «книгъ вашихъ его императорское высочество не приказалъ разсматривать, вы можете имѣть ихъ, какія вамъ угодно, но гдѣ ваши бумаги, вы, какъ извѣстно, много писали». А это милостивое рѣшеніе цесаревича о моихъ книгахъ дало мнѣ возможность привезти съ собой весь мой сборъ запрещенныхъ у насъ книгъ.

Нѣмецъ Витцель не любилъ вольнодумной философіи и читалъ со мной поэзію Шиллера и Гёте.

Въ лицеѣ воспитывались разныхъ возрастовъ дѣти польскихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ многіе жили въ самомъ Кременцѣ. Кромѣ лицея для мальчиковъ, были пансіоны для дѣвицъ, но въ этихъ пансіонахъ учились дочери бѣдной шляхты, а надутые паны для образованія своихъ дочерей имѣли, какъ это и у насъ водилось, водится и еще долго будетъ водиться, такъ называемыхъ мадамъ. Мадамы учили по-французски, какъ господствующему языку въ высшемъ кругѣ дворянства, для другихъ же предметовъ, какъ ариѳметики, польскаго языка, исторіи и т. д., приглашали на уроки профессоровъ лицея.

Для русскихъ офицеровъ, если бы они даже и отвѣчали своимъ образованіемъ дамамъ польской аристократіи, не было доступу въ семейный кругъ князей: Четвертинскаго, Сапѣги, Любо-

мірскаго, графовъ Чацкаго, сына основателя лицея Тарновскаго, пановъ: Швейкоцкаго, Рищевскаго, Дрзевецкаго, Сабанскаго и другихъ, которые частью жили со своими дѣтьми постоянно въ Кременцѣ или пріѣзжали на зиму для вечеровъ, баловъ, обѣдовъ и тѣхъ занятій, которыя нравятся женщинамъ...

Кременецъ, какъ мнѣ говорили, наполнился польской аристократіей не столько для образованія своихъ дѣтей и препровожденія между собой времени, сколько отъ нелюбви къ Варшавѣ, гдѣ господствовало русское правительство, въ лицѣ цесаревича и даже намѣстника Царства Польскаго, князя Заёнчика, исполнителя желаній русскаго правительства. Приводили примѣры рѣзкихъ выходокъ его высочества противъ того или другаго изъ польскихъ магнатовъ, и эти выходки согнали ихъ въ маленькій Парижъ, какъ называли часто городокъ Кременецъ, а на Заёнчика негодовали, какъ на потатчика неуважительности великаго князя къ польскому вельможеству. И дѣйствительно, какъ всѣмъ извѣстно, цесаревичъ не жаловалъ барскаго чванства, надутости, но всегда былъ покровителемъ слабаго, и польская бѣдная шляхта должна благоговѣть къ его высочеству за его вниманіе къ незавидному ихъ положенію въ унизительной службѣ своимъ магнатамъ. Въ домахъ князей: Сангушки. Любомірскихъ, Чарторижскихъ, графовъ: Потоцкихъ, Ходкевичей, Браницкаго и другихъ вельможъ столовая прислуга состояла изъ бѣдной шляхты, и эта шляхта, занимавшая въ имѣньяхъ своихъ богатыхъ пановъ и болѣе благородныя должности, всегда была съ ножомъ за своего пана на всѣхъ сеймахъ во время всѣхъ смутъ въ Польшѣ. Русское правительство старалось оторвать несчастную дробную шляхту отъ теремовъ вельможъ, давая имъ право вступать на службу въ русскомъ войскѣ, на ряду съ русскими дворянами.

Мнѣ разсказывали о происшествіи съ однимъ изъ первыхъ магнатовъ Польши, который съ бывшимъ своимъ тарелочнымъ шляхетнымъ слугой поступилъ оскорбительно, тогда какъ слуга этотъ уже былъ офицеромъ Житомірскаго пѣхотнаго полка, и за оскорбленіе мундира, магнатъ, служившій генералъ-адъютантомъ у На-

полеона, былъ приговоренъ, кажется, къ мѣсячному аресту: офицеръ Житомірскаго полка (забылъ его фамилію) былъ посланъ полковымъ командиромъ для покупки обозныхъ лошадей на какую-то ярмарку не далеко отъ мѣстечка Славутъ, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ этого мѣстечка князь Сангушко, у котораго этотъ шляхтичъ былъ прежде въ услуженіи. Офицеръ, знавшій главнаго конюшеннаго князя, былъ допущенъ къ осмотру лошадей, но когда пожелалъ онъ видѣть и тѣхъ лошадей, которыя по цѣнности своей и рѣдкости не показывались никому безъ разрѣшенія самого Сангушки, то офицеръ взялъ на себя право лично получить отъ бывшаго своего господина позволеніе на осмотръ его арабскихъ жеребцовъ, которые цѣнились по 10 т. червонцовъ каждый. 60-ти лѣтній вельможа сидѣлъ въ гостиной со своей супругой за утреннимъ кофе, когда вошелъ къ нему безъ доклада въ русскомъ мундирѣ шляхтичъ съ сильнымъ желаніемъ видѣть его арабскихъ жеребцовъ, объяснивъ ему предварительно, что онъ посланъ своимъ начальникомъ для покупки лошадей. Князь подивился бездокладному входу офицера и еще болѣе его желанію видѣть лошадей, которыя никому не показываются, да и вообще съ конюшни его никакія лошади никому не продаются. Офицеръ весьма неучтиво вздумалъ доказывать, что неисполненіе его желанія отнесется къ неуважительности князя русскому офицерскому мундиру, который онъ имѣетъ честь носить. Когда начались съ обѣихъ сторонъ жаркія возраженія, княгиня встала и, выходя изъ гостиной, сказала своему супругу на французскомъ языкѣ, что этотъ офицеръ былъ у нихъ лакеемъ, и что ей неприлично быть въ его присутствіи. Князь просилъ бывшаго своего слугу, уже сѣвшаго въ кресло, безъ приглашенія, оставить его въ покоѣ, когда же услыхалъ дерзкій отказъ требованію Сангушки, то объявилъ ему, что онъ прикажетъ своимъ служителямъ вывести его изъ дома. Офицеръ, сидя на креслѣ, сказалъ Сангушкѣ: «я посмотрю, осмѣлитесь ли вы оскорбить въ моемъ лицѣ всѣхъ офицеровъ русской арміи». Сангушко позвонилъ въ колокольчикъ, вошелъ 12-ти-вершковый гайдукъ, которому онъ приказалъ вывести вопъ дерзкаго и даже выпроводить изъ мѣстечка. Вошли другіе гайдуки, взяли офи-

цера подъ руки, вывели изъ дома, посадили его силой на подводу и вытолкали изъ селенія.

По возвращеніи въ полкъ, поруганный мундиръ подалъ полковому командиру рапортъ, гдѣ прописалъ всѣ оскорбленія князя Сангушки. Ни полковой командиръ, ни бригадный, ни самый дивизіонный не могли кончить дѣла извиненіемъ князя, которое онъ соглашался просить у офицера, въ присутствіи всего полка офицеровъ; обиженный требовалъ поединка съ Сангушкой на пистолетахъ. Конечно, князю не страшенъ былъ пистолетъ, но унизительно было ему и помыслить о поединкѣ съ бывшимъ своимъ горничнымъ слугой, который дерзостью хотя и довелъ его до забывчивости противъ военнаго мундира, но по личности своей не стоилъ быть даже и въ его передней. Князь отказался отъ дуели съ лакеемъ-шляхтичемъ; онъ уѣхалъ обратно въ свой Славутъ изъ Дубно, куда былъ приглашенъ дивизіоннымъ генераломъ для окончанія непріятнаго для него происшествія.

Гордый магнатъ предоставилъ свой проступокъ противъ русскаго мундира рѣшить судебнымъ порядкомъ, если не довольствуется обиженный даже и унизительнымъ для князя извиненіемъ, на которое онъ соглашался. Надобно замѣтить, что во все время этой исторіи великій князь имѣлъ уже свѣдѣнія о ходѣ всего дѣла и секретно далъ повелѣніе генералу Гогелю настаивать на удовлетвореніи требованія офицера, иначе дать ходъ дѣлу по командѣ. Жалоба офицера пошла по командѣ и когда дошла до его высочества, то наряжено было слѣдствіе и, наконецъ, по судебному военному приговору князь Сангушко высидѣлъ въ г. Житомірѣ подъ арестомъ нѣсколько недѣль, иные говорили на гауптвахтѣ, другіе—въ какой-то башнѣ. Мудрено ли послѣ этого, что польская аристократія чуждалась встрѣчи съ русскими офицерами.

Полковой мой командиръ, кромѣ иностранныхъ книгъ, выписывавшихся имъ чрезъ мѣстечко Броды изъ Лейпцига,—получалъ отъ одного московскаго книгопродавца всѣ русскія книги, которыя стоили чтенія. Профессоръ Александровскій и я, тотчасъ, приглашались полковникомъ на вечерній чай, по полученіи имъ чего-либо замѣчательнаго изъ Москвы, и за стаканомъ пунша, — до котораго

профессоръ былъ большой охотникъ, — Александровскій читалъ намъ стихотворенія Пушкина, Жуковскаго и «Горе отъ ума» Грибоѣдова, присланное Унгебауеру безъ всякихъ пропусковъ въ рукописи.

Мнѣ позволялось ѣздить зимой изрѣдка съ подполковникомъ Тараканoвымъ въ мѣстечко Радзивиловъ, гдѣ была баталіонная квартира Тараканова. Всѣ служащіе въ Радзивиловской таможнѣ жили даже роскошно. Таможенный начальникъ, дѣйств. ст. совѣтникъ Штакельбергъ, пакхаузный,—ст. совѣт. Будбергъ и почтъ-директоръ, ст. сов. Гирсъ—давали зимой балы, гдѣ танцы и карты удерживали гостей до свѣту, а другіе чиновники приглашали на вечера, обѣды и чѣмъ болѣе было гостей, тѣмъ виднѣе былъ балъ или вечеръ.

Радзивиловъ былъ скопищемъ контрабандистовъ-жидовъ. Пріѣзжали чиновники изъ Петербурга для слѣдствій о контрабандѣ, для прекращенія этого государственнаго зла, и оканчивалось тѣмъ, что послѣ отъѣзда чиновника зло еще болѣе увеличивалось. Я зналъ въ Радзивиловѣ не крупнаго чиновника-нѣмца, по отзыву многихъ честнаго, онъ мнѣ откровенно говорилъ, что отъ правительства ему выдается въ годъ 300 р., а ему перепадаетъ отъ разныхъ статей пріема и отпуска до 10 т. р., «а будь я посмѣлѣе,— добавлялъ онъ, — то могъ бы получать даже болѣе 20 т. р.» Въ Радзивиловѣ былъ и полиціймейстеръ, который служилъ безъ жалованья, а изъ одной чести, чему, какъ мнѣ говорили, корпусный командиръ Довре очень дивился и не могъ понять, какимъ образомъ бѣдный чиновникъ съ большимъ семействомъ можетъ существовать безъ жалованья и жить одной честью. И какія были яства въ Радзивиловѣ, какія вина, фрукты! Таможенная радзивиловская рогатка была отъ вольнаго города Броды— рукой подать, а въ Броды все свозилось австрійское, французское и англійское, и все дешевле нашего роднаго.

Лѣтомъ, кажется, на два мѣсяца, полки собирались, отъ г. Дубновъ 15-ти верстахъ и мѣстечка гр. Ходкевича, Млынова — въ трехъ. Въ лагерѣ я проводилъ все время съ Петромъ Андреевичемъ въ чтеніи нѣмецкихъ книгъ или въ моей палаткѣ или у него; намъ уже не было запрещенія сходиться. Нерѣдко навѣщалъ я добраго

польскаго вельможу гр. Александра Ходкевича, бывшаго въ опалѣ за его польскія политическія бредни и забывчивость противъ цесаревича. Графъ никуда не выѣзжалъ изъ своего нѣкогда великолѣпнаго, а въ мое время разрушавшагося дворца; онъ чуждался общественныхъ связей по своему, какъ было видно, очень незавидному положенію. Палацъ, какъ называютъ въ Польшѣ великолѣпныя зданія магнатовъ, выстроенъ былъ едва-ли еще не во времена гетмана Ходкевича. Передній домъ окруженъ былъ службами и стоялъ на возвышеніи противъ огромнаго пруда, чрезъ плотину котораго переѣзжали мѣстечко Млыновъ, гдѣ жили евреи и гдѣ былъ почтовый дворъ. Кругомъ всего строенія былъ расположенъ садъ, едва-ли не на 150 десятинахъ.

«Садъ этотъ, какъ говорилъ мнѣ Ходкевичъ, устраивался съ глубокимъ и широкимъ каналомъ, съ искусственными горами и прудами, съ множествомъ въ разныхъ видахъ гротовъ, тогда, когда во владѣніи его матери было кругомъ Млынова 25 т. душъ крестьянъ, а теперь, просовокуплялъ графъ, я не въ силахъ и поддерживать его».

Передъ переднимъ фасомъ дома была обширная съ купами разныхъ деревьевъ поляна, на которую изъ дома выходили по большому изъ дикаго камня крыльцу; на полянѣ въ разныхъ мѣстахъ находились скамьи изъ мрамора. На этихъ скамьяхъ по вечерамъ передъ прудомъ я сиживалъ съ пожилымъ графомъ, который разсказывалъ мнѣ о причинахъ упадка Польши и мечталъ о надеждахъ ея возстановленія. Я приходилъ въ садъ Ходкевича съ описаніемъ конституціи 3-го мая Колонтая, и эта книга была поводомъ къ разъясненіямъ его о всѣхъ смутахъ Польши и о всѣхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ его отечества сосѣдственныхъ державъ, изъ которыхъ Австрія была самой отвратительной для поляковъ. Графъ Александръ Ходкевичъ былъ химикъ и напечаталъ своего сочиненія химію; онъ любилъ говорить о химіи и водилъ меня иногда въ свою лабораторію, гдѣ дѣлалъ разные химическіе опыты, но химія графа, какъ говорили мнѣ въ Кременцѣ ученые поляки, не пользовалась большой извѣстностію даже и въ самой Польшѣ. И химикъ-графъ, сидя въ своей лабораторіи, допускалъ своей супругѣ проматывать его имѣ-

ніе, а потомъ, живя въ Варшавѣ, когда водворились тамъ русскіе, лишился своей супруги.

Князь Голицынъ былъ адъютантомъ великаго князя Константина Павловича, навѣщалъ часто въ Варшавѣ графа Ходкевича, аккомпанировалъ на скрипкѣ супругѣ графа, которая превосходно играла на фортепіанахъ, и тутъ началась между музыкантами сердечная связь и кончилась отъѣздомъ обоихъ въ Швейцарію. Впослѣдствіи, по отставкѣ, я былъ хорошо знакомъ въ Моршанскѣ съ роднымъ братомъ этого князя Голицына, Павломъ Сергѣевичемъ.

У графа Ходкевича было два сына и дочь. Сыновей я зналъ. Младшій графъ поступилъ въ польскую артиллерію, а старшій остался для хозяйства 2 т. душъ, которыя переданы были ему его бабушкой. Мать графа Александра Ходкевича предвидѣла разореніе своего сына отъ неразсудительной роскоши его супруги и обезпечила первенца-внука изъ своего родоваго имѣнія тѣмъ, что̀ получила въ приданое отъ своего отца. Дочь графа была замужемъ за графомъ Осолинскимъ, котораго картинная галлерея въ Варшавѣ была не послѣдней въ Европѣ, какъ мнѣ говорили считавшіе себя знатоками живописи. И дочь Ходкевича не была счастлива въ супружествѣ, она оставила своего мужа и переѣхала на житье къ своему отцу. У графа Александра Ходкевича былъ еще братъ, съ дѣтства помѣшанный, котораго я встрѣчалъ въ саду и сожалѣлъ о существованіи такого человѣка, но мнѣ говорили, что жизнь помѣшаннаго—счастіе для его старшаго брата. Младшій братъ считался владѣльцемъ $^1/_2$ всего имѣнія, т. е. 12.500 душъ крестьянъ, и состоялъ подъ опекой своего старшаго брата.

При встрѣчѣ помѣшанный всегда и каждому говорилъ: «это мое, все мое, Млыновъ мой, все мое, у брата ничего нѣтъ, онъ у меня живетъ», но какъ только завидитъ брата, то скоро отходилъ отъ своего собесѣдника.

По возвращеніи намъ 3-мъ, несчастливцамъ, чиновъ, въ первое лѣто лагеря подъ Млыновымъ, его императорское высочество не пріѣзжалъ осматривать дивизію отдѣльнаго литовскаго корпуса, и этотъ лагерь прошелъ для меня и Петра Андреевича въ однихъ

нашихъ свиданіяхъ, на ученія же мы оба ни на какія не ходили.

Этотъ лагерь еще мнѣ памятенъ по свиданію со мной сына нашего корпуснаго командира Довре, который опечаленъ былъ отчаяннымъ поступкомъ единственнаго наслѣдника своего имѣнія. Ко мнѣ вошелъ въ одно утро молодой человѣкъ, лѣтъ 20-ти, въ солдатской шинели, и рекомендовался мнѣ, какъ бывшій прапорщикъ того же гвардейскаго полка, гдѣ напросился на гибель и гдѣ пострадалъ онъ. Вотъ исторія необдуманности л.-гв. Литовскаго полка прапорщика Довре.

Сынъ нашего корпуснаго начальника воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, когда уже меня отправили изъ Варшавы рядовымъ въ армейскій полкъ. Послѣ насъ, въ первый лагерь, много говорилось между офицерами л.-гв. Литовскаго полка о ходѣ всей нашей исторіи, о смѣлости Пущина, благородствѣ всѣхъ поступковъ Габбе, о моемъ добровольномъ вмѣшательствѣ въ исторію капитановъ. Полковые толки о насъ сильно могли разжигать вновь прибывшія прапорщичьи горячія головки. Довре былъ одинъ изъ самыхъ пылкихъ на что-либо смѣлое прапорщиковъ, и его пылкость сдѣлалась не тайной для его высочества, который хорошо умѣлъ узнавать духъ каждаго полка.

Въ одну изъ лагерныхъ бесѣдъ въ палаткѣ, кажется, Желтухина или Мичурина, Довре пылко началъ доказывать, что никакая военная власть не можетъ посадить офицера подъ арестъ на палочный пикетъ. Не помню, какой былъ поводъ къ разговору о палочномъ пикетѣ. Нѣкоторые изъ старшихъ офицеровъ хотѣли увѣрить Довре, что палочный пикетъ не есть мѣсто ареста только для бѣглыхъ солдатъ и подобныхъ имъ преступниковъ, но что, на основаніи военныхъ законовъ, въ какомъ-либо важномъ случаѣ, подвергались и офицеры этому, конечно, унизительному аресту, но все-таки основанному на законѣ. Спорщикъ кончилъ тѣмъ, что его и самъ царь можетъ только силой посадить на палочный пикетъ, но онъ своими ногами не пойдетъ туда.

Чрезъ нѣсколько дней его высочество пріѣхалъ въ лагерь и,

уже не помню, на ученьи или на разводѣ замѣтилъ въ маршировкѣ въ движеніяхъ Довре все нехорошо, и, наконецъ, разгорячился противъ ошибокъ прапорщика до того, что приказалъ ему идти подъ арестъ на палочный пикетъ. Прапорщикъ смѣло замѣтилъ цесаревичу, что палочный пикетъ есть мѣсто для преступниковъ-солдатъ, а для офицеровъ мѣсто ареста гауптвахта, и онъ пойдетъ туда, а не на палочный пикетъ. Сказавъ эти слова, Довре отправился на полевой пикетъ и, явясь къ караульному офицеру, объявилъ ему, что онъ арестованъ его высочествомъ.

Послѣ церемоніальнаго марша, распустивъ полкъ по палаткамъ, цесаревичъ подъѣхалъ верхомъ къ пикету, вызвалъ изъ караульной палатки Довре, приказывалъ ему идти на палочный пикетъ, упрашивалъ его пощадить своего старца-отца, заслуженнаго генерала, котораго онъ убьетъ своимъ ослушаніемъ противъ закона; словомъ, употреблялъ и ласку и угрозу, но у Довре одинъ былъ отвѣтъ:

— Не пойду, ваше высочество, не оскверню моимъ повиновеніемъ офицерскаго мундира.

Великій князь заключилъ тѣмъ, что далъ прапорщику на размышленіе 24 часа сроку, и что онъ пріѣдетъ завтра къ нему, чтобы узнать его отвѣтъ.

На другой день цесаревичъ подъѣхалъ прямо къ палаткѣ пикета; Довре не вызванный вышелъ вмѣстѣ съ карауломъ изъ палатки, и здѣсь Константинъ Павловичъ сильно разсердился на новую дерзость прапорщика, который, не бывъ вызванъ изъ палатки, гдѣ содержался подъ арестомъ, вышелъ къ его высочеству произвольно, какъ будто-бы цесаревичъ пріѣхалъ единственно для него. Послѣ гнѣва на другую необдуманность Довре, цесаревичъ потребовалъ отъ прапорщика, чтобы онъ шелъ подъ арестъ на палочный пикетъ. Услыхавъ вчерашній отказъ въ повиновеніи, его высочество объявилъ Довре, что онъ прикажетъ его отвести солдатамъ силой, а когда и эта угроза не испугала прапорщика, то по командѣ цесаревича нѣсколько солдатъ взяли на руки прапорщика и отнесли его за лагерныя палатки, на такъ называемый палочный пикетъ.

За отцомъ Довре былъ отправленъ фельдъегерь еще въ первый день ослушанія молодости противъ царственнаго начальства. Ста-

рикъ Довре пріѣхалъ скоро въ Варшаву, но отказался отъ приказанія своему сыну сдѣлать добровольно переходъ съ полеваго пикета на палочный пикетъ.

Молодой Довре былъ преданъ военному суду, не помню уже за что̀, былъ судимъ и приговоренъ согласно съ волей цесаревича къ тяжкому наказанію, но въ Высочайшемъ приказѣ наказаніе было, за заслуги отца, смягчено на исключеніе прапорщика Довре изъ военной службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда его тѣмъ же чиномъ не принимать. Старикъ, по явкѣ къ нему исключеннаго сына изъ службы, приказалъ вступить ему снова въ военную службу, и Довре былъ принятъ, по Высочайшему приказу, рядовымъ въ Волынскій пѣхотный полкъ, гдѣ, какъ говорили мнѣ впослѣдствіи, прослужилъ онъ рядовымъ едва-ли не болѣе 10 лѣтъ.

Цесаревичъ имѣлъ въ правилахъ разсчитываться безъ отлагательствъ съ тѣми, кто по какому-либо случаю подвергался его негодованію. Если полковой командиръ заслуживалъ гнѣвъ своего царственнаго начальника, то, при первомъ ученьи, весь полкъ терпѣлъ одинаково съ своимъ полковымъ начальникомъ; если ротный начальникъ вызывался на неравный бой, то вся рота никуда не годилась, и если, наконецъ, прапорщикъ заносился въ либерализмъ, то и за взводомъ сыскивалъ его цесаревичъ, а не только во взводѣ. Цесаревичъ во всѣхъ любилъ покорность безъ разсужденій.

На другое лѣто полки снова выступили въ лагерь, и я снова проводилъ время въ чтеніи нѣмецкихъ книгъ съ Петромъ Андреевичемъ, а когда цесаревичъ осмотрѣлъ нашу дивизію, то мы оба возвратились въ мѣста нашей зимней стоянки. Его высочество, при проходѣ церемоніальнымъ маршемъ тѣхъ взводовъ, которыми намъ поручалось командовать во время смотра цесаревича, очень разгорячался въ выраженіяхъ за неблагодарность къ нему Габбе и повторялъ, что онъ причиной не только своей собственной гибели, но и тѣхъ, кто съ нимъ вмѣстѣ судился.

И только стоило Петру Андреевичу написать одно покорное письмо къ своему благодѣтелю, тогда все бы измѣнилось; цесаревичъ обнялъ бы своего любимца безъ недовѣрчивости, и всѣ мы воз-

вратились бы въ л.-гв. Литовскій полкъ. Но на призывъ къ покорности Габбе всегда отвѣчалъ:

— Въ чемъ я виноватъ, за что я наказанъ и въ чемъ мнѣ просить прощенія?

И этотъ отвѣтъ оставался неизмѣннымъ до самаго дня помѣшательства благородно-гордаго Габбе.

Я отправился однажды вмѣстѣ съ Довре къ моему доброму графу Ходкевичу въ Млыновъ, узнавъ, что онъ недавно женился на 18-ти-лѣтней дѣвицѣ Щ е н е в с к о й, племянницѣ г-жи Щеневской, которой я былъ сосѣдомъ по квартирѣ въ Кременцѣ и которой два сына, воспитывавшіеся въ Кременецкомъ лицеѣ, часто посѣщали меня съ добрымъ и благороднымъ своимъ наставникомъ. Мы графа нашли въ саду передъ прудомъ, гдѣ графиня сидѣла на мраморной скамьѣ, а графъ лежалъ на травѣ у ногъ своей супруги и читалъ ей какую-то французскую книгу. Графъ подошелъ ко мнѣ съ радушнымъ привѣтомъ и, узнавъ отъ меня въ моемъ спутникѣ сына корпуснаго командира, сказалъ ему по-французски, что онъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ его отцомъ и очень радъ его знакомству.

Ходкевичъ, послѣ нѣсколькихъ съ обѣихъ сторонъ словъ, представилъ насъ своей супругѣ. Графиня поднялась со скамьи, вытянулась величаво во весь свой ростъ, и мы увидали передъ собой ту красоту, которую описать можетъ одинъ Байронъ и нарисовать Рафаэль. Передъ нами стояло съ доброй улыбкой какое-то божество[1]). Стройная, величавая красота изрѣдка вмѣшивалась въ нашъ разговоръ на польскомъ языкѣ, замѣтивъ намъ, что она не знаетъ нѣмецкаго языка, на которомъ мы вели съ графомъ разговоръ. Довре, сынъ француза, очень плохо говорилъ по-французски, и на мое удивленіе объяснилъ мнѣ, что мать его нѣмка, которая съ дѣтства всегда говорила съ нимъ по-нѣмецки, не зная французскаго языка, а отецъ съ матерью тоже говорилъ плохимъ нѣмецкимъ языкомъ, сыномъ же очень рѣдко занимался, если не никогда, и отъ того молодой человѣкъ по-нѣмецки говорилъ, какъ нѣмецъ, по-русски, какъ русакъ, французскій же языкъ былъ для него мало понятенъ.

---

[1]) Тогда еще не было въ обычаѣ женщинъ привѣтствовать гостей сидя.
Н. В. Веригинъ.

его подчиненнаго смѣлый для себя отвѣтъ, то удерживался тогда отъ брани. Замѣчу здѣсь, однако, то, что дивизіонный генералъ Ѳедоръ Григорьевичъ Гогель, по своему высокому образованію, никогда, ни передъ кѣмъ и ни въ какомъ случаѣ не забывался; онъ былъ высоко уважаемъ и цесаревичемъ, и всѣми его подчиненными.

Между полковыми командирами былъ по образованію и многосторонним свѣдѣніямъ замѣчателенъ начальникъ Житомірскаго пѣхотнаго полка Михаилъ Александровичъ Ермоловъ, который былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Петромъ Андреевичемъ Габбе.

Третій и послѣдній для меня и Петра Андреевича лагерь подъ Млыновымъ памятенъ мнѣ тѣмъ, что сострадалецъ мой не прибылъ за болѣзнію съ полкомъ въ лагерь, а остался на кантониръ-квартирахъ. Цесаревичъ, узнавъ, еще при осмотрѣ 24-й дивизіи, о неприбытіи Габбе въ лагерь, прислалъ повелѣніе, чтобы его вытребовать къ смотру полковъ нашей 25-й пѣхотной дивизіи, и Петръ Андреевичъ явился ко мнѣ въ палатку на житье, дѣйствительно съ сильной лихорадкой. При смотрѣ нашихъ полковъ, дивизіонный генералъ доложилъ его высочеству, что штабсъ-капитанъ такъ боленъ, что не могъ явиться на смотръ, а когда я проходилъ предъ взводомъ церемоніальнымъ маршемъ мимо цесаревича, то видѣлъ гнѣвъ его высочества на неявку Габбе къ смотру. Мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи мой полковой командиръ, что великій князь истолковалъ болѣзнь бывшаго своего любимца какъ упрямство, какъ неохоту быть на смотру и, указывая на меня, говорилъ:

— Веригинъ, мнѣ извѣстно, слабаго здоровья, но онъ передъ взводомъ, а Габбе во всемъ своеволенъ, притворяется, онъ оскорбителенъ.

Цесаревичъ уѣхалъ въ Варшаву, Габбе больной отправился изъ моей палатки на свои зимнія квартиры, я же остался въ своей палаткѣ до выхода полка изъ лагеря.

При послѣднемъ моемъ свиданіи съ Петромъ Андреевичемъ, не было и рѣчи ни съ моей, ни его стороны, что мы хотимъ просить объ отставкѣ. Моя военная служба безъ всякой службы и отчеты моего

полковаго командира о моей жизни и моихъ знакомствахъ ставили, если не въ опасное, то въ непріятное положеніе Александра Андреевича, и это побуждало меня избавить его отъ ежедневнаго гостя, который за хлѣбъ-соль можетъ подвергнуть безнамѣренно какому-либо горю своею благодѣтеля. Я, съ вѣдома Унгебауера и Харитонова, написалъ просительныя письма къ его высочеству и начальнику его штаба, генералу Курутѣ, прося въ нихъ позволенія подать по болѣзни въ отставку и обязываясь по выздоровленіи снова вступить въ военную службу подъ высокое начальство его императорскаго высочества государя цесаревича.

И какъ нарочно судьба вела меня къ неразрывной связи съ Габбе, который также въ одно со мной время отправилъ письма къ цесаревичу и Курутѣ объ разрѣшеніи ему выйдти въ отставку. Еще повторю, ни при свиданіяхъ, ни въ перепискѣ нашей, которую мы вели между собой, не было ни даже намека, что тотъ или другой изъ насъ намѣренъ просить объ отставкѣ, и когда Петръ Андреевичъ изъ письма моего узналъ, что я отправилъ письмо къ цесаревичу, то сильно въ своемъ отвѣтѣ негодовалъ на мое молчаніе объ отставкѣ. Сотерпѣливецъ мой предсказывалъ, что цесаревичъ будетъ считать его причиной и моего нежеланія продолжать службу. Кажется, такъ это и сбылось.

Его высочество чрезъ начальника штаба Куруту отвѣчалъ мнѣ, что «согласенъ представить Его Императорскому Величеству прошеніе мое, которое я долженъ подать по командѣ, и съ удовольствіемъ принимаетъ готовность мою снова вступить подъ его команду». Въ томъ же письмѣ Куруты было упомянуто, что его императорское высочество изволилъ повелѣть корпусному командиру Довре о принятіи отъ меня на отставку прошенія, которое пойдетъ по командѣ. Когда полковой мой командиръ получилъ отъ генерала предписаніе о принятіи отъ меня, съ разрѣшенія его императорскаго высочества, прошенія, то я, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1824 года, подалъ на Высочайшее имя прошеніе о увольненіи меня по болѣзни въ отставку.

Петръ Андреевичъ не получилъ отъ генерала Куруты никакого отвѣта на свое письмо къ его императорскому высочеству, а ему было дано знать только по командѣ, что онъ можетъ подать въ от-

ставку. Отвѣтъ Куруты на мое письмо и его молчаніе на письмо Габбе показывали всю немилость цесаревича къ бывшему своему любимцу, который очень былъ равнодушенъ къ полученію отвѣта.

Я былъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ у обѣдни въ Лицейской католической церкви, куда пріѣзжала на молитву польская аристократія. Подлѣ меня стоялъ студентъ лицея Яловицкій, лѣтъ 20-ти, молодой, образованный человѣкъ, и вмѣстѣ со мной любовался княжной Четвертинской.....

— А теперь, — сказалъ Яловицкій, — цесарь лежитъ въ гробу.

Яловицкій удивился, что смерть государя, о которой хотя и потихоньку, но всѣ говорятъ, для меня одного тайна, и когда узналъ отъ меня всю опасность разглашенія о кончинѣ монарха — до правительственнаго объявленія, то прекратилъ разсказъ о болѣзни и кончинѣ Александра Павловича въ Таганрогѣ.

Въ этотъ день я обѣдалъ, по обыкновенію, у полковника, а какъ было воскресенье, то вечеръ провелъ за вистомъ у генерала, и хотя на лицахъ моихъ начальниковъ была видна кончина любимаго монарха, но никто слова не говорилъ о этомъ народномъ бѣдствіи.

Дня чрезъ три пріѣхалъ ко мнѣ подполковникъ Тараканов изъ Радзивилова, онъ за тайну объявилъ мнѣ какъ о кончинѣ государя, такъ и о сближеніи баталіоновъ на тѣсныя квартиры около Кременца, но какая этому причина, никто не знаетъ, а думаютъ, что для присяги новому императору.

Пришло по начальству повелѣніе изъ Сената всѣмъ гражданскимъ чинамъ и народу принести присягу государю императору Константину Павловичу. Гражданскіе чины г. Кременца принесли присягу императору Константину 1-му, а мы, военные, не имѣли по своей командѣ повелѣнія о принесеніи присяги, и это подавало во всѣхъ обществахъ поводъ къ шопотнымъ толкамъ о причинѣ непризнаванія нами императоромъ нашего царственнаго начальника. Глухо молва и на разные лады начала шептать, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не принимаетъ короны Россійской имперіи, а уступая свое наслѣдіе своему брату Николаю, желаетъ быть королемъ Польши.

Впослѣдствіи разсказывали, что находчивость одного гайдука графини спасла ея милліоны отъ нашествія Муравьева и также о признательности владѣлицы громаднаго имѣнія къ спасителю своему. Гайдукъ былъ посланъ по какому-то случаю изъ Бѣлой Церкви и едва-ли не для узнанія о шествіи Муравьева. Солдаты схватили гайдука, представили его Муравьеву, и на спросъ его: «есть ли солдаты въ Бѣлой Церкви», отвѣчалъ, что нашло разныхъ полковъ въ Бѣлую Церковь и окрестности селенія видимо невидимо. Это показаніе гайдука, какъ увѣряли меня, было причиной, что Муравьевъ остановился верстъ за 20-ть отъ Бѣлой Церкви, когда еще въ селеніи не было ни одного солдата, и тѣмъ лишился громадныхъ денежныхъ средствъ, которыя во всѣхъ дѣлахъ большая сила. Сутки, потерянныя Муравьевымъ, сблизили полки 7-го корпуса въ Бѣлую Церковь, откуда направились на возмутившійся баталіонъ, и однимъ ударомъ Павлоградскій гусарскій полкъ Муравьева-Апостола разсѣялъ конституціонистовъ, захвативъ раненаго ихъ начальника въ плѣнъ. Корпусный командиръ Роттъ, выстроивъ полки въ боевой порядокъ, подъѣхалъ къ Павлоградскому гусарскому полку и сказалъ гусарамъ:

— Ребята, вашъ полковой командиръ-измѣнникъ отправленъ въ Петербургъ, онъ замаралъ тотъ мундиръ, который вы носите, смойте пятно съ этого мундира, передъ вами участники его измѣны, поручаю вамъ однимъ разогнать ихъ.

Солдаты закричали: «рады стараться, веди насъ на измѣнниковъ». И по командѣ: «маршъ, маршъ» полкъ ринулся съ крикомъ «ура», и въ одну минуту храбрый баталіонъ Муравьева разбѣжался.

Когда конституціонисты были уничтожены, то графиня Браницкая, узнавъ о заслугѣ своего гайдука, приказала позвать его къ себѣ и, сказавъ ему спасибо за спасеніе ея замка отъ грабежа, пожаловала ему своеручно карбованецъ, т. е. цѣлковый. Многіе поляки и сами русскіе офицеры, знавшіе владѣлицу 120 тысячъ душъ крестьянъ и баснословныхъ наличныхъ милліоновъ, разсказывали о скупости графини, сидѣвшей по вечерамъ всегда съ двумя сальными свѣчами.

Во время марша Муравьева къ Бѣлой Церкви получено было

секретное повелѣніе моимъ полковымъ командиромъ отъ цесаревича: «наблюдать за мной бдительно и при малѣйшемъ подозрѣніи въ какомъ-либо возмутительномъ замыслѣ или участіи въ замыслахъ, арестовать меня и содержать подъ строжайшимъ карауломъ впредь до дальнѣйшаго повелѣнія отъ его императорскаго высочества».

Мой великодушный, благородный начальникъ въ одно утро пришелъ ко мнѣ и, не подавъ мнѣ ни малѣйшаго вида о небезопасности моего положенія, пригласилъ меня придти къ нему пораньше обѣдать и проводить съ нимъ вечера, покудова собиравшіеся баталіонные командиры будутъ находиться въ Кременцѣ.—«Мы наиграемся до сыта въ нынѣшніе долгіе вечера, а потомъ и на покой по своимъ угламъ, благо наши партнеры собрались со своими баталіонами для ожидаемой со дня на день присяги».

До развязки съ Муравьевымъ полученъ былъ въ Кременцѣ указъ Сената о приведеніи къ присягѣ народъ и гражданскіе чины императору Николаю I-му и вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, на другой или третій день пришло повелѣніе государя цесаревича о приведеніи къ присягѣ и насъ всѣхъ военныхъ императору Николаю. Присяга была принесена всѣми сословіями безъ всякихъ толкованій. Я, по небольшой болѣзни и жестокому морозу, не былъ у присяги, испросивъ на то предварительно разрѣшеніе моего полковаго командира, который хотѣлъ мнѣ прислать для подписанія присяжный листъ, и это небытіе у присяги едва не повело меня къ большому, если не несчастію, то переполоху. На другой день присяги, рано утромъ, мой полковой командиръ, Александръ Андреевичъ Унгебауеръ, послалъ ко мнѣ со своимъ вѣстовымъ для подписи присяжный листъ, который надобно было отправить сколь можно скорѣе къ бригадному генералу для отсылки въ тотъ же день къ дивизіонному генералу. Вѣстовой вмѣсто моей квартиры въ темнотѣ зашелъ на квартиру поручика Грека, который, надобно замѣтить, по распоряженію бригаднаго и полковаго командира выѣхалъ въ полночь съ порученіемъ узнать, что дѣлается въ полкахъ 7-го корпуса, расположенныхъ по близости нашего полка. Денщикъ Грека на спросъ вѣстоваго полковаго командира: «всталъ ли поручикъ», отвѣчалъ, что поручикъ въ полночь на тройкѣ фурманщика-жидка ускакалъ, а куда, онъ не знаетъ, но такъ торопился, какъ будто-бы

собрался бѣжать. Глупецъ, не спроси о фамиліи уѣхавшаго офицера, явился къ полковому командиру съ докладомъ, что я въ полночь, по словамъ моего денщика, ускакалъ, и добавилъ изъ своей головы, что кажется къ Кіеву. Полковой адъютантъ, бывшій въ это время у Александра Андреевича, разсказывалъ мнѣ послѣ, въ какой пришелъ ужасъ мой благодѣтельный начальникъ отъ моей неблагодарности къ его довѣрчивости. Александръ Андреевичъ не говорилъ, а кричалъ въ кабинетѣ:

— Вотъ вамъ довѣрчивость къ благородству этого человѣка, вотъ вамъ благодарность, онъ меня погубилъ, я буду за него солдатомъ, онъ ускакалъ къ Муравьеву. Бѣгите скорѣе, Шапошникова, къ бригадному генералу, разбудите его, если онъ еще не всталъ, и доложите о побѣгѣ Веригина; но нѣтъ, постойте, напишите поскорѣе рапортъ генералу о побѣгѣ Веригина.

Шапошниковъ началъ писать рапортъ, и въ это время вошла жена Александра Андреевича, бывъ встревожена его крикомъ. Мужъ объявилъ женѣ со слезами на глазахъ, что я бѣжалъ и что неблагодарный погубилъ его, ее и дѣтей ихъ, что его будутъ судить, какъ участника въ моемъ побѣгѣ и что милость будетъ, когда разжалуютъ его только въ солдаты. Плачъ жены еще болѣе увеличилъ боль сердца моего благодѣтеля. Шапошниковъ съ подписаннымъ рапортомъ явился къ бригадному генералу Харитонову, и тутъ снова онъ видѣлъ плачъ жены генерала и ужасъ того, который во все время моей службы въ 50-мъ Егерскомъ полку обходился со мной отечески.

По возвращеніи Шапошникова къ полковому командиру съ докладомъ, чтобы присяжный листъ доставить сколь можно скорѣе бригадному генералу при рапортѣ безъ моей подписи для отправленія вмѣстѣ съ рапортомъ о моемъ побѣгѣ дивизіонному генералу, Александръ Андреевичъ приказалъ своему адъютанту сходить на мою квартиру, которая была въ близкомъ разстояніи отъ квартиры полковаго командира, и разспросить моего денщика со всей подробностію о моемъ побѣгѣ. На дворѣ уже было довольно свѣтло, я лежалъ еще въ постели, когда услыхалъ голосъ адъютанта, который звалъ моего денщика, хлопотавшаго въ кухнѣ около самовара. На спросъ мой: «кто тамъ», Шапошниковъ вбѣжалъ ко мнѣ въ спальню

и съ радостнымъ крикомъ: «да вы дома, Николай Викторовичъ», выбѣжалъ изъ моей спальни, торопливо говоря: «послѣ, послѣ все разскажу, а теперь скорѣе обрадовать Александра Андреевича». Полковой мой командиръ самъ мнѣ въ тотъ же день разсказалъ о ужасномъ своемъ и бригаднаго генерала положеніи при вѣсти о моемъ побѣгѣ и радость свою о моемъ покойномъ снѣ.

— Но радость эта, говорилъ Александръ Андреевичъ,—переходила въ упрекъ себѣ, что я допустилъ усомниться о вашемъ образѣ мыслей къ нашимъ дружескимъ отношеніямъ.

Что было бы, еслибы его высочество получилъ прежде рапортъ о моемъ побѣгѣ, а потомъ о моемъ покойномъ снѣ на своей квартирѣ—трудно рѣшить. Присяжный листъ былъ мной подписанъ, и тѣмъ вся тревога кончилась.

Прошеніе на Высочайшее имя покойнаго императора Александра Павловича по командѣ было мнѣ отъ его императорскаго высочества возвращено съ повелѣніемъ подать другое прошеніе на Высочайшее имя государя императора Николая Павловича. Я подалъ прошеніе и ждалъ отставки, которая пришла, наконецъ, мнѣ и Петру Андреевичу въ мартѣ 1826 года. Въ Высочайшемъ приказѣ было напечатано такъ:

«Увольняются отъ службы:

49-го Егерскаго полка штабсъ-капитанъ Габбе и 50-го Егерскаго полка подпоручикъ Веригинъ»,

а вслѣдъ за этимъ

«Переводятся:

Либавскаго пѣхотнаго полка капитанъ Пущинъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ».

Не знаю, какъ понимать въ одномъ и томъ же приказѣ наше увольненіе отъ службы тѣми же чинами и переводъ Пущина въ тотъ же полкъ, изъ котораго мы разжалованы были въ рядовые за оскорбительную съ нимъ переписку противъ начальства и высшихъ себя. Кажется, его высочеству угодно было переводомъ Пущина показать намъ, что мы сами виной всѣхъ своихъ потерь по службѣ, какъ это впослѣдствіи и было объяснено моему отцу, когда онъ просилъ цесаревича о позволеніи мнѣ снова вступить въ военную службу. Но нашъ проступокъ, и особенно Петра Андреевича, въ

сравненіи съ проступкомъ Пущина былъ такъ ничтоженъ, что мы скорѣе могли ожидать помилованія, чѣмъ Пущинъ.

По полученіи отставки, Петръ Андреевичъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Кременецъ. Нѣсколько дней провели мы вмѣстѣ, каждый день обѣдали у полковника, а по вечерамъ играли у него въ вистъ или бостонъ втроемъ. Въ послѣдній вечеръ отъѣзда Петра Андреевича къ брату его, полковому командиру 7-го Егерскаго полка, который расположенъ былъ въ 40 верстахъ отъ Кременца, бывшій мой полковой командиръ, сидя съ нами за картами, получилъ конвертъ отъ бригаднаго генерала. Распечатавъ конвертъ и вынувъ бумагу съ надписью секретное, Александръ Андреевичъ сказалъ мнѣ:

«Повелѣніе секретное, я получилъ секретное повелѣніе, когда вы, Николай Викторовичъ, служили въ моемъ полку, а теперь вы уже въ отставкѣ и теперь не знаю, о чемъ еще можетъ идти рѣчь секретно».

Прочитавъ повелѣніе, Унгебауеръ подалъ мнѣ его со словами: «Снова объ васъ, Николай Викторовичъ, и очень нерадостное».

Признаюсь, слова моего бывшаго начальника нѣсколько меня смутили, мнѣ въ первыя минуты вообразилось, что не приказано ли меня арестовать и отправить въ Петербургъ, какъ подозрительнаго въ государственной измѣнѣ. Надобно замѣтить, что нѣсколько офицеровъ изъ корпуса генерала Ротта уже были арестованы и отправлены въ Петербургъ, какъ было намъ извѣстно, по подозрѣніямъ въ измѣнѣ присягѣ. Но повелѣніе заключалось въ томъ, чтобы по волѣ государя императора отобрать отъ меня, по прилагаемой формѣ, подписку о невъѣздѣ моемъ въ три столицы: С.-Петербургъ, Москву и Варшаву. На другой день я получилъ отъ полковника такого содержанія бумагу:

«Уволенному отъ службы изъ 50-го Егерскаго полка господину подпоручику Веригину».

«Его превосходительство бригадный командиръ г. генералъ-маіоръ и кавалеръ Харитоновъ, повелѣніемъ отъ 4 марта за № 269, объявилъ мнѣ, что г. начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, отъ 10 числа минувшаго февраля, увѣдомилъ его императорскаго высочества цесаревича, что государь императоръ, уволивъ васъ за болѣзнію отъ

службы, приказомъ 5-го числа того февраля Высочайше повелѣть соизволилъ: взять съ васъ подписку о невъѣздѣ вашемъ въ три столицы: С.-Петербургъ, Москву и Варшаву, о каковой Высочайшей волѣ о воспрещеніи вамъ въѣзда въ С.-Петербургъ и Москву объявлено г. генералъ-адъютантомъ барономъ Дибичемъ обѣихъ сихъ столицъ гг. военнымъ генералъ-губернаторамъ. Во исполненіе чего рекомендую вашему благородію, съ полученія сего, давъ о вышеизъясненномъ на себя подписку по приложенной у сего формѣ, представить таковую ко мнѣ для отсылки по командѣ куда слѣдуетъ.

Полковникъ Унгебауеръ».

Подписка. «Сходно Высочайшей Его Императорскаго Величества воли, я симъ даю обязательство, что въ запрещенныя для въѣзда моего три столицы: С.-Петербургъ, Москву и Варшаву въѣзжать не буду, въ чемъ и подписуюсь, на контониръ-квартирахъ въ г. Кременцѣ марта 8 дня 1826 года 50-го Егерскаго полка отставной подпоручикъ Веригинъ».

Петръ Андреевичъ также далъ по Высочайшему повелѣнію обязательство о невъѣздѣ въ три столицы.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА.

Род. 1796 г., † 1872 г.

XVIII [1]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1826 года, я простился съ генераломъ Харитоновымъ и съ моими начальниками-друзьями Александромъ Андреевичемъ Унгебауеромъ и Иваномъ Никитичемъ Таракановымъ и отправился погостить, какъ далъ слово моему сотерпѣливцу Михаилу Андреевичу Габбе, который квартировалъ съ полковымъ штабомъ въ селеніи князя Сангушки Бѣлогородкѣ. Съ мѣсяцъ прогостилъ я у Михаила Андреевича и, простившись съ Петромъ Андреевичемъ, братомъ его, въ маѣ отправился въ Кіевъ, откуда путь мнѣ предстоялъ чрезъ Курскъ, Тамбовъ, Пензу, Симбирскъ, а изъ Симбирска прямой дорогой чрезъ Милинскій заводъ въ Уфу.

Разскажу случайную встрѣчу мою съ молодымъ княземъ Сангушкой, который впослѣдствіи, во время революціи въ Царствѣ Польскомъ, былъ арестованъ, судимъ, сосланъ прежде, кажется, въ Сибирь, а потомъ солдатомъ служилъ на Кавказѣ, откуда, наконецъ, былъ уволенъ на житье въ свое имѣніе. Михаилъ Андреевичъ въ одно утро пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и его братомъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXVI, октябрь, стр. 45—80 ноябрь, стр. 294—314; изд. 1893 г., т. LXXVII, февраль стр. 405 - 447, мартъ, стр. 579—615.

на какую-то сельскую ярмарку въ разстояніи 20 верстъ отъ его штабъ-квартиры. Мы сѣли втроемъ въ коляску и, проѣхавъ верстъ 10, миновали большой каменный помѣщичій домъ, когда оба брата, мои спутники, дремали. На мельничной плотинѣ Михаилъ Андреевичъ открылъ глаза и обратился къ брату съ предложеніемъ вернуться и повидаться съ княземъ Сангушкой. Рѣшили воротиться и перебросить слова два, три съ милымъ польскимъ вельможей. У крыльца дома стояла щегольская коляска четверкой превосходныхъ лошадей, и мы уже отъ князя узнали, что у него не гость собирается въ путь, а самъ онъ къ своему пріятелю графу Эстергазе, верстъ за 50, на пиръ. Когда мы вошли изъ нижняго этажа дома въ длинный залъ, при докладѣ камердинера: «полковникъ Габбе» князь лежалъ во весь свой ростъ на диванномъ столѣ, который окружало съ десятокъ экономовъ. Князь вскочилъ со стола, обрадовался свиданію съ обоими Габбе и привѣтствовалъ меня на французскомъ языкѣ, какъ товарища моихъ спутниковъ. Посердившись на случай, который заставляетъ его оставить насъ, Сангушко упросилъ Михаила Андреевича позавтракать, а при возвращеніи съ ярмарки пообѣдать на его, какъ онъ выразился, бивакѣ. Завтракъ былъ поданъ, остроты, смѣхъ были приправой къ блюдамъ, которыя Сангушкѣ казались гадкими, а для насъ, голодныхъ, превосходными. И всѣ остроты, вся иногда дѣльная, а больше свѣтская болтовня для меня были непонятны; остряки и собесѣдники говорили по-французски. Сангушко раза два относился ко мнѣ съ какими-то любезностями, но изъ моего молчанія заключилъ, что я не хочу принимать участія въ ихъ веселости, а братья Габбе не объяснили князю, что я не разумѣю французскаго языка.

Впослѣдствіи Петръ Андреевичъ, вспоминая прошлое, говорилъ мнѣ, что Сангушко, при свиданіи съ нимъ, по отъѣздѣ моемъ изъ Бѣлогородки, замѣтилъ, что я долженъ быть очень серьёзный человѣкъ и что вѣроятно я смотрѣлъ на него, какъ на пустоголоваго. Что отвѣчалъ Петръ Андреевичъ на это замѣчаніе князя, я не любопытствовалъ узнать.

Полковникъ Габбе просилъ князя, чтобы онъ, по возвращеніи нашемъ съ ярмарки, допустилъ насъ осмотрѣть верхъ его палаца,

гдѣ рѣдкія картины были предметомъ его любопытства, и тѣ древности, которыя въ домѣ князей Сангушко были наслѣдственными. Сангушко на это желаніе обратился на польскомъ языкѣ къ своему управляющему изъ дворянъ. — «Полковникъ желаетъ осмотрѣть у насъ то, что нестоитъ осмотра» и продолжалъ, обратясь къ братьямъ Габбе, также на польскомъ языкѣ: «Здѣсь у насъ все такая дрянь, на которую я прошу васъ не смотрѣть, но если вы хотите ко мнѣ быть добрымъ, посѣтите меня въ Славутѣ, гдѣ жилъ мой отецъ, который теперь за границей, тамъ есть кой-что, на что́ вы можете обратить ваше вниманіе». На возвратномъ пути мы отобѣдали у управляющаго и верхняго этажа не осматривали; становилось уже темно, а безъ освѣщенія мы не могли бы видѣть для насъ рѣдкости, а для князя Сангушки — дряни. Мнѣ говорили поляки, что этому, случайно мной видѣнному молодому, умному, бойкому, благородному князю отецъ назначилъ въ наслѣдство русское имѣніе, гдѣ было 60 т. душъ крестьянъ, а другому сыну — такую же часть въ Галиціи, куда старикъ переѣхалъ изъ любимаго имъ царски-великолѣпнаго Славута на житье до гроба.

Въ Кіевъ я пріѣхалъ 8-го мая и выѣхалъ изъ святаго мѣста 12-го. Три дня посвящены были мной на осмотръ тѣхъ древностей, которыя памятны мнѣ были по исторіи или указывались мѣстными жителями.

Оставляя Кіевъ, я вникъ въ смыслъ и пользу правила каждой вѣры: молись, вѣруй и не разсуждай.

Въ Кіевѣ я нанялъ извощика и до Пензы ѣхалъ на долгихъ. Въ пути на ночлегахъ, на дневныхъ кормежкахъ, насмотрѣлся я, проѣзжая чрезъ Полтавскую губернію въ Курскъ, на лѣность хохловъ, бойкость и безстыдство въ запросахъ за кормъ лошадей и пищу путниковъ. Въ Курскѣ и Тамбовѣ я не останавливался, а ямщикъ мой, котораго разсчету я подчинялся, кормилъ свою тройку за этими городами.

Наконецъ чрезъ 20 дней пути пріѣхалъ я въ Пензу и остановился въ квартирѣ полковаго командира Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка Александра Андреевича Габбе, къ которому имѣлъ письма отъ братьевъ его, Михаила и Петра Андреевичей. И всѣ они въ гробу, а я, дорожившій ихъ дружбой, еще живу.

Александръ Андреевичъ съ полкомъ находился въ Москвѣ, и я, отдохнувъ сутки, отправился на перекладныхъ одинъ въ Уфу.

Сердце мое облилось кровью, когда я вошелъ въ ветхій домъ моего отца и увидалъ маленькій флигель, гдѣ помѣщалась мать моя съ двумя своими дочерьми. Вездѣ была видна нужда, и эту нужду переносилъ отецъ мой съ тѣмъ спокойствіемъ, которое было основано на истинно честной его службѣ царю и обществу.

Небольшую деревеньку моего отца я взялъ въ свое управленіе. Два года съ половиной работалъ съ утра и до ночи съ крестьянами, но, какъ не разъ замѣчалъ мнѣ родной мой дядя Иванъ Михайловичъ Аничковъ, довольно зажиточный помѣщикъ и нашъ односелецъ, что при всей моей неутомимости изъ ничего не сдѣлаешь ничего (ex nihilo nihil fit).

Доходъ съ 30 десят. въ каждомъ полѣ и при самомъ хорошемъ урожаѣ и своевременной уборкѣ съ поля не могъ обезпечивать семейство изъ 5 лицъ.

Отцу моему за нѣсколько лѣтъ до моей отставки досталось въ наслѣдство по матери его, а моей бабкѣ, урожденной изъ рода Ярцовыхъ, въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи 20 душъ съ 220 дес. земли. Наслѣдство послѣ Ярцова должно было раздѣлить въ земляныхъ угодьяхъ между двоюродной сестрой отца моего Жедринской и роднымъ братомъ его Мемномомъ Григорьевичемъ. Г-жа Жедринская получила по правамъ наслѣдства 20 душъ, а другія 20 достались отцу моему, при покупкѣ 10 душъ отъ его брата. Осенью въ 1827 году я отправился на своихъ лошадяхъ для раздѣла къ однимъ мѣстамъ земли. По данному мнѣ маршруту пріѣхалъ я съ неограниченной довѣренностію въ с. Кольцовку, гдѣ слѣдовало выдѣлить намъ 80 десятинъ для 20 душъ.

Разскажу здѣсь важный въ моей всей послѣдующей жизни случай, отъ котораго изъ мелкаго помѣщика сдѣлался я управляющимъ огромными имѣніями гг. Нарышкиныхъ. Петръ Андреевичъ Габбе, по отъѣздѣ моемъ изъ мѣстечка Бѣлогородки, гдѣ я, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, гостилъ у его брата, Михаила Андреевича, отправился въ г. Одессу, гдѣ дружески расположенный къ нему Левъ Александровичъ Нарышкинъ обзавелся великолѣпнымъ домомъ и поселился тамъ на жительство. Благородный генералъ,

послѣ совѣщаній о будущей жизни своего сослуживца, предложилъ ему въ управленіе все свое имѣніе въ Тамбовской и Саратовской губерніяхъ въ числѣ 12 тысячъ душъ со 150 тысячами десятинъ земли.

На замѣчаніе Петра Андреевича, что онъ понятія не имѣетъ о сельскомъ хозяйствѣ, ни объ оброкахъ, ни о конторской отчетности и, наконецъ, ни о самыхъ нравахъ простолюдина, генералъ отвѣчалъ: «по назначенію моего брата Кирилла Александровича теперь управляетъ обѣими нашими частями какой-то тупоумный лежебокъ Сухаревъ, а двумя тысячами душъ въ Саратовской губерніи, выдѣленными мнѣ покойнымъ моимъ отцомъ, завѣдуетъ бывшій мой камердинеръ Иванъ Гусятниковъ, котораго, когда вы увидите, то удивитесь моему выбору, но въ оправданіе этого выбора скажу только то, что дуракъ по крайней мѣрѣ честенъ, а честность на руку—у насъ на всѣхъ ступеняхъ нашей администраціи очень рѣдка. Итакъ, съ вашимъ умомъ, съ вашими благородными свойствами, вы скоро изучите то, что кажется вамъ теперь непонятнымъ, и вы, какъ другъ мой и сослуживецъ, окажете мнѣ истинное благодѣяніе, принявъ все мое имѣніе въ управленіе со всѣми правами, какими я, какъ владѣлецъ, по законамъ пользуюсь».

Петръ Андреевичъ подалъ руку благородному генералу и съ неограниченной довѣренностію пріѣхалъ въ село Березовку Саратовской губерніи, гдѣ и водворился въ небольшомъ домикѣ съ своей значительной библіотекой, которая состояла изъ французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ, англійскихъ, русскихъ и польскихъ книгъ. По пріѣздѣ въ село Березовку, Петръ Андреевичъ извѣстилъ меня письмомъ о своемъ управительствѣ и звалъ меня навѣстить его, когда поѣду въ свои симбирскія в о т ч и н ы.

Еще и то надобно сказать, что, при встрѣчахъ моихъ съ уфимскими юристами, они совѣтывали мнѣ развѣдать о продажѣ 400 душъ съ большимъ количествомъ земли покойнымъ Ярцовымъ какому-то смѣлому и находчивому покупщику, котораго прозванія не упомню. Ярцовъ, очень богатый помѣщикъ, родной дядя моей бабки, былъ горькій пьяница. Къ старому холостяку, у котораго была изъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ подруга, собирались разнаго рода гуляки, и онъ въ одинъ изъ такихъ разгульныхъ дней под-

писалъ пьяный на продажу 400 душъ со всей при селѣ, въ которомъ онъ жилъ, землей. На другой или третій день послѣ перепоя Ярцовъ померъ, и покупщикъ вошелъ во владѣніе имѣніемъ, которое было имъ куплено, какъ говорила молва, за штофъ вина.

«Въ томъ селѣ, гдѣ вамъ, достались 20 душъ съ 80 десят. земли послѣ Ярцова, проживаетъ,—говорилъ мнѣ юристъ,—бывшій въ Челябѣ исправникомъ и не такимъ, какъ вашъ батюшка, Петръ Ивановичъ Степановъ, который послѣ своего отца наслѣдовалъ въ селѣ Кольцовкѣ 150 душъ съ землей до 1.500 десят., а отецъ этого Степанова былъ побочный сынъ Ярцова, но тутъ все устроено на законномъ порядкѣ, и вамъ отыскивать правъ на часть Степанова нѣтъ никакой возможности. О продажѣ за штофъ вина вы можете разузнать въ Ставрополѣ и Симбирскѣ, и ваша тетушка Жедринская разскажетъ вамъ всѣ подробности этой покупки».

Я спрашивалъ моего отца о правахъ нашихъ на искъ продажи за штофъ вина, и онъ мнѣ объяснилъ, что по всѣмъ справкамъ дѣло это для насъ потеряно, да еслибы и была возможность приступить къ иску, то нѣтъ у насъ ни малѣйшихъ силъ къ тяжбѣ, какъ не было силъ бороться въ потерѣ казанскихъ нашихъ земель съ богатымъ заводчикомъ, гдѣ права наши гораздо яснѣе, чѣмъ въ Ярцовской продажѣ.

Я выкинулъ изъ головы тяжбы, которыя и теперь для меня отвратительны. Я пріѣхалъ въ с. Кольцовку и остановился въ домѣ зажиточнаго и очень толстаго Степанова, который принялъ меня, какъ роднаго.

Раздѣлъ мой съ теткой былъ конченъ, и я, рѣшась на продажу доставшейся намъ части Степанову, которому дорога была межа къ загону, отправился въ с. Березовку къ Петру Андреевичу. Языкъ до Кіева доведетъ, такъ и меня довелъ до Березовки по неизвѣстному мнѣ глухому пути.

Я оставилъ въ Кольцовкѣ двухъ людей, кучера и камердинера моего, Аполлона Антипатр. Красменева, захворавшихъ сильнымъ поносомъ и рвотой, а самъ на смѣнныхъ подводахъ въ осеннюю грязь и слякоть явился къ Петру Андреевичу одинъ. Благородный мой сотерпѣливецъ радъ былъ моему пріѣзду и сильно побранилъ

меня за поѣздку безъ слуги. Мѣсяцъ прогостилъ я въ Березовкѣ; воспоминаніе о прошедшихъ нашихъ дѣлахъ, мои оправданія дѣйствій его высочества Константина Павловича противъ возмутительныхъ выходокъ нашего полка, его великодушіе къ безразсудствамъ Пущина коротали длинные осенніе вечера. Петръ Андреевичъ, въ теченіе года, уже ознакомился съ своими сосѣдями-помѣщиками и управляющими большихъ имѣній. Я ѣздилъ съ нимъ къ его знакомымъ и былъ предметомъ толковъ о моей фамиліи и даже моемъ богатствѣ. Смежнымъ имѣніемъ графа Разумовскаго съ имѣніемъ Л. А. Нарышкина управлялъ надворный совѣтникъ Иванъ Михайловичъ Фроловъ. Радушное гостепріимство пожилаго человѣка собирало у него на именины и праздники всѣхъ помѣщиковъ села Туркова, гдѣ насчитывали до 50 человѣкъ. Помню ужинъ у И. М. Фролова, за которымъ сидѣло лицъ 30, считая и его семейство, а оно составляло съ приживалками, учителемъ, гувернанткой не менѣе 15 ѣдоковъ. Старикъ ходилъ кругомъ стола, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей, и вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «не родственникъ ли вамъ Михаилъ Ѳедотовичъ Веригинъ или Василій Петровичъ Веригинъ?» Я отвѣчалъ, что всѣ Веригины родственники мнѣ по гербу, который въ теченіе 600 лѣтъ, т. е. съ самаго выѣзда нашего предка изъ Польши, мы имѣемъ одинъ.

Тутъ пустился добрый Иванъ Михайловичъ описывать знатность Михаила Ѳедотовича, красоты его сестеръ, которыя, при императрицѣ Екатеринѣ II-й были фрейлинами, ихъ замужество за первыхъ вельможъ тогдашняго времени, Плещеева и Донаурова, потомъ разсказывалъ о богатствѣ и причудахъ другаго Веригина, Василія Петровича, который жилъ чрезмѣрно скупо, получая съ своего огромнаго имѣнія до 300 тысячъ рублей. Послѣ узналъ я, что Фроловъ зналъ геральдику всѣхъ московскихъ и петербургскихъ боярскихъ домовъ; онъ управлялъ домомъ графа Разумовскаго и женился на киргизкѣ—воспитанницѣ княгини Мещерской, которую любила княгиня, какъ свою дочь.

Я былъ на именинномъ пиру турковскаго аристократа, очень добраго и гостепріимнаго старика, Николая Ивановича Суровцева. На этомъ пиру фамилія моя подала поводъ между гостями

къ разговору о богатствѣ, древности и повсемѣстной извѣстности рода Веригиныхъ. Гости вмѣстѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Фроловымъ сдѣлали такое заключеніе обо мнѣ, что я пріѣхалъ къ Петру Андреевичу и какъ его сослуживецъ и какъ богатый человѣкъ, который своимъ посѣщеніемъ хотѣлъ почтить его и показать всему околодку балашевскихъ дворянъ, что сослуживецъ мой въ глазахъ моихъ не уронилъ себя, поступивъ въ управляющіе къ Нарышкину. Мы ночевали у Суровцева и на другой день, за завтракомъ, я видѣлъ особенное вниманіе къ себѣ хозяина и хозяйки. По пріѣздѣ въ Березовку, Петръ Андреевичъ разсказалъ мнѣ, что на вечернемъ балу Суровцева къ нему многіе изъ гостей подходили съ разспросами о моемъ богатствѣ, что нѣкоторые изъ нихъ даже опредѣлили богатство мое въ 3.000 душъ, и это-то мое богатство было причиной моего вѣса въ глазахъ всѣхъ танцующихъ и не танцующихъ подъ три, четыре скрипки съ контрабасомъ, фаготомъ, кларнетомъ и флейтой. Въ Варшавѣ Петръ Андреевичъ не бывалъ даже и на придворныхъ балахъ, которые давались у намѣстника Царства Польскаго З а е н ч и к а и на которые приглашались офицеры по опредѣленному числу билетовъ для каждаго полка. Я удивился умѣнью изгнанника въ танцахъ, когда въ первый разъ увидалъ его на танцовальномъ вечерѣ балашевскаго стряпчаго и еще болѣе удивился веселости того, кто перешелъ въ тотъ кругъ и въ тотъ бытъ, къ которымъ никогда не могъ принадлежать. Французскій языкъ для балашевскихъ дамъ былъ верхомъ наслажденія, и березовскій французъ по языку былъ для нихъ самымъ привлекательнымъ кавалеромъ. Дамы всего балашевскаго околодка въ глазахъ моего сотерпѣливца были, по образованію своему, много выше мужскаго пола, и мой къ женскому полу слабый сослуживецъ находилъ истинное наслажденіе въ волокитствѣ за балашевскими чепчиками. Я прожилъ въ Березовкѣ цѣлый мѣсяцъ, видѣлъ занятія высокообразованнаго человѣка, которыми наполнялъ онъ пустоту степной жизни и которыя состояли въ чтеніи, перепискѣ съ нѣкоторыми того времени литераторами и главное въ мудрыхъ его распоряженіяхъ по имѣніямъ Л. А. Нарышкина. Петръ Андреевичъ помѣщалъ свои стихотворенія и прозаическія статьи въ разныхъ журналахъ, а цѣнитель его литературныхъ трудовъ былъ князь Петръ Андреевичъ

Вяземскій, который былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ еще въ Варшавѣ. Князь былъ столь внимателенъ къ изгнаннику, что пріѣзжалъ къ нему въ село Березовку, кажется, на пути изъ Петербурга въ свое сосѣднее имѣніе. Князь Вяземскій, во время пріѣзда Петра Андреевича подъ чужимъ именемъ въ Москву, доставилъ ему случай познакомиться съ знаменитымъ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ.

При входѣ Габбе къ князю Вяземскому въ гостиную, Пушкинъ,—какъ разсказывалъ мнѣ Петръ Андреевичъ,—увивался около супруги князя и другихъ тутъ бывшихъ дамъ. Князь, обмѣнявшись съ своимъ гостемъ привѣтами, обратился къ Пушкину съ приглашеніемъ на пару словъ. Знакомство негласнаго литератора съ знаменитымъ поэтомъ началось безъ представленія одного другому, и это, кажется, показывало, что одинъ, какъ либеральный поэтъ, а другой, какъ либеральная высокаго ума личность, не должны были входить въ разсчетъ представленій, чѣмъ обыкновенно представляемый всегда становится ниже того, кому его представляютъ. Пушкинъ сѣлъ на лежанку камина, свѣся одну ногу на уголъ лежанки и, нѣсколько согнувшись, принялъ участіе въ разговорѣ стоявшихъ подлѣ него князя и Габбе. Рѣчь пошла о недавно вышедшей какой-то поэмѣ Языкова; князь находилъ въ тѣхъ мѣстахъ красоты, которыми Пушкинъ не сильно восхищался, Габбе подавалъ свой голосъ при обращеніи къ нему того или другаго изъ поэтовъ. Разговоръ литераторовъ продолжался съ часъ, и Петръ Андреевичъ убѣдился, что знаменитый нашъ народный поэтъ болѣе геніальный, нежели ученый поэтъ.

Я воротился въ с. Кольцовку къ Степанову, гдѣ снова пошли разсказы о его исправническихъ въ тяжбѣ слѣдствіяхъ, о придиркахъ губернскаго правленія къ его карману, объ умѣньи его ладить со всѣми властями.

XIX.

Наконецъ воротился я въ Уфу, гдѣ готовились къ выборамъ. И вотъ настали и выборы на всѣ мѣста, кромѣ исправничьихъ, которыя замѣщались такъ называемыми комитетскими чинами. Непріятно вспоминать о толкахъ съ спорами и ссорами для замѣщенія тѣмъ или другимъ лицомъ того или другаго выгоднаго мѣста.

Я рѣшилъ вступить снова въ военную службу, но вступить не могъ иначе, какъ съ разрѣшенія его высочества цесаревича Константина Павловича.

По этому случаю отецъ мой просилъ обо мнѣ въ письмахъ цесаревича и начальника его штаба графа К у р у т у.

Графъ Дмитрій Дмитріевичъ отъ 30-го ноября 1826 г., за № 6065 прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Письма ваши къ его императорскому высочеству цесаревичу и ко мнѣ, о исходатайствованіи позволенія сыну вашему въѣзжать въ столицы, дабы онъ, вступивъ въ службу, могъ заслужить свои проступки и быть тамъ полезнымъ, я представлялъ его императорскому высочеству, и государь цесаревичъ изволилъ отозваться, что отъ сына вашего зависѣло оставаться на службѣ и стараться усердіемъ и ревностію обратить на себя вниманіе, подобно какъ капитанъ П у щ и н ъ, въ одно время съ нимъ наказанный по суду, остался на службѣ понынѣ и заслужилъ уже особенное вниманіе, такъ что переведенъ по-прежнему въ гвардію; но сынъ вашъ не хотѣлъ служить и вышелъ въ отставку тогда, какъ должно было ему еще заглаждать свои проступки,—и такъ его императорское высочество не можетъ удовлетворить вашей просьбы; но впрочемъ изволитъ желать знать, въ какую именно службу и гдѣ полагаете его опредѣлить?

«О таковомъ отзывѣ его императорскаго высочества извѣщая васъ, прошу увѣдомить меня для доклада государю цесаревичу, куда хотите опредѣлить онаго сына вашего?»

30-го декабря отецъ мой отвѣчалъ начальнику штаба его высо-

чества: что желаетъ, чтобы сынъ его, подпоручикъ Николай Веригинъ, вступилъ въ тотъ полкъ, гдѣ онъ сдѣлалъ проступокъ; тамъ на глазахъ государя цесаревича можетъ онъ заслужить своей службой высокое вниманіе царственнаго своего начальника.

Графъ Курута отъ 31-го генваря 1827 года отвѣчалъ на это:

«Письмо ваше ко мнѣ отъ 30-го минувшаго декабря, съ изъявленіемъ желанія вашего, дабы сынъ вашъ былъ опредѣленъ на службу по-прежнему подъ начальство его императорскаго высочества, я всенижайше докладывалъ государю цесаревичу, и его императорское высочество изволилъ приказать мнѣ увѣдомить васъ, что ежели онъ хочетъ опять поступить въ 50-й Егерскій полкъ, изъ коего вышелъ въ отставку, то прислалъ бы, какъ слѣдуетъ прошеніе объ опредѣленіи его въ оной, а тогда его императорское высочество представитъ о семъ государю императору; на опредѣленіе же его въ другой какой-либо полкъ его императорское высочество не согласенъ».

Вся переписка моя съ Курутой чрезъ моего отца пересылалась Петру Андреевичу въ копіяхъ; онъ желалъ знать о послѣдствіяхъ этой переписки. На второе письмо Куруты я рѣшилъ не отвѣчать. Возвратъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ надобно было выслуживать въ томъ полку, гдѣ я офицеромъ только числился, а въ дѣйствительности былъ гостемъ моихъ благородныхъ начальниковъ.

Я зналъ, что буду въ полку съ моимъ подпоручичьимъ чиномъ въ тягость, начиная съ ротнаго командира до полковаго, и потому счелъ за лучшее ожидать какого-либо случая для другаго рода общественной службы. До апрѣля мѣсяца 1828 года, всѣ дни посвящалъ я маленькому своему хозяйству, ѣздилъ къ башкирцамъ для покупки на избы крестьянамъ лѣса, видѣлъ, что все у насъ управляется, всякое дѣло начинается и оканчивается взяточничествомъ, подкупомъ, и сердце сжималось при одной мысли о вступленіи въ какую-либо гражданскую должность. Въ концѣ марта 1828 года, я получилъ отъ Петра Андреевича письмо, которое рѣшило мою судьбу на всю жизнь.

Петръ Андреевичъ совѣтовалъ мнѣ оставить мечты о той службѣ, гдѣ сослуживцы, наши одночинцы, сдѣлаются нашими начальниками, а начальство Грессера, Желтухина и другихъ будетъ мнѣ не-

выносимо. «Бросьте, писалъ изгнанникъ, переписку, въ которой у васъ идетъ торгъ о вступленіи въ полкъ, гдѣ вы сдѣлали по вашимъ словамъ проступокъ, а по-моему и самого Куруты мнѣнію, лишены были чиновъ Богъ знаетъ за что, бросьте, говорю, виды на Варшаву, а лучше примите частное мѣсто, подъ моимъ товарищескимъ руководствомъ, въ имѣніи нашего доброжелателя, Льва Александровича Нарышкина. Въ Моршанскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, находится имѣніе нашего генерала, въ которомъ слишкомъ 3 т. душъ крестьянъ. Это имѣніе извѣстно подъ названіемъ Земецкой волости, которой управлялъ маіоръ Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ, товарищъ мой по кадетскому корпусу, недавно умершій отъ чахотки въ селѣ Земечинѣ. Пріѣзжайте занять его мѣсто, а при незавидномъ положеніи нашего генерала, который, какъ вы знаете отъ меня лично, наслѣдовалъ отъ своего отца, знаменитаго игрока и мота, Александра Львовича, громадный долгъ, едва-ли не свыше цѣнности всего имѣнія, я не могу вамъ предложить болѣе 2.000 р. и нѣкоторую провизію. Отвѣчайте мнѣ на это письмо пріѣздомъ въ Земечино и тѣмъ докажите вашу дружбу ко мнѣ; мы часто будемъ видѣться, Березовка отъ Земечины въ 250 верстахъ».

Изъ своей голодной и холодной Подымаловой отправился я къ своимъ двоюроднымъ братьямъ Хирьякову (губернатору) и Михайлову (губернскому почтмейстеру) въ Уфу съ вѣстью, что оставляю переписку свою съ Курутой о вступленіи въ военную службу и принимаю частное мѣсто у генерала Нарышкина подъ руководствомъ того, кто своимъ высокимъ умомъ, благородствомъ поступковъ, образованіемъ, всегда умѣлъ подчинить меня себѣ. Эти братцы, едва-ли не изъ желанія сбыть изъ Уфы неугомонный языкъ противъ подъячества, поспѣшили увѣрить меня, что на этой степени общественной работы я болѣе принесу пользы и своему незавидному положенію, и тому классу людей, «который, какъ говорилъ Хирьяковъ, ты называешь производителями, а насъ истребителями».

Въ нѣсколько часовъ уложилъ я свой чемоданъ, сѣлъ съ своимъ служителемъ Аполлономъ Антипатровымъ Красменевымъ, и 20-го марта поскакалъ еще по зимней дорогѣ въ Тамбовскую губернію на перекладныхъ. Изъ Бугульмы я заѣхалъ въ деревню

Исаковку моего роднаго по матери дяди Ивана Михайловича Аничкова.

Здѣсь вѣсть моя о моей карьерѣ озадачила моего дядю до того, что онъ стоявшему передъ нами слугѣ съ чаемъ громко сказалъ: «Ванька, ступай, пошли ко мнѣ моего управляющаго Тимошку».

Сколько я ни силился увѣрить дядю, что мѣсто управляющаго не унизительно для меня, онъ на одномъ уперся и кричалъ: «это мѣсто не дворянское, здѣсь надъ тобой будутъ величаться и тѣ грязные подъячіе, которыхъ ты не принялъ бы въ своей передней и которые, при своемъ невѣжествѣ, не съумѣютъ ни понять, ни оцѣнить твоихъ нравственныхъ качествъ; конечно, они будутъ считать тебя не дуракомъ для поживы, и въ этомъ убѣжденіи, при каждомъ случаѣ, будутъ дѣлать набѣги на твой кошелекъ всѣмъ своимъ нахальствомъ».

8-го апрѣля 1828 года, на другой день Святой недѣли, я пріхалъ въ село Земечину и здѣсь испыталъ всѣ боли самолюбію не столько отъ грубаго невѣжества крестьянъ, сколько отъ просвѣщеннаго нашего такъ называемаго чиновничества, которое отъ крестьянъ отличалось умѣньемъ читать и писать.

Все мнѣ и до сихъ поръ памятно со дня моего вступленія въ управленіе Земецкой волостію, а именно съ 14-го апрѣля 1828 года, и все мной будетъ разсказано съ полной откровенностью.

Въ селѣ Земечинѣ меня встрѣтилъ отецъ Петра Андреевича—Андрей Андреевичъ, который на пути въ свою маленькую пензенскую деревеньку остановился въ Земечинѣ до лѣтняго отъѣзда въ Пензу.

Добрый, умный старецъ принялъ меня съ любовью и пріютилъ въ томъ же небольшомъ домикѣ, въ которомъ самъ жилъ. Здѣсь же встрѣтилъ меня помощникъ бывшаго до меня управляющаго Земецкой волостью маіора Банажа-фонъ-деръ-Кейтъ, Андрей Богдановичъ Конштетъ.

Урожденецъ Пруссіи, происхожденія еврейскаго, исповѣданія лютеранскаго, солдатъ прусской арміи, Конштетъ былъ взятъ въ плѣнъ въ 1812 году подъ Можайскомъ и остался въ Россіи, гдѣ переходилъ съ мѣста на мѣсто и наконецъ приглашенъ былъ Банажемъ-фоиъ-деръ-Кейтъ помощникомъ для управленія моршанскимъ

имѣніемъ Льва Александровича Нарышкина. Этотъ Конштетъ былъ олицетворенная честность, неутомимой дѣятельности и столь добръ, что не имѣлъ часто гроша въ своемъ кошелькѣ; добрякъ раздавалъ свое жалованье тѣмъ, кто, по его мнѣнію, болѣе нуждался въ деньгахъ, и должники-крестьяне рѣдко возвращали благотворительному Конштету долги свои, а онъ объ нихъ никогда и не помнилъ.

Маіоръ Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ служилъ въ гусарскомъ полку и былъ соученикомъ П. А. Габбе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. По выходѣ въ отставку за ранами, былъ приглашенъ въ помощники для управленія моршанскимъ имѣніемъ графа Кутайсова сослуживцемъ своимъ, барономъ Таубе, который управлялъ всѣмъ тамбовскимъ имѣніемъ любимца императора Павла. Когда баронъ Таубе оставилъ управленіе имѣніемъ Кутайсова, то Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ не согласился занять его мѣсто: благородный и во всей силѣ слова честный маіоръ не хотѣлъ оставаться у Кутайсова, въ которомъ видѣлъ неблагодарнаго человѣка въ отношеніи полковника Таубе. Когда Петръ Андреевичъ, по принятіи въ управленіе всѣхъ имѣній Л. А. Нарышкина, пріѣхалъ въ Моршанскъ, то и пригласилъ опытнаго въ управленіи чужимъ имѣніемъ товарища своего для управленія Земецкой волостью. Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ съ годъ управлялъ моршанскимъ имѣніемъ Л. А. Нарышкина; военная служба наградила его грудной болѣзнью, давъ ему за раны ордена и ничтожный при отставкѣ пенсіонъ, а безпрестанное и добросовѣстное мученіе съ чужимъ мужикомъ развило въ немъ чахотку и свело въ молодыхъ еще годахъ въ могилу. Банажъ оставилъ вдову съ двумя сыновьями и двумя дочерьми. Петръ Андреевичъ Габбе оставилъ вдовѣ часть провизіи, которую получалъ ея мужъ, а чрезъ годъ она переѣхала къ барону Антону Максимовичу Таубе.

Баронъ, разставшись непріязненно съ Кутайсовымъ, принялъ въ управленіе имѣніе графа Разумовскаго въ Пензенской губерніи, подъ названіемъ Ершовской волости, которая состояла изъ 6 тысячъ душъ крестьянъ. Здѣсь заслуженный полковникъ былъ благотворителемъ многихъ сиротъ и многихъ вдовъ и здѣсь лѣтъ чрезъ 6 подвергся, по Высочайшему повелѣнію изслѣдованію своего управленія имѣніемъ графа Разумовскаго, который жилъ

въ Одессѣ и считался помѣшаннымъ. Старикъ Разумовскій имѣлъ 2-хъ сыновей и 2-хъ дочерей отъ законной жены своей, урожденной графини Шереметевой, 4-хъ сыновей и, кажется, одну дочь, отъ любимой своей крѣпостной дѣвушки.

Связь съ любимой дѣвицей была причиной раздора сыновей отъ Шереметевой съ своимъ отцомъ, и этотъ раздоръ заперъ молодыхъ Разумовскихъ въ монастырь, гдѣ они содержались нѣсколько лѣтъ. По выпускѣ изъ монастыря, одинъ остался, какъ совершенно помѣшанный, подъ опекой, а другой, довѣритель барона Таубе, жилъ въ Одессѣ и едва-ли зналъ, что̀ дѣлается въ его пензенскомъ имѣніи. Я прежде говорилъ о Ив. Мих. Фроловѣ, который управлялъ саратовскимъ имѣніемъ состоявшаго подъ опекой Разумовскаго. И Таубе и Фроловъ были на пути моемъ изъ села Земечины въ село Березовку къ П. А. Габбе; проѣздъ мимо считался грѣхомъ гостепріимными жильцами села Ершова и села Аркадскаго, и я нерѣдко бывалъ ихъ путевымъ гостемъ. Какъ Таубе, такъ и Фроловъ были впослѣдствіи уволены отъ управленія имѣніями Разумовскихъ и первый съ большими непріятностями.

Не буду описывать причинъ ихъ увольненія отъ занятій, а скажу одно, что поводомъ къ изслѣдованію воеводства барона Таубе въ Ершовѣ была статья въ журналѣ «Телеграфъ», подъ заглавіемъ «Баронъ управляющій», и эта статья обратила на себя вниманіе императора Николая I-го, который не жаловалъ и въ нашихъ частныхъ занятіяхъ не чистыхъ дѣлъ.

П. А. Габбе писалъ мнѣ, что статья «Баронъ управляющій» обществомъ турковскихъ болтуновъ приписывается мнѣ, и онъ дивился одному, почему я не хотѣлъ предварительно увѣдомить его о моемъ намѣреніи огласить дѣйствія своего сосѣда. Я отвѣчалъ, что вранье турковское и останется враньемъ, и мы вскорѣ узнали сочинителя статьи—это бытъ богатый пензенскій помѣщикъ Ив. Васильевичъ Сабуровъ.

И странное дѣло, какъ баронъ Таубе, такъ и Фроловъ, оставивъ частныя занятія, умерли почти въ нищетѣ, особенно послѣдній, а между тѣмъ общее мнѣніе людей, подобныхъ безпристрастному и

во всей силѣ слова образованному и благородному Сабурову, было не въ пользу честныхъ правилъ обоихъ.

Тамбовское имѣніе покойнаго Алекс. Льв. Нарышкина было раздѣлено въ Моршанскомъ и Шацкомъ уѣздахъ, по равнымъ частямъ, между его двумя сыновьями Львомъ и Кирилломъ Александровичами. По мѣстному качеству земли, часть Кирилла Александровича считалась лучшей, чѣмъ Льва Александровича. Въ имѣніи, гдѣ дѣлятся сотни тысячъ десятинъ земли, нѣтъ возможности уравнить дѣлимыя части до непогрѣшимой точности.

Крестьяне села Земечины, въ которомъ было слишкомъ 3 тысячи душъ, встрѣтили меня крикомъ: «дай хлѣбца, малыя дѣточки съ голоду померли». Въ толпѣ стояли очень зажиточные мужики, которые еще громче взывали, что имъ ѣсть нечего, что скотина у нихъ подохла отъ безкормицы и что имъ не въ моготу идти на барщину. Служители конторы, послѣ многихъ своихъ «не знаю» на спросы мои о состояніи просителей, наконецъ указали на 3-хъ крестьянъ, которые торговали даже гуртами, а другіе имѣли большіе пчельники. А какъ нашъ русскій мужичекъ ни въ чемъ не считаетъ себя виноватымъ, то и здѣсь уперся на одномъ, что и ему надобно дать хлѣба и корму лошадямъ: «я завсегда барщину правлю, а они, лодари, безлошадные, за что же имъ однимъ давать!» Таковы понятія нашихъ крестьянъ во всѣхъ почти имѣніяхъ на барщинѣ о ссудахъ и пособіи, которыя дѣлаются повѣренными помѣщиковъ.

Не буду описывать всѣхъ барщинныхъ работъ въ принятомъ мной моршанскомъ г. Нарышкина имѣніи, которое, какъ уже не разъ говорилъ, состояло изъ 3-хъ тысячъ душъ. Эти 3-хъ тысячи душъ были поселены въ 2-хъ селахъ подъ названіемъ Земечино и Раево и 4-хъ деревняхъ: Крутецъ, Голодовка, Марсово и Паново. Послѣднія двѣ деревни находились въ лѣсу, котораго при нихъ числилось 17.500 десятинъ, а первыя 4 селенія состояли при 22 тысячахъ десятинъ и были разъединены чужими имѣніями отъ лѣсныхъ небольшихъ деревень на разстояніи 20 верстъ.

Съ первыхъ дней моего хозяйствованія было сказано всѣмъ безъ изъятія, что всѣ работы въ полѣ, на гумнѣ, въ лѣсахъ, на мель-

ницахъ и пр., будутъ слѣдимы мной не на одной бумагѣ, а собственными глазами на мѣстѣ.

8 іюля 1828 года село Канобеево Л. А. Нарышкина, Шацкаго уѣзда, въ день ярмарки почти все сгорѣло, и изъ числа 300 дворовъ осталось не болѣе 70. Прекрасный, деревянный, богато меблированный, съ картинной галлереей домъ, въ которомъ любилъ пировать знаменитый острякъ и радушный для всѣхъ дворянъ хлѣбосолъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, сдѣлались жертвой огня; двѣ деревянныя церкви, оранжереи обратились въ пепелъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Петръ Андреевичъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Земечино и отъ меня отправился въ Канобеево для устройства погорѣвшихъ крестьянъ. Чрезъ недѣлю возвратился мой сотерпѣливецъ ко мнѣ и, разсказавъ о всѣхъ непозволительностяхъ управляющаго Канобеевской волостію поручика К — а, ввѣрилъ мнѣ въ управленіе шацкое имѣніе своего довѣрителя. К., хотя и зналъ образъ мыслей своего довѣрителя П. А. Габбе о чести и строгія его правила во всѣхъ дѣйствіяхъ по управленію всѣми имѣніями Л. А. Нарышкина, но соблазнился дарами крестьянъ, которымъ рѣшился отпускать лѣсъ свыше назначенія своего главноуправляющаго, и чрезъ это лишился мѣста.

Село Канобеево пришлось мнѣ устраивать по тому порядку, какой мной былъ съ Петромъ Андреевичемъ признанъ болѣе удобнымъ на случай новыхъ пожаровъ, столь частыхъ на Руси отъ пьяныхъ праздниковъ, дѣвичьихъ посидѣлокъ и другихъ въ разныхъ видахъ бѣдъ. Шацкое имѣніе было раздѣлено между двумя братьями Александромъ и Дмитріемъ Львовичами Нарышкиными только въ числѣ душъ, а въ земляхъ они не были еще размежеваны; эта работа упала на мою долю, когда всѣ имѣнія предоставлены были подъ мое главное управленіе по отъѣздѣ Петра Андреевича за границу на вѣчный покой.

На другой годъ моего управленія тамбовскимъ имѣніемъ Льва Александровича я представилъ своему главноуправляющему проектъ о разселеніи по назначеннымъ мной мѣстамъ большихъ селъ Земечино и Раево и о переселеніи изъ деревень Крутца и Голодовки въ саратовскія Льва Александровича степи лишнихъ крестьянъ свыше земельнаго надѣла, какой мною назначался. Скажу здѣсь, что мой

сослуживецъ по гвардіи и въ нашемъ несчастіи по арміи не ожидалъ, чтобы столь громадная затѣя, какъ писалъ онъ въ письмѣ ко мнѣ, при оффиціальномъ предписаніи Земецкой волостной конторѣ о приведеніи моего проекта въ исполненіе, могла быть исполнима. Саратовскіе Петра Андреевича сосѣдніе помѣщики, считавшіеся опытными въ дѣлахъ съ крестьянами, увѣрили моего сотрудника, что вся Земецкая волость отъ моихъ переселеній взбунтуется.

Не буду описывать всѣхъ дерзостей, ослушаній, волненій отъ крестьянъ при ихъ переселеніи, а повторю всѣмъ извѣстную истину, что, какъ для громадныхъ, такъ и нашихъ ничтожныхъ переворотовъ житейскаго быта населенія, требуется сила воли, и обдуманная перемѣна въ преобразованіяхъ наградитъ государственнаго преобразователя благодарностію, когда онъ будетъ лежать въ гробу, а нашего брата, непримѣтнаго—тогда, когда жертва нашихъ преобразованій вещественно осязать будетъ пользу нашихъ преобразованій.

Въ шацкомъ имѣніи большая часть крестьянъ состояли на оброкѣ, но оброкъ почти съ 3-хъ тысячъ душъ не собирался, а выбивался. Чтобы прекратить выбиваніе оброка, неимущіе были выселены въ нѣсколько вновь заведенныхъ селеній на тѣхъ же правилахъ, на которыхъ разселена была Земецкая волость; въ старыхъ селеніяхъ оставлены оброчные, а въ новыя выселены на барщину. Безобидная для крестьянъ барщина въ нѣсколько лѣтъ поправила ихъ состояніе до того, что послѣдующее управленіе признало возможнымъ обратить ихъ снова на оброкъ.

Село Кановеево было, какъ и село Земечино, съ храмомъ Божіимъ, базаромъ и кабакомъ. Я поставилъ себѣ за правило удалить отъ базара и кабака тѣхъ, которые были данниками ихъ...

При отдѣленіи отъ оброчныхъ барщинныхъ крестьянъ и поселеніи ихъ въ особыя деревни всячески предоставлялся имъ выборъ той стороны полей, какую они считали для себя, какъ по мѣстности, такъ и по грунту земли, за лучшую; три поля крестьянскихъ вырѣзывались отдѣльно отъ трехъ полей помѣщика и окружали усадьбу помѣщика, большей частью устраиваемую на другой сторонѣ рѣчки отъ усадьбы крестьянъ.

Имѣніе Нарышкина было заложено въ банкѣ и опекунскомъ совѣтѣ; по правиламъ кредитныхъ установленій, никакихъ пере-

мѣнъ безъ разрѣшенія ихъ нельзя было дѣлать, но мои переселенія шли и безъ разрѣшенія банка и совѣта; исправникъ, хорошо мнѣ знакомый, не настаивалъ на правилахъ кредитныхъ установленій; онъ согласился со мной, что разрѣшеніе придетъ со временемъ, а до того я успѣю сдѣлать доброе дѣло.

XX.

Не буду описывать моихъ похожденій по дѣламъ имѣнія въ губернскомъ правленіи, казенной, уголовной и особенно гражданской палатахъ.

Но вотъ два примѣра изъ промышленныхъ дѣйствій тогдашнихъ членовъ уѣздныхъ и губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

На другой годъ моего управленія тамбовскимъ имѣніемъ Л. А. Нарышкина, я пріѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ П. А. Габбе въ село Канобеево. Не имѣя послѣ пожара помѣщенія на усадьбѣ помѣщика, мы остановились въ избѣ крестьянина. Вскорѣ явился къ намъ сотскій села Канобеева съ докладомъ, что пріѣхалъ въ село засѣдатель для слѣдствія о убитой мужикомъ бабѣ и требуетъ харчей. Начальникъ мой далъ приказъ конторскому смотрителю, чтобы казначей отпустилъ деньги на полштофа вина и два калача, и весь этотъ завтракъ приказалъ отнести засѣдателю Олимпію П—у. На мое замѣчаніе, что засѣдатель оскорбится такимъ угощеніемъ, сотерпѣливецъ отвѣчалъ мнѣ, что я еще, какъ видно, не ознакомился съ нравами чиновниковъ земскаго суда. И дѣйствительно засѣдатель принялъ отъ сотскаго полштофъ вина и два калача и только гнѣвался, какъ послѣ оказалось, что всего мало принесъ.

По уходѣ сотскаго отъ насъ, возвратился изъ Канобеевской волостной конторы правитель дѣлъ управленія имѣніями Льва Александровича К о л п а к о в ъ съ представленіемъ конторскихъ книгъ, въ которыхъ противъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей оказались сильныя зло-

умышленныя невѣрности. П. А. Габбе приказалъ тотчасъ конторщика Масленкова, друга засѣдателя П—а, посадить въ колодку и не снимать съ него колодки до тѣхъ поръ, покудова пьяный негодяй не приведетъ въ должный порядокъ всей своей злоумышленной путаницы. Вскорѣ, по посадкѣ конторщика въ колодку, я получилъ отъ засѣдателя П—а отношеніе, въ которомъ онъ требовалъ Масленкова для рукоприкладства за неграмотныхъ крестьянъ по производимому имъ дѣлу о убитой женкѣ, неприсылка же къ нему конторщика Масленкова можетъ остановить разслѣдованіе столь важнаго дѣла, и очень легко могутъ укрыться прикосновенныя къ этому дѣлу лица. На это отношеніе былъ посланъ ему отвѣтъ, что конторщикъ занятъ спѣшными дѣлами, а для рукоприкладства за неграмотныхъ крестьянъ представляется ему вручитель этого отношенія.

Послѣ отвѣта П — у, П. А. Габбе отправился со мной въ главную контору Дмитрія Львовича Нарышкина, гдѣ было назначено соглашеніе о полюбовномъ размежеваніи въ однихъ мѣстахъ земель по имѣніямъ г.г. Нарышкиныхъ. Во время разсматриванія нами вмѣстѣ съ управляющимъ польныхъ канобеевскихъ плановъ, вошелъ засѣдатель П. въ комнату, подошелъ ко мнѣ едва не шатаясь, взялъ меня подъ руку, подалъ мнѣ бумагу со словами, почему я не исполняю его требованій и тѣмъ останавливаю производимое имъ объ убійствѣ женки слѣдствіе.

Товарищъ мой по военнымъ нашимъ бѣдамъ и по тому мѣсту, которое доводило насъ до встрѣчъ съ подобными П—у чиновниками, подошелъ ко мнѣ съ видимой досадой, вырвалъ мою руку изъ-подъ руки пьянаго засѣдателя, взялъ у меня бумагу и, взглянувъ на писаніе подъячаго, сказалъ: «это написано не чернилами, а виномъ, тутъ ничего не видно».

Воспитанникъ земскаго суда отвѣчалъ на этотъ намекъ о его пьяномъ видѣ, что чернила также ясны, какъ ваша плѣшь.

Засѣдатель, возвращаясь въ свой кабакъ, отправилъ въ земскій судъ рапортъ съ донесеніемъ, что слѣдствіе главноуправляющимъ и управляющимъ имѣніями генерала Нарышкина, Габбе и Веригинымъ, за недачею писца къ рукоприкладству остановлено, почему

онъ, засѣдатель, и проситъ временное отдѣленіе прибыть на мѣсто для поступленія съ Габбе и Веригинымъ по законамъ.

На другой день этого безсмысленнаго рапорта прибыло въ село Канобеево временное отдѣленіе и, расположась въ крестьянской избѣ, отправило на имя мое и П. А. Габбе очень вѣжливое письменное требованіе для явки въ присутствіе временнаго отдѣленія по касающемуся до насъ дѣлу о убитой крестьяниномъ женкѣ. П. А. Габбе отправилъ съ сотскимъ во временное отдѣленіе отвѣтъ, въ которомъ объяснилъ. что производимое слѣдствіе засѣдателемъ о убитой женкѣ до него не касается, а если временное отдѣленіе находитъ нужнымъ о чемъ-либо его спросить, то можетъ къ нему отнестись письменно, на что онъ и будетъ отвѣчать; я же, для узнанія, чего хочетъ отъ насъ уѣздное скопище подъячихъ, отправился лично къ членамъ присутствія.

Въ избѣ за столомъ, на прилавкахъ за зерцаломъ сидѣли два какихъ-то члена и съ ними секретарь, который, замѣтимъ, руководилъ всѣми дѣлами тогдашняго земскаго суда. Мнѣ поданы были вопросные пункты, а какъ отвѣты могли быть не на одинъ часъ, то секретарь и объяснилъ мнѣ, что я могу ихъ написать на дому. Я отправился къ Петру Андреевичу и меня испросилъ позволенія проводить какой-то временнаго отдѣленія писецъ, который дорогой доложилъ мнѣ, что лучше бы наше дѣло съ обиженнымъ засѣдателемъ П—мъ покончить мировой, а временное отдѣленіе на это будетъ согласно, если мы и его не забудемъ.

Изъ словъ этого посредника было видно, что временное отдѣленіе удовольствуется пятью стами рублей и тѣмъ же г. засѣдатель: «право покончите, ваше благородіе, мировой, я вамъ добра желаю, а то затянутъ васъ и Богъ вѣсть куда, а тамъ дешево не раздѣлаетесь».

Когда сказано было мной грозно, что добрый совѣтъ будетъ доведенъ до свѣдѣнія тѣхъ, кто иначе будетъ разсматривать наше дѣло, чѣмъ Шацкій земскій судъ, то повѣренный плутовъ, не сказавъ мнѣ ни слова, отправился назадъ къ временному отдѣленію.

Я отвѣчалъ на вопросы временнаго отдѣленія, а между тѣмъ Петръ Андреевичъ отправилъ нарочнаго къ губернатору съ кратким описаніемъ всѣхъ смѣлыхъ нашествій и пьянаго засѣдателя, и

его товарищей. Законникъ-секретарь узналъ о посылкѣ къ губернатору, тотчасъ усѣлся съ своими членами на крестьянскія телѣги, и весь этотъ сбродъ отправился въ Шацкъ, а пьянаго засѣдателя оставили для окончанія дѣла, при которомъ обиралъ однихъ уже крестьянъ.

Губернаторъ Ив. Сем. Мироновъ, не дѣлецъ по гражданской службѣ и не гроза по своему характеру и правиламъ, отвѣчалъ Петру Андреевичу, что онъ предписалъ шацкому предводителю произвести слѣдствіе и представить все дѣло въ губернское правленіе.

Начальникъ мой отправился въ саратовское имѣніе, а я чрезъ нѣсколько недѣль, по вызову шацкимъ предводителемъ, изъ Земечины снова пріѣхалъ въ Канобеево, гдѣ нашелъ слѣдователя нашего столкновенія съ грязными чинами земскаго суда. Предводитель далъ мнѣ письменные запросы по дѣлу съ пьянымъ засѣдателемъ и временнымъ отдѣленіемъ. Я описалъ въ отвѣтахъ всю придирчивость подъячихъ и по истеченіи восьмидневнаго слѣдствія при прощаніи благородный предводитель, Василій Петровичъ Мажаровъ, далъ мнѣ совѣтъ не выпускать изъ вида дѣла, которое пойдетъ въ губернское правленіе.

«Въ этомъ высшемъ губернскомъ судилищѣ, говорилъ предводитель, безъ денегъ и правое дѣло сдѣлается неправымъ, а нашъ губернаторъ все подпишетъ, что ему подадутъ, хотя не будетъ участникомъ въ мерзостяхъ своего секретаря Б — а, извѣстнаго взяточника». Мажаровъ хорошо зналъ Б—а по его окладамъ на исправниковъ, а въ Шацкомъ уѣздѣ исправникомъ былъ его родной по сестрѣ племянникъ, но правилъ былъ этотъ молодой человѣкъ не тѣхъ, какихъ исправникъ Моршанскаго уѣзда: онъ не былъ оброчникомъ губернскаго правленія и потому недолго былъ исправникомъ. По прошествіи года, ко мнѣ явился стряпчій Шацкаго уѣзда съ требованіемъ, по указу губернскаго правленія, моего указа объ отставкѣ для препровожденія въ губернское правленіе. Стряпчему былъ данъ мной отвѣтъ, что указа объ отставкѣ со мной нѣтъ, а будетъ доставленъ ему изъ мѣста моего жительства. Спустя мѣсяцъ послѣ этого требованія, я былъ по дѣламъ имѣнія въ Тамбовѣ, гдѣ на улицѣ подошелъ ко мнѣ какой-то чиновникъ и вступилъ со мной

въ разговоръ о дѣлѣ съ засѣдателемъ П. Вотъ слова неизвѣстнаго мнѣ благороднаго чиновника:

«У васъ требуетъ губернское правленіе указъ объ отставкѣ, это виды на вашъ кошелекъ, примите мѣры противъ нашего правленія, гдѣ нѣтъ числа самыхъ гнусныхъ продѣлокъ; это болото, наполненное всѣхъ родовъ гадами, сходите къ губернатору и объясните ему беззаконное требованіе вашего указа объ отставкѣ».

Я отправился къ губернатору, разсказалъ ему о видахъ губернскаго правленія на мой указъ объ отставкѣ. Губернаторъ потребовалъ къ себѣ секретаря губернскаго правленія и съ крикомъ объявилъ ему о ненадобности губернскому правленію необходимаго для меня вида, а мнѣ сказалъ, чтобы я не отдавалъ указа объ отставкѣ. Когда я пріѣхалъ въ Канобеево, то стряпчій, для очистки полученнаго имъ указа губернскаго правленія, упросилъ меня дать ему копію съ указа объ отставкѣ. Я исполнилъ просьбу стряпчаго Кельсіева, и все дѣло кончилось тѣмъ, что уголовная палата обобрала, какъ сдѣлалось въ Шацкѣ извѣстнымъ, пьянаго засѣдателя, а меня и Петра Андреевича болѣе уже не тревожили.

Другую исторію разскажу короче; здѣсь взяточничество обставлено не столь базарно. Я получалъ въ гражданской палатѣ свидѣтельство на тамбовское имѣніе обоихъ братьевъ Нарышкиныхъ. Секретарь гражданской палаты, Николай Ѳедоровичъ Е—въ, условился съ моимъ повѣреннымъ въ цѣнѣ за всѣ справки по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, откуда безъ благодарности, какъ говорилъ Е—въ, не добудешь и годы иную справку; а когда будутъ получены всѣ справки, то и за всѣ хлопоты по самой палатѣ для выдачи свидѣтельства. Цѣна была условлена 1.500 рублей ассигнаціями и задатку выдано секретарю 200 р. Къ назначенному Е—мъ времени я снова пріѣхалъ въ Тамбовъ и узналъ, что секретарь гражданской палаты уѣхалъ въ Москву, гдѣ сенатъ уже не разъ ему напоминалъ, чтобы онъ повидался съ нимъ, иначе подъ судъ попадетъ. Помощникъ секретаря С—въ исправлялъ должность секретаря. Этотъ смѣльчакъ объяснилъ моему повѣренному, что до возвращенія Е—ва изъ Москвы свидѣтельство будетъ выдано и что за всѣ хлопоты онъ беретъ только 300 рублей. Я обрадовался столь дешевой сдѣлкѣ и согласился на выдачу С—ву

100 рублей впередъ. Е—въ воротился изъ сената съ очень облегченнымъ бумажникомъ, узналъ всю продѣлку своего помощника, у котораго ни на шагъ не подвинулось дѣло впередъ, просилъ меня повидаться съ предсѣдателемъ палаты. Старецъ предсѣдатель В. напустился на меня за мою неосмотрительность и сболталъ мнѣ угрозу, что онъ напишетъ моему довѣрителю Л. А. Нарышкину о небережливости моей и неумѣньи относиться въ дѣлахъ къ тѣмъ, къ кому всѣ присутствующіе палаты имѣютъ полную вѣру: «вы должны знать, что, кромѣ Николая Ѳедоровича, въ палатѣ ни къ кому не должно относиться, вы выдали С—ву 100 рублей, я прикажу ему возвратить эти деньги, а вы обо всемъ можете говорить только съ Николаемъ Ѳедоровичемъ».

Когда—въ рѣзкихъ словахъ былъ данъ отвѣтъ старому грѣшнику: «генералъ Нарышкинъ пожалѣетъ объ одномъ, что сотрудникъ мой по дѣламъ, г. Габбе, и я беремъ на себя хлопоты по такимъ случаямъ, гдѣ все основывается на взяткахъ, и когда сказано было смѣшавшемуся старику, что ему слѣдовало бы узнать прежде, кому онъ поручаетъ входить въ сдѣлку съ его секретаремъ и какихъ правилъ тѣ, которые имѣютъ одно въ виду: спасти своего довѣрителя отъ потерь, — старикъ извинился, но все-таки копчилось тѣмъ, что Е—въ получилъ, по выдачѣ свидѣтельствъ на имѣнія, условленную плату и принялъ въ счетъ 100 рублей своего помощника, котораго однако выжили начальники изъ палаты.

Чтобы показать взглядъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновъ на перемѣны высшаго правительства къ ускоренію теченія дѣлъ и прекращенію зла, разскажу утѣшеніе секретаря Тамбовскаго губернскаго правленія Б—а моршанскому исправнику, который былъ самымъ исправнымъ данникомъ покровителя всѣхъ взяточниковъ. Вечеромъ за карточнымъ столомъ, лакей вбѣжалъ въ гостиную и доложилъ своему господину, что пріѣхалъ изъ Тамбова секретарь губернскаго правленія. Карты брошены, исправникъ побѣжалъ въ комнату, гдѣ у него останавливались пріѣзжіе гости, и чай зимнему путнику былъ поданъ. Спустя нѣсколько времени я вошелъ въ комнату секретаря, которому меня представилъ исправникъ, сказавъ: — управляющій имѣніемъ генерала Нарышкина. Б. благосклонно кивнулъ мнѣ головой и такъ продолжалъ на-

чатый имъ съ исправникомъ разговоръ, не стѣсняясь моего присутствія, какъ лица, по его понятію, одинаковаго съ нимъ ремесла, хотя и на другомъ мѣстѣ: «когда мы получили извѣстіе о отмѣнѣ засѣдателей и замѣнѣ ихъ становыми, то я разомъ смекнулъ, да это работники исправниковъ. Что такое становой? Исполнитель предписаній земскаго суда, а въ судѣ кто предсѣдатель? — Исправникъ, онъ и загребай жаръ руками становыхъ. Я знаю, что вы это, баронъ, тотчасъ смекнули. А гдѣ получше въ уѣздѣ дѣльцо, тамъ ужь, конечно, сметливый исправникъ будетъ самъ на мѣстѣ слѣдствія». Скажу, при этомъ, что ученикъ такого наставника былъ въ самомъ непріятномъ положеніи въ отношеніи меня; онъ зналъ коротко мои правила и взглядъ мой на ремесло всѣхъ нашихъ правительственныхъ чиновъ, и это знаніе избавляло меня отъ нашествія всѣхъ чиновъ земскаго суда.

Я привелъ два судебныхъ дѣла и встрѣчу съ начальникомъ чиновъ земскаго суда, а подобныхъ дѣлъ, но не встрѣчъ, много было на моемъ мѣстѣ.

XXI.

Въ 1833-мъ году неожиданно Земецкая контора и всѣ прочія конторы получили предписаніе отъ своего помѣщика о неисполненіи предписаній Петра Андреевича Габбе, который разстроенъ въ своемъ умѣ, а исполнять только предписанія самого владѣльца, къ г-ну же Габбе ни въ чемъ не относиться.

Передъ этимъ предписаніемъ Л. А. Нарышкина, почты за двѣ, я получилъ письмо моего сотрудника; онъ описывалъ мнѣ плытье свое на пароходѣ съ графиней Воронцовой, генеральшей Нарышкиной, графиней Шуазель изъ Одессы въ Крымъ, гдѣ провелъ онъ съ ними, въ царски пышной Алупкѣ графа Воронцова, недѣли двѣ, и возвратился въ Одессу, откуда будетъ распоряжаться имѣніями Льва Александровича. Въ письмѣ П. А. Габбе не было и признака умопомѣшательства; каждая строка показывала умъ, остроту, превосходное описаніе невиданныхъ мной южныхъ

мѣстностей. Мнѣ вообразилось, по прочтеніи предписанія Нарышкина, что между имъ и Петромъ Андреевичемъ было какое-нибудь столкновеніе во взглядахъ на имѣнія, и Нарышкинъ, вѣроятно, отнесъ противорѣчія того, кого всегда называлъ своимъ по военной службѣ сослуживцемъ и другомъ, къ умопомѣшательству. Съ первой же почтой, по полученіи Земецкой и Канобеевской конторамъ оскорбительнаго, какъ мнѣ казалось, для Петра Андреевича предписанія, я отправилъ Льву Александровичу письмо, въ которомъ объяснилъ ему, что тамбовское его имѣніе принято мной въ управленіе единственно изъ уваженія къ желанію того, съ кѣмъ я раздѣлилъ всѣ потери по военной службѣ и кто своимъ примѣромъ указалъ мнѣ позволительность дворянину принять то мѣсто, которое занимали прежде его крѣпостные служители; но если тотъ, кого вы, генералъ, называли всегда своимъ другомъ, оставилъ управленіе всѣми вашими русскими и польскими имѣніями по какимъ-либо непріятностямъ, то прошу васъ уволить меня отъ управленія тамбовскимъ вашимъ имѣніемъ; я не подчинюсь никому въ дѣлахъ вашихъ кромѣ Петра Андреевича. Письмо было отправлено, а чрезъ недѣлю я получилъ письмо отъ Льва Александровича, гдѣ онъ съ горестью извѣщалъ меня о разстроенномъ здоровьи нашего друга, для поправленія котораго испрашивается Высочайшее разрѣшеніе на выѣздъ за границу, до возвращенія же его изъ-за границы, просилъ меня генералъ принять саратовское и тамбовское имѣніе въ главное управленіе съ неограниченной довѣренностію. Чрезъ мѣсяцъ я получилъ отвѣтъ и на мое письмо, въ которомъ упрекалъ меня Левъ Александровичъ въ недовѣріи къ его чувствамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ меня, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моего отвѣта на сдѣланное имъ мнѣ предложеніе. Въ этомъ же письмѣ было упомянуто, что я получу въ скоромъ времени возможно подробное описаніе болѣзни Петра Андреевича. Я отвѣчалъ, что готовъ принять въ управленіе всѣ русскія имѣнія послѣ того, къ кому привязанъ всѣми моими служебными несчастіями. Вотъ исторія помѣшательства Габбе, не столько переданная мнѣ въ описаніи, какъ въ разсказѣ очевидца всѣхъ тѣхъ событій, которыя разстроили умъ моего сотерпѣливца.

Петръ Андреевичъ переѣхалъ на житье для управленія всѣми

имѣніями Льва Александровича въ кіевское имѣніе супруги Нарышкина Ольги Станиславовны, урожденной графини Потоцкой, часто ѣздилъ въ Одессу, гдѣ въ домѣ Л. А. Нарышкина гостилъ, какъ другъ дома. Генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края, графъ, а впослѣдствіи князь Мих. Сем. Воронцовъ, двоюродный братъ по матерямъ Льв. Алекс. Нарышкина, полюбилъ Габбе, и въ домѣ Воронцова онъ былъ принятъ, какъ другъ и сослуживецъ Нарышкина. Лѣтомъ 1833 года гр. Воронцова, Ольга Станисл. Нарышкина и гр. Шуазель отправились на пароходѣ въ Крымъ провести нѣсколько времени въ знаменитой Алупкѣ и спутникомъ своимъ избрали друга своего дома, П. А. Габбе. Бесѣда съ человѣкомъ умнымъ, высоко образованнымъ, начитаннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтомъ для женщинъ высшаго круга была ежедневнымъ развлеченіемъ и особенно тамъ, гдѣ не было такому кавалеру соперника. Изъ Алупки ѣздилъ Петръ Андреевичъ къ княгинѣ Голицыной на ея великолѣпную дачу; княгиня была, кажется, еще при императрицѣ Екатеринѣ II-й статсъ-дамой. Въ одинъ вечеръ въ бесѣдкѣ передъ моремъ, княгиня слушала короткій разсказъ Габбе о его бѣдахъ и узнавъ, что въ саратовскомъ имѣніи Нарышкина объ немъ ежемѣсячно губернаторъ обязанъ былъ доносить шефу жандармовъ гр. Бенкендорфу для доклада государю и наблюдать за нимъ чрезъ земскую полицію, вскрикнула:

— Да знаете ли вы, почему объ васъ такъ хотятъ знать, знаете ли вы, чей вы сынъ!

Габбе на это восклицаніе, какъ говорили мнѣ, не отвѣчалъ ни слова.

Мнѣ говорили, что послѣ вечерней бесѣды съ княгиней Голицыной, Петръ Андреевичъ сдѣлался то задумчивъ, то разсѣянъ. Возвратясь въ Одессу съ своими спутницами, Габбе помѣстился въ домѣ Нарышкина и, какъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи находившійся при мнѣ правитель дѣлъ главнаго управленія имѣніями Нарышкина, никто не замѣчалъ и признака къ помѣшательству его начальника и благодѣтеля. На третій или четвертый день по возвращеніи изъ путешествія въ домъ Нарышкина, Габбе рано утромъ вошелъ въ залъ графа Воронцова, гдѣ служители убирали комнаты.

Послѣ небольшаго спора камердинеръ подозвалъ къ себѣ нѣсколько служителей и нежданнаго гостя со всей вѣжливостію вывели подъ руки изъ дома.

По приходѣ въ свои комнаты, Петръ Андреевичъ приказалъ своему служителю и правителю дѣлъ Степ. Вас. Колпинову тотчасъ уложиться и переѣхать со всѣми вещами и дѣлами въ гостиницу, куда немедленно и отправился самъ. Чрезъ два дня изъ гостиницы выѣхалъ Габбе на долгой линейкѣ, разряженный въ какое-то пестрое платье и въ женской шляпкѣ, увязанной лентами и, цвѣтами; на линейкѣ сидѣли пѣвчіе, они пѣли сочиненную помѣшаннымъ поэтомъ пѣснь на французскомъ языкѣ, въ которой выражалась любовь его къ графинѣ Воронцовой. Въ то же время съ линейки разбросалъ онъ по улицѣ на русскомъ, французскомъ и, кажется, еще на англійскомъ языкахъ какіе-то листки
Полиція представила ихъ генералъ-губернатору графу Воронцову, а автора возвратила въ гостиницу съ обязательствомъ хозяина гостиницы не выпускать изъ номера постояльца впредь до приказанія. Графъ Воронцовъ, пріѣхавъ къ Нарышкину, прочиталъ ему содержаніе листковъ. Между этими двумя родными было положено отправить Габбе въ Николаево къ адмиралу Грейгу и просить Высочайшаго разрѣшенія о выѣздѣ его за границу для излѣченія болѣзни. Габбе жилъ въ Николаевѣ до полученія Высочайшаго повелѣнія. На докладной запискѣ, поданной государю шефомъ жандармовъ, графомъ Бепкендорфомъ, было государемъ собственноручно написано: «позволяется выѣхать съ тѣмъ, чтобы впредь не въѣзжать въ Россію ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, о чемъ предписать всѣмъ полиціямъ». Моршанскій исправникъ баронъ Вернеръ привезъ мнѣ въ Земечину циркуляръ министра, въ которомъ я прочиталъ рѣшеніе судьбы моего сослуживца.

Принявъ все русское имѣніе Льва Александровича въ свое неограниченное управленіе, я привелъ въ исполненіе въ теченіе 7-ми лѣтъ всѣ тѣ моему сотруднику П. А. Габбе представленія, которыя предлагались мной ему для устройства саратовскихъ степей, гдѣ производились крестьянами собственныя работы за многіе десятки верстъ отъ ихъ мѣстожительства. Въ саратовскомъ имѣніи было въ одной окружной массѣ почти на протяженіи ста верстъ сто тысячъ

десятинъ земли, при поселеніи съ небольшимъ 4 тысячъ душъ. Всѣ селенія расположены были къ р. Хопру и владѣли 40 тысячами десятинъ, а 60 тысячъ десятинъ степной земли отдавались подъ пастьбу скота—торговцамъ, подъ сѣнокосъ, распашку. Я разселилъ большія саратовскія селенія по такъ называемой Марьинской степи, назначивъ на каждую мужскую душу по десяти десятинъ удобной земли, кромѣ отведенной подъ поселеніе и большихъ выгоновъ; сверхъ того для каждаго селенія назначены были отрѣзные участки, которые отдавались или самимъ крестьянамъ или стороннимъ подъ распашку и другіе съемы. Упомяну здѣсь объ одномъ селеніи, которому мной было дано названіе Православная.

Въ эту деревню было выселено 300 душъ молоканъ изъ большаго села Альшанки, гдѣ до 500 душъ осталось дѣйствительно православныхъ. Ни убѣжденія духовенства, посылаемаго консисторіей для обращенія молоканъ въ православіе, ни самые пріѣзды для той же цѣли саратовскаго преосвященнаго ни одного молокана не могли обратить въ православіе, и я счелъ за лучшее заблудшихся отдѣлить отъ тѣхъ крестьянъ, которые безпрестанно переходили изъ православія въ молоканство. Когда деревня Православная была уже поселена въ самомъ концѣ Марьинской степи, преосвященный пріѣхалъ въ селеніе Альшанку и, узнавъ, что уже тамъ молоканъ нѣтъ, а поселены они въ 80 верстахъ отъ села Альшанки въ названной мной деревнѣ Православной, сдѣлалъ мнѣ запросъ чрезъ саратовское губернское присутствіе: «почему я далъ деревнѣ такое названіе, которому молокане своимъ образомъ мыслей не отвѣчаютъ, и въ спросѣ преосвященнаго было упомянуто, что я оскорбляю такимъ названіемъ деревни самое православіе.

Я отвѣчалъ на запросъ, что цѣль моя была пріучить молоканъ къ слову православіе, послѣ чего надѣялся, что они современемъ самое слово обратятъ въ дѣло, но какъ преосвященному кажется неприличнымъ данное мной имя деревнѣ, населенной молоканами, то и дано предписаніе волостной графа Нарышкина конторѣ именовать съ этого времени деревню Упорной. И эта деревня и до сихъ поръ упорна въ своемъ заблужденіи. Замѣчу одно, что между молоканами нѣтъ ни пьяницъ, ни воровъ, и они всѣ зажиточные крестьяне.

Какъ ни признателенъ былъ мой довѣритель Левъ Александровичъ Нарышкинъ на словахъ, сколь ни допускалъ мнѣ самоуправленіе его имѣніями въ числѣ 12 тысячъ душъ, притомъ со 160 тысячами десятинъ земли, но мелочная признательность его къ честному труду повела насъ сначала къ непріятной съ обѣихъ сторонъ перепискѣ, а потомъ, послѣ 12-ти-лѣтняго моего управленія, и къ самой разлукѣ. Въ канобеевской конторѣ Шацкаго уѣзда утаилъ конторщикъ Василій Масленковъ 4 тысячи руб. ас., которые принялъ при безграмотномъ вотчинномъ бурмистрѣ отъ купцовъ за снятыя ими мельницы, и не записалъ на приходъ. Послѣ нѣсколькихъ отъ меня предписаній канобеевской волостной конторѣ о полученіи съ купцовъ денегъ и моего отношенія къ одному изъ самыхъ почетнѣйшихъ купцовъ города Шацка, молокану Швецову, сынъ старца Швецова явился ко мнѣ и объявилъ мнѣ, что двѣ тысячи за снимаемую имъ мельницу имъ внесены въ канобеевскую контору въ срокъ, назадъ тому уже два мѣсяца. Я отправился въ Канобеево и на мѣстѣ, по обревизованіи всѣхъ сборовъ, открылась утайка 4-хъ тысячъ руб. Канобеевская волость управлялась честнымъ и богатымъ крестьяниномъ Ивантьевымъ, котораго проступокъ состоялъ въ томъ, что ключъ отъ другаго замка денежнаго сундука онъ не бралъ съ собой, а оставлялъ его въ конторѣ; негодяй — для похищенія денегъ, въ увѣренности на безграмотность и довѣрчивость бурмистра, воспользовался обоими ключами, т. е. своимъ и бурмистра. Крестьяне Канобеевской волости были мной собраны въ контору, гдѣ хранились ихъ листки, въ которыхъ было означено, отъ кого слѣдуетъ получить сколько, по окладу, денегъ въ господскую сумму и сколько на уплату казенныхъ податей. Въ листкахъ были вписаны всѣ взносы, а въ окладной волостной книгѣ не были показаны пріемомъ. Улики въ воровствѣ были на лицо, и преступникъ былъ наказанъ, при крестьянахъ, розгами, съ приказаніемъ описать его имущество для продажи и выручки хотя части похищенныхъ имъ денегъ, которыхъ онъ не хотѣлъ добровольно представить ни гроша. По отъѣздѣ моемъ въ Земечину, я получилъ донесеніе канобеевской конторы, что Масленковъ неизвѣстно куда скрылся...

Его научили отправиться въ Одессу къ своему помѣщику съ жалобой какъ на наказаніе, такъ и на невинно взведенный на него на-

четъ. Я написалъ Льву Александровичу о побѣгѣ Масленкова и украденныхъ имъ деньгахъ, но до полученія еще моего письма, воръ явился къ своему господину, который сдѣлалъ мнѣ запросъ, въ чемъ обвиняется мной явившійся къ нему канобеевскій конторщикъ и дѣйствительно ли онъ виноватъ въ томъ, за что́ мной столь строго наказанъ? Отвѣтъ мой былъ повтореніемъ того, что уже было написано моему довѣрителю, и онъ не противорѣчилъ моему взгляду на столь убыточный проступокъ негодяя, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ меня, какъ выражался Левъ Александровичъ, этого естественнаго негодяя допросить снова и дознать, точно ли не отъ ошибочной повѣрки отчетовъ взведенъ мной начетъ на него. Переписка о бѣгломъ между мной и Львомъ Александровичемъ кончилась, и бѣглецъ остался въ Одессѣ на конюшнѣ своего господина до той вещественной благодарности, которую прислалъ мнѣ съ нимъ мой довѣритель и которая снова повела меня къ непріятной перепискѣ съ тѣмъ, кто по образу мыслей былъ истинно благороденъ, но, по неумѣнью цѣнить честный трудъ, былъ даже оскорбителенъ. За доходы во всѣ годы моего управленія тамбовскимъ имѣніемъ Левъ Александровичъ благодарилъ меня иногда такими ничтожными вещами, о которыхъ не разъ напоминалось ему, чтобы онъ избавилъ меня отъ своей памяти, и не разъ ему также было объяснено, что ничтожное вознагражденіе въ отношеніи всѣхъ дѣлъ по его имѣніямъ принято мной единственно изъ уваженія къ желанію Петра Андреевича, который, по пріѣздѣ моемъ въ Земечину, открылъ мнѣ очень плохое положеніе дѣлъ нашего генерала послѣ знаменитаго мотовства его отца, Александра Львовича Нарышкива; но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нашего управленія, генералъ могъ жить по-боярски и вознаградить честный трудъ также по-боярски. Левъ Александровичъ читалъ такія напоминанія и все-таки продолжалъ льстить одному самолюбію, что́ считалъ самымъ выгоднымъ для себя способомъ удерживать у себя тѣхъ, кто былъ ему нуженъ. Гадко было видѣть и знать этотъ способъ благодарности въ человѣкѣ, который говорилъ во всеуслышаніе, что онъ всѣмъ своимъ имѣніемъ обязанъ мнѣ, и этой дешевой болтовней онъ награждалъ не одного меня. Богатый бояринъ льстилъ моему самолюбію даже и такими фразами, которыя могли родиться только въ самомъ разсчет-

ливомъ эгоизмѣ; онъ называлъ меня своимъ сослуживцемъ, когда я никогда не былъ его сослуживцемъ. Нарышкинъ былъ въ Варшавѣ въ свитѣ великаго князя Константина Павловича генераломъ, я въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку подпоручикомъ, и не зналъ Нарышкина, а видалъ его на разводахъ, какъ и самого великаго князя, но съ той разницей, что великій князь Константинъ Павловичъ зналъ меня, какъ и каждаго гвардейскаго офицера, а Нарышкинъ и не видалъ меня. И все это говорилъ человѣкъ, который не хотѣлъ понять, что честный трудъ должно вознаграждать не фразами и оскорбительными вещицами, а соотвѣтственно труду деньгами. Читайте его письма ко мнѣ, и увидите дешевую лесть его; онъ едва-ли понималъ съ первыхъ годовъ чистоту моихъ правилъ, но когда узналъ наконецъ, что и грязный моршанскій базаръ и вся наша подъяческая челядь не смѣли включать меня въ свои собратья по ихъ ремеслу, то уже видѣлъ во мнѣ для себя выгоднаго работника.

Въ 1835 году доходъ отъ моршанскаго имѣнія былъ такъ великъ, что отъ одного этого имѣнія получилъ Левъ Александровичъ столько, сколько не получалъ со всѣхъ своихъ имѣній, и за такой доходъ вздумалъ поблагодарить меня походнымъ экипажемъ, который и переслалъ мнѣ съ преступнымъ Масленковымъ. Предварительно довѣритель мой писалъ мнѣ нѣсколько разъ, что отправляется мнѣ на память нашей дружбы вѣнская коляска, и что онъ надѣется угодить мнѣ своимъ подаркомъ. И, несмотря на мои отвѣты, что я не имѣю надобности въ экипажѣ, который для дорогъ нашихъ неудобенъ и притомъ я привыкъ по всѣмъ его имѣніямъ ѣздить въ простой телѣгѣ, а по Земецкой волости на бѣговыхъ дрожкахъ, несмотря на неприличіе такого подарка, наконецъ явилась передъ моими окнами вѣнская коляска. Было утро, когда коляска прибыла вмѣстѣ съ бѣглымъ конторщикомъ Масленковымъ на дворъ села Земечины. Я видѣлъ, какъ высыпала конторская моя прислуга къ экипажу и какъ удалилась отъ этой дряни. Никто не рѣшился доложить мнѣ о подаркѣ, о которомъ такъ много было переписки и переписки оффиціальной. Я вышелъ, наконецъ, къ вѣнской колескѣ и, бѣгло взглянувъ на подарокъ генерала Нарышкина, сказалъ доставителю коляски, кучеру Льва Александровича, чтобы онъ отправился съ ней назадъ въ Одессу.

Это была гадость ободранная, изъѣзженная, поломанная, словомъ, него дная и для порядочной прислуги не бѣднаго дворянина. Эта коляска повела меня къ перепискѣ съ генераломъ, ему была истолкована вся оскорбительность для меня его подарка, и разсчетливый мой довѣритель, какъ и большая часть ему подобныхъ богатыхъ людей, отвѣчалъ мнѣ одно, что онъ не умѣетъ и не знаетъ, какъ мнѣ угодить. Пересланный вмѣстѣ съ коляской изъ Одессы бѣглый конторщикъ канобеевской конторы Масленковъ былъ отправленъ мною въ саратовское имѣніе для работъ на волахъ.

Скажу здѣсь, что саратовское имѣніе было ввѣрено мной въ управленіе того самого Колпинова, который находился правителемъ дѣлъ перваго главнаго управленія П. А. Габбе. Колпиновъ, по отъѣздѣ Петра Андреевича за границу, былъ отправленъ ко мнѣ съ предоставленіемъ назначить на службу соотвѣтственно его способностямъ и знаніямъ, столь высоко цѣнимымъ нашимъ общимъ другомъ Петромъ Андреевичемъ. Товарищъ конторскихъ служителей, сдѣлавшись ихъ начальникомъ, своими строгими взысканіями за пьянство, нерадѣніе, упущенія по отчетности, — вывелъ самаго буйнаго пьяницу изъ конторскихъ служителей, главнаго конторщика Стеклова, изъ терпѣнія, и этотъ, бывшій нѣкогда по конторѣ начальникомъ Колпинова, началъ тайно доносить Льву Александровичу о страшныхъ безпорядкахъ по саратовскому имѣнію отъ безсмысленнаго управленія Колпинова. Чтобы разлучить двухъ враговъ, главный конторщикъ былъ переведенъ въ кіевское имѣніе супруги Льва Александровича, а Колпиновъ безъ помѣхъ продолжалъ устройство въ степяхъ множества новыхъ деревень, и отъ ломки старыхъ селеній, изъ которыхъ переселялись крестьяне въ новыя, пришлось перестраивать по даннымъ планамъ и старыя селенія, а эта работа вела къ большому ропоту со стороны крестьянъ, которые, какъ извѣстно, тогда только скажутъ спасибо на томъ, когда обживутся на новыхъ мѣстахъ и увидятъ ощутительно пользу тягостныхъ для нихъ переселеній. Конторщикъ Стекловъ въ кіевскомъ имѣніи, куда пріѣзжалъ Левъ Александровичъ, добился, наконецъ, своими разсказами о безпутномъ управленіи Колпинова того, что довѣритель мой, не увѣдомивъ меня, отправилъ для обревизованія управленія Колпинова Михаила Ал. Моршанскаго·

Этотъ братъ по крови,—какъ называлъ его Левъ Александровичъ въ своеручномъ ко мнѣ письмѣ, поданномъ мнѣ Моршанскимъ, когда онъ, по обревизованіи саратовскаго имѣнія, явился ко мнѣ въ Земечину, — осмотрѣлъ всѣ новыя селенія, перестройку старыхъ и, какъ неожиданный ревизоръ, явился и ко мнѣ для осмотра тамбовскаго имѣнія, которымъ я уже самъ лично управлялъ. Не буду описывать, какъ горячо я принялъ къ сердцу недовѣрчивость моего довѣрителя.

Моршанскій отправился съ донесеніями въ Одессу, а я написалъ Льву Александровичу, чтобы онъ готовился пріискать для своихъ дѣлъ другое лицо вмѣсто меня, я же усталъ отъ одного чтенія тѣхъ сплетней, которыя передаются въ Одессу. Мой Левъ Александровичъ отвѣчалъ мнѣ любезностями на мое письмо и благодарилъ меня за устройство его тамбовскаго имѣнія, причемъ просилъ привести въ такой же порядокъ и саратовское его имѣніе. Отвѣтъ мой былъ, что саратовскимъ имѣніемъ я болѣе занимаюсь, чѣмъ тамбовскимъ, и онъ это долженъ видѣть изъ моихъ увѣдомленій, которыя ему посылаются съ мѣста моихъ занятій, т. е. съ Саратовскихъ степей, гдѣ селенія являются, какъ грибы, и нищета также обращается съ оброка на барщину, какъ обращена въ Шацкомъ его имѣніи; польза же такого обращенія уже доказана поправленіемъ оброчныхъ крестьянъ на барщинѣ, при которой не крадется послѣдняя овца крестьянами для уплаты оброка. Я уже говорилъ, что крестьяне на барщинѣ не несли никакихъ повинностей, ни казенныхъ, ни своихъ общественныхъ, кромѣ не отяготительной запашки на помѣщика, который и государственныя подати крестьянъ и всѣхъ родовъ подводныя повинности принималъ на себя.

XXII.

Въ 1838 году скончался въ Петербургѣ родной дядя Льва Александровича, оберъ-егермейстеръ Дмитрій Львовичъ Нарыш-

кинъ, котораго всѣ имѣнія въ разныхъ губерніяхъ, до 25 тысячъ душъ крестьянъ, состояли подъ управленіемъ Высочайше утвержденнаго попечительства, и престарѣлый оберъ-егермейстеръ получалъ отъ огромнаго своего имѣнія по назначенію попечительства на свой прожитокъ только 40 тысячъ руб. ас. Имѣніе Дмитрія Львовича было взято въ опеку по просьбѣ его супруги, Маріи Антоновны, урожденной княгини Четвертинской; Марія Антоновна пріѣзжала изъ Парижа въ Петербургъ и, по своимъ связямъ, легко устроила опеку надъ имѣніемъ своего расточительнаго супруга. Левъ Александровичъ изъ Одессы писалъ мнѣ, что онъ пріѣдетъ въ Москву къ 10-му декабря, и приглашалъ меня повидаться съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ остановится на Покровкѣ въ домѣ покойнаго брата своего, Кирилла Александровича, и гдѣ и для меня будетъ готово помѣщеніе. Несмотря на запретъ о невъѣздѣ моемъ въ три столицы, т. е. Петербургъ, Москву и Варшаву, я отправился въ путь и въ три часа утра передъ заставой вылѣзъ изъ саней, и пѣшкомъ около будки вошелъ я въ запрещенную для меня матушку-Москву. Кромѣ указа объ отставкѣ, у меня не было никакого вида, и мнѣ представлялось, что допросъ часоваго или караульнаго офицера о моей личности можетъ кончиться тѣмъ, что отправятъ меня къ коменданту. Когда я вылѣзалъ изъ саней, возница мой сказалъ мнѣ: «Да ты скажи, что хозяинъ, дай часовому пятиалтынный, тады и въ караулку не надятъ ходить, пропуститъ». Я далъ возницѣ четвертакъ на безостановочный проѣздъ, а самъ все-таки прошелъ мимо часоваго пѣшкомъ. Подъѣхавъ къ дому Кирилла Александровича Нарышкина, въ нижнемъ этажѣ я увидалъ венеціанское окно все въ свѣту отъ свѣчей на столѣ, и послѣ узналъ, что Левъ Александровичъ всталъ отъ сна и сидѣлъ уже за письменнымъ столомъ; довѣритель мой ложился спать въ 8-мь часовъ вечера и вставалъ въ три часа утра. Въ 9-ть часовъ утра я представился тому, котораго видалъ въ Варшавѣ на Саксонскомъ плацу, котораго зналъ по отзывамъ П. А. Габбе, какъ человѣка благороднаго, и въ Москвѣ увидалъ передъ собой красиваго, величаваго, любезнаго стараго воина, которому на видъ казалось не болѣе 40 лѣтъ, а ему было уже, кажется, за 60. И эта молодость была искусственная: зубы, волосы, цвѣтъ лица были не свои. Не буду описывать любез-

ностей, которыя говорятся тому, кто нуженъ расточителю любезныхъ словъ, скажу коротко, что Левъ Александровичъ вызывалъ меня на совѣтъ о выдачѣ его теткѣ, вдовѣ Марьѣ Антоновнѣ, 7-й части изъ всего имѣнія недавно скончавшагося ея мужа. Мнѣ извѣстно было только одно тамбовское имѣніе, сосѣднее съ имѣніями Льва Александровича и Кирилла Александровича, и въ одномъ изъ этихъ имѣній въ Моршанскомъ уѣздѣ было до 6 тысячъ душъ крестьянъ съ 60 тысячами десят. земли, и въ Шацкомъ тоже 6 тысячъ душъ и столько же земли, такъ что въ обоихъ уѣздахъ было 12 тысячъ душъ и 120 тысячъ десят. земли, изъ коихъ болѣе 60 тысячъ десят. лѣсу сосноваго и чернолѣсья. Послѣ многихъ соображеній и разсчетовъ, положено было назначить Марьѣ Антоновнѣ Таранжинскую вотчину, сосѣднюю съ Земецкой волостію, гдѣ въ селѣ Земечинѣ была моя постоянная штабъ-квартира, и на первое время я не отказался отъ управленія этимъ назначаемымъ Марьѣ Антоновнѣ имѣніемъ. Когда было мной замѣчено, что Марьѣ Антоновнѣ слѣдуетъ на 7-ю часть не болѣе 3-хъ тысячъ крестьянъ, а въ Таранжинской вотчинѣ всего было 6 тысячъ, то Левъ Александровичъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы настоять на выдѣлѣ ей всего имѣнія въ Моршанскомъ уѣздѣ. Левъ Александровичъ боготворилъ свою тетушку, и надобно было видѣть, съ какой страстной любовью онъ заступался за права Марьи Антоновны не только на часть имѣнія покойнаго его дяди, но и на все его имѣніе. Я замѣтилъ также, что у Дмитрія Львовича есть прямой наслѣдникъ, его сынъ, Эммануилъ Дмитріевичъ; на это отвѣтилъ мнѣ мой довѣритель рѣзко, что его не надобно имѣть въ виду.

Въ Петербургѣ товарищи по службѣ Льва Александровича были министрами, родные занимали высшія государственныя или придворныя должности, и обожаемая тетушка хотя уже и старая, но и въ старости первенствующая красавица, получила саратовское имѣніе, лучшее изъ всѣхъ имѣній, какъ оказалось по всѣмъ отчетамъ въ Петербургѣ, подъ названіемъ Рудненской вотчины, въ которой было 6 т. душъ крестьянъ и до 100 т. десятинъ земли. Сынъ Марьи Антоновны, Эммануилъ Дмитріевичъ, благородный, скромный, великодушный, не бойкій на словахъ, но умный на дѣлѣ, д о л ж е н ъ б ы л ъ согласиться на выдѣлъ столь огромнаго

имѣнія матери, которая не любила его. Послѣ такого подвига для своей тетушки, Левъ Александровичъ отправился снова на житье въ Одессу, гдѣ для Марьи Антоновны былъ устроенъ великолѣпный дворецъ, въ которомъ она жила, пріѣзжая въ Одессу изъ заграничныхъ своихъ поѣздокъ.

Для принятія въ управленіе Рудненской волости, былъ высланъ Львомъ Александровичемъ Моршанскій, который являлся ревизоромъ въ саратовскомъ имѣніи. Левъ Александровичъ поручилъ Колпинову составить подробную опись имѣнію Марьи Антоновны, и это оторвало его отъ управленія ввѣреннымъ ему мной имѣніемъ на два мѣсяца. Опись Рудненской волости знатокомъ такого дѣла, какъ Колпиновъ, была отправлена въ Одессу; Колпиновъ воротился на свое мѣсто, увѣдомивъ меня частно, что Моршанскій ни малѣйшаго понятія не имѣетъ ни о нашемъ мужикѣ, ни объ отчетности, ни о хозяйствѣ и что все при немъ еще болѣе разстроится, чѣмъ при управлявшихъ Рудненскою волостію до смерти покойнаго Дмитрія Львовича. Скоро безпорядки отъ управленія Моршанскаго сдѣлались ясными и въ Одессѣ, и состоявшій при Марьѣ Антоновнѣ генералъ Брозинъ самъ отправился для устройства управленія по Рудненской волости. Брозинъ проѣздомъ въ село Рудню прибылъ въ село Завьялово, гдѣ находился Колпиновъ. Генералъ Брозинъ вручилъ любезное письмо Колпинову отъ генерала Нарышкина, который при письмѣ, въ знакъ благодарности за составленную опись Рудненской волости, пересылаетъ ему д в а съ $^1/_2$ аршина отличнаго сукна на сюртукъ. Брозинъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ, передавая этотъ щедрый даръ честному и неутомимому труженику; онъ также хорошо зналъ, что это не есть насмѣшка Нарышкина надъ трудомъ Колпинова, но цѣликомъ вылилась душа Льва Александровича въ этихъ $2^1/_2$ аршинахъ. Колпиновъ, получивъ такой даръ, написалъ мнѣ, что бывшій господинъ его прислалъ ему на штаны $2^1/_2$ аршина сукна и что онъ теперь ждетъ холста.... Я былъ до того разсерженъ мелочностію моего довѣрителя, которому уже не разъ было писало, чтобы онъ не разорялся на подарки, до того, говорю, былъ взбѣшенъ, что при своемъ запальчивомъ письмѣ приложилъ и самое письмо Колпинова. Въ письмѣ я настоятельно требовалъ, чтобы на мое мѣсто былъ высланъ преем-

никъ мнѣ, иначе, писалъ я, дамъ приказъ во всѣ вотчинныя конторы тамбовскаго и саратовскаго имѣній, чтобы болѣе ко мнѣ не относились, а обо всемъ доносили и на все испрашивали разрѣшенія отъ самого владѣльца, бывшаго моего довѣрителя. Не моя угроза, а письмо Колпинова заставили отвѣчать мнѣ такъ: «я замаралъ мой ротъ чтеніемъ письма моего лакея и вижу, что вы, забывъ ваше древнее дворянское званіе, вошли съ моимъ лакеемъ въ такую переписку, которая заставляетъ меня предполагать, по горячему вашему участію, дружескія съ нимъ отношенія, столь неприличныя вашему званію. Я исполню въ скоромъ времени мое и ваше желаніе: васъ замѣститъ инженеръ-капитанъ Ивановъ».

До пріѣзда ко мнѣ моего преемника снова явился ко мнѣ братъ по крови и, погостивъ у меня съ недѣлю отправился не знаю куда, кажется, въ Москву, а когда въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ село Земечину г. Ивановъ, для принятія отъ меня въ управленіе тамбовскаго и саратовскаго имѣній, то г. Моршанскій снова явился и жилъ въ Моршанскѣ. Инженеръ-капитанъ Евгеній Андреевичъ Ивановъ на мѣстѣ убѣдился, что каждое имѣніе моего довѣрителя дѣйствительно каждый управляющій могъ преемнику своему сдать въ нѣсколько часовъ. Повторяю, что по выдававшимся мной довѣренностямъ каждому управляющему имѣніемъ поставлялось въ обязанность: распоряжаться частію хозяйственной по своему усмотрѣнію, а, въ случаѣ какихъ-либо нововведеній, перемѣны дѣлать съ моего разрѣшенія; сборъ денежнаго оброка производить подъ моимъ надзоромъ, причемъ казначей принимаетъ деньги, записываетъ пріемъ въ именную окладную книгу, а крестьянину—въ выданный отъ вотчиной конторы, за скрѣпой управляющаго и казначея, листокъ. Храненіе денегъ, хлѣба, матеріаловъ, вещей и вообще всего, принадлежащаго помѣщику ввѣрялось его крѣпостнымъ людямъ, избираемымъ или обществомъ, крестьянъ за ихъ отвѣтственностію за избираемаго, или самимъ управляющимъ имѣніемъ, но изъ крѣпостныхъ владѣльца, и въ такомъ случаѣ онъ не подвергалъ себя отвѣтственности за утраты имъ избраннаго. Всѣ отчеты по конторамъ были подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. управляющаго, если же онъ не былъ знатокомъ этого дѣла, то казначей, конторщикъ и письмоводитель казенной части, каждый

за вѣрность и честность своихъ отчетовъ отвѣчалъ предъ главнымъ моимъ управленіемъ, гдѣ ни одна бумага и ни одинъ отчетъ не передавались письмоводителямъ денежной, хозяйственной и казенной частей безъ моего рѣшенія. Управляющій имѣніемъ лично долженъ былъ продавать хлѣбъ и все назначаемое въ продажу по условіямъ, изъ коихъ подлинное оставлялось въ вотчинной конторѣ, а покупщику выдавалась копія за скрѣпой управляющаго и подписью казначея, и продажа дѣлалась всегда или въ вотчинной конторѣ или въ другомъ мѣстѣ, но въ присутствіи казначея. На условіяхъ покупщикъ расписывался въ выдачѣ денегъ на подлинномъ условіи, а казначей на выданной покупщику копіи. По окончаніи разсчета съ покупщикомъ, подлинное условіе при годичныхъ отчетахъ представлялось въ главное управленіе всѣми имѣніями. Въ главное управленіе вотчинныя конторы доставляли отчеты: 1) ежемѣсячно вѣдомость о приходѣ и расходѣ денегъ. 2) По истеченіи 4-хъ мѣсяцевъ такъ называемые третные отчеты о хлѣбѣ, матеріалахъ, скотѣ, птицѣ, и краткая вѣдомость о приходѣ и расходѣ денегъ по статьямъ; и 3) По истеченіи года, который начинался съ 1 іюля, статейная вѣдомость за весь годъ о приходѣ и расходѣ денегъ и повѣрочная вѣдомость всѣхъ родовъ магазиновъ и строеній, въ которыхъ всѣ вещи, равно какъ и въ домахъ, были вносимы въ описи и за утерю ихъ отвѣчали тѣ, кто былъ приставленъ хранителемъ ихъ. Чтобы оградить отъ толковъ про управляющихъ имѣніями, была установлена повѣрка честной ихъ продажи: каждому давалось право дѣлать справки съ книгами покупщиковъ, особенно купеческихъ прикащиковъ, и если оказывалось, что въ книгѣ покупщика цѣна покупки была показана выше цѣнъ, по которымъ сдѣлана продажа, тогда виноватый обнаруживался. Эта мѣра вела къ тому, что прикащики, изъ которыхъ честныхъ у насъ очень мало, рѣдко дѣлали какія-либо покупки въ имѣніи моихъ довѣрителей, а казенные хлѣбные коммиссіонеры никогда, кромѣ истинно честнаго и изумительно дѣятельнаго управленія государственнымъ коммиссаріатомъ генералъ-провіантмейстеромъ Петромъ Алексѣевичемъ Булгаковымъ. Г-нъ Ивановъ, ознакомясь чрезъ получаемые отчеты въ главное управленіе изъ всѣхъ вотчинныхъ конторъ, какъ инженеръ, которому отчетность была хорошо

извѣстна, принялъ всѣ имѣнія безъ всякихъ для меня остановокъ. Я писалъ предварительно Льву Александровичу, что готовъ до 1 мая руководить г-на Иванова по всѣмъ дѣламъ управленія его имѣніями, если онъ признаетъ мое предложеніе для себя не безполезнымъ, и этотъ вызовъ былъ принятъ моимъ генераломъ съ благодарностію. Преемникъ мой пріѣхалъ въ февралѣ мѣсяцѣ и до 1-го мая оставался при мнѣ въ видѣ помощника.

12-го мая 1840 года, проживъ въ селѣ Земечинѣ 12 лѣтъ, отправился я на своихъ подводахъ гужомъ чрезъ Пензу и Казань въ Уфу. Не буду описывать моршанскаго общества, которое вездѣ во всѣ времена и на всѣхъ своихъ ступеняхъ складывается изъ слабостей, страстей, глупостей и рѣдко согласія.

При такомъ настроеніи членовъ общества не считаю нужнымъ и ознакомливать съ лицами такого общества. Пишу это замѣчаніе въ тотъ годъ и именно 1865-й, когда великая душа нашего монарха дала намъ судебные уставы и сказала: не берите болѣе взятокъ, не воруйте общественнаго достоянія, а до этого устава взяточникъ былъ на взяточникѣ, воръ на ворѣ и съ самаго верха до самаго низа. Городничій, судья, исправникъ давали еженедѣльно такіе вечера, съ которыми не могли соперничать даже и губернскіе балы,—а между тѣмъ получали такое отъ правительства жалованье, котораго едва доставало на отопленіе ихъ помѣщеній. Не сочту однако лишнимъ замѣтить здѣсь, что устройство множества новыхъ селеній и перестройка старыхъ, несмотря на временный ропотъ крестьянъ, не вводили меня въ столкновенія ни съ губернскими, ни съ уѣздными властями, какъ въ Тамбовской, такъ и въ Саратовской губерніяхъ, а между тѣмъ все имѣніе моего довѣрителя было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ, безъ разрѣшенія котораго я не имѣлъ права ломать; власти были убѣждены, но словами, а не деньгами, что всѣ перемѣны дѣлаются для пользы крестьянъ и ихъ владѣльца. Къ чести всѣхъ властей, я не былъ ихъ данникомъ.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА.

Род. 1796 г., † 1872 г.

XXIII [1]).

Въ Уфу привезъ я съ собой тридцать двѣ тысячи рублей ассигнаціями, сбереженныхъ мной въ теченіе 12 лѣтъ отъ ежегодно получаемаго мной вознагражденія за трудъ 6.000 р. ассигнаціями, при не бѣдномъ положеніи на столовое содержаніе. Уже выше было мной замѣчено, что всѣмъ моимъ деньгамъ велся приходъ и расходъ въ Земецкой конторѣ; я хотѣлъ, чтобы и самый базаръ не толковалъ о моихъ правилахъ по своимъ правиламъ. Этотъ порядокъ отчетливости о собственныхъ моихъ деньгахъ былъ удержанъ мной въ теченіе почти сорока лѣтъ въ сложности управленія моего огромными чужими имѣніями.

Я дотащился въ Уфу на 20-й день моего выѣзда изъ Земечины, проѣхалъ безъ всякихъ бѣдъ 1.200 верстъ. Книги, которыхъ было со мной болѣе тысячи томовъ русскихъ и нѣмецкихъ, были моими собесѣдниками не только на стоянкахъ то у ручья въ полѣ, то въ грязныхъ нашихъ постоялыхъ дворахъ, но и въ самой моей крытой во всю длину фурѣ. Перекочовка пожилаго холостяка не сопряжена съ хлопотами семейнаго бѣдняка. Не рѣдко приходило мнѣ на умъ мое годичное пребываніе въ Варшавской тюрьмѣ,—гдѣ тоже книги спасали меня отъ тоски, но въ тюрьмѣ я читалъ книги и днемъ съ огнемъ, а на пути въ Уфу дышалъ свѣжимъ воздухомъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXVI, октябрь, стр. 45—80, ноябрь, стр. 294—314; изд. 1893 г., т. LXXVII, февраль, стр. 405–447, мартъ, стр. 579—615, т. LXXVIII, апрѣль, стр. 107—146.

На пути въ Уфу я вспоминалъ свою жизнь въ Моршанскомъ уѣздѣ, свои встрѣчи въ разныхъ мѣстахъ другихъ уѣздовъ и губернскомъ городѣ Тамбовѣ, и одно воспоминаніе о домѣ помѣщика Моршанскаго уѣзда въ десяти верстахъ разстоянія отъ села Земечины было для меня утѣшительнымъ воспоминаніемъ. Сосѣдъ мой, покойный Корнилій Андреевичъ Н и л о в ъ, былъ со всѣмъ своимъ семействомъ, по нравственнымъ своимъ качествамъ, исключеніемъ почти изъ числа всѣхъ моихъ прочихъ знакомствъ. Не буду описывать нашествій уѣздныхъ чиновъ на чужое достояніе, ссоры ихъ при этихъ нашествіяхъ за добычу при дѣлежѣ, не буду говорить о тѣхъ городскихъ пирахъ и часто очень роскошныхъ, которые давались на грязно-пріобрѣтенныя деньги, умолчу о нашемъ базарномъ купечествѣ, которое наживаетъ сотни тысячъ рублей обвѣшиваніемъ, обмѣриваніемъ, обсчитываніемъ, словомъ, косвеннымъ воровствомъ, за которое платятъ городскимъ и уѣзднымъ властямъ. Но придетъ, наконецъ, можетъ быть, время, когда измѣнятся наши нравы на всѣхъ ступеняхъ нашего общества, прекратятся, можетъ быть, наконецъ, взятки съ высшихъ ступеней правительства до сельскаго десятника, а до 1860 года эта язва отравляетъ еще жизнь честныхъ людей.

Въ Уфу я пріѣхалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и остановился въ особомъ передъ домомъ флигелѣ, довольно помѣстительномъ, зятя моего, уфимскаго полиціймейстера И г н а т ь е в а. Съ мѣсяцъ прожилъ я въ томъ городѣ, гдѣ, какъ и въ большей части нашихъ губернскихъ городовъ, образуется новая такъ называемая губернская аристократія послѣ каждыхъ десяти лѣтъ, и для меня все было ново, кромѣ родственныхъ двухъ, трехъ домовъ. Изъ числа новыхъ аристократовъ одинъ былъ замѣчательнымъ лицомъ, и этотъ новый аристократъ былъ откупщикъ Иванъ Ѳедоровичъ Б—с к і й. Старый мой товарищъ по воспитанію и совмѣстной поѣздкѣ моей съ своими двумя братьями въ 1815-мъ году изъ Уфы въ С.-Петербургъ, Иванъ Васильевичъ Ж у к о в с к і й, котораго я нашелъ въ Уфѣ золотопромышленникомъ, напомнилъ мнѣ о аристократѣ-откупщикѣ,—кто онъ и чѣмъ онъ былъ въ моихъ дѣтскихъ годахъ. Дядя мой, Иванъ Михайловичъ А н и ч к о в ъ, зажиточный помѣщикъ, взялъ изъ семинаріи священническаго сына въ учителя русской грамотѣ къ 6-ти-лѣтнему сыну своему Николаю, платя этому учителю по 5 р. ассигнаціями въ

мѣсяцъ, и, кажется, къ этому жалованью были прибавлены кафтанъ и сапоги. Когда двоюродный мой братъ выучился у своего учителя кой-какъ читать и писать, то дядя помѣстилъ учителя въ канцелярію губернатора Наврозова писцомъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ по губерніи, Наврозову секретарь подалъ какую-то бумагу, довольно красиво и четко написанную. Губернаторъ, узнавъ, что бумага переписана писцомъ, взятымъ въ свиту его для разныхъ послугъ, приказалъ секретарю представить писца ему, и это представленіе было началомъ счастія будущаго уфимскаго, а впослѣдствіи и столичнаго вельможи-откупщика. Наврозовъ приказалъ представленному ему писцу переписывать всегда тѣ бумаги, которыя приходилось читать ему самому. Кажется, какъ мнѣ говорили, чрезъ годъ или два — секретарь померъ, и своего писца губернаторъ назначилъ въ свои секретари. Новый секретарь въ теченіе 3-хъ или 4-хъ лѣтъ нажилъ обыкновеннымъ ремесломъ нашихъ секретарей 15 т. р. ассигнаціями. По какимъ-то дѣламъ губернаторъ своего секретаря отправилъ въ Москву, гдѣ онъ выигралъ 100 т. р. ассигнаціями. Это былъ такой шулеръ, который въ канцеляріи, бывъ еще ничтожнымъ между другими писцомъ, обыгрывалъ другихъ мальчиковъ сначала въ горку, а потомъ въ банкъ, и этимъ мастерствомъ еще въ канцеляріи до своего секретарства составилъ себѣ капиталъ въ 100 р. ассигнаціями. Возвратясь изъ Москвы со 100 т. р., смѣльчакъ, получавшій у моего дяди по 5 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ, оставилъ при губернаторѣ службу и пустился въ винный откупъ. Въ уѣздномъ городѣ Оренбургской губерніи снялъ на откупъ кабаки и отъ переселенцевъ изъ другихъ губерній пріобрѣлъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ болѣе 500 т. р. Послѣ такого пріобрѣтенія — приступилъ къ откупу кабаковъ въ большихъ размѣрахъ и отъ этого, а равно и золотыхъ промысловъ, нажилъ милліоны и вмѣстѣ съ ними чины, которые, т. е. милліоны, породнили его по бракамъ его дочерей съ такими фамиліями, у которыхъ онъ едва-ли въ первобытномъ своемъ положеніи могъ быть даже и простымъ служителемъ.

Въ числѣ другихъ моихъ знакомствъ съ чинами г. Уфы со мной познакомился предсѣдатель казенной палаты Константинъ Аѳанасьевичъ — к і й. Предсѣдатель пригласилъ меня при первомъ знакомствѣ къ себѣ на вечеръ. Въ большой залѣ — каго я ходилъ

взадъ и впередъ съ моимъ товарищемъ Иваномъ Жуковскимъ. Хозяинъ дома нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ и говорилъ, что онъ ожидаетъ пріѣзда одного лица, которое составляетъ въ числѣ другихъ его партію въ вистъ, и просилъ меня быть членомъ этого виста. Чрезъ нѣсколько времени я увидалъ, что двери передней въ залъ растворились лакеями съ большой суетливостію, и въ залъ входитъ коренастый господинъ, а за нимъ старикъ въ поношеномъ фракѣ, на лѣвой сторонѣ котораго была генеральская звѣзда. Хозяинъ встрѣтилъ коренастаго господина съ величайшей предупредительностію, а старикъ-генералъ едва былъ имъ замѣченъ. Я спросилъ Жуковскаго, что это за лицо? Жуковскій громко мнѣ отвѣчалъ такъ: «развѣ ты не узналъ того, кто у твоего дядя Аничкова училъ твоего брата Николая за 5 р. въ мѣсяцъ, а за нимъ идетъ бывшій губернаторъ Наврозовъ, у котораго онъ былъ на кухнѣ писаремъ». Я отказался отъ виста съ бывшимъ учителемъ моего брата и сѣлъ за игру съ несчастнымъ бывшимъ губернаторомъ, который предложилъ игру въ такую цѣну, чтобы достало выигрыша только на уплату за карты. Послѣ узналъ я о всѣхъ потеряхъ и по службѣ, и по имѣнію Наврозова, котораго пригласилъ къ себѣ на житье бывшій его писецъ и назначилъ ему ежегодной пенсіи въ 2 т. р. ассигнаціями. Не личныя достоинства, которыя имѣютъ право и изъ крестьянскаго сословія достигать своими заслугами до высшихъ государственныхъ чиновъ, вознесли и въ богатство и чины Б—скаго и многихъ ему подобныхъ, а кабаки, отъ которыхъ разорились наши кормильцы-пахари и будутъ разоряться, отъ которыхъ сотни тысячъ преждевременно умерли, сотни тысячъ присуждены въ Сибирь. Больно видѣть, что отъ такого промысла возвышаются Б—скіе. Прочитайте семейство Холмскихъ и ознакомьтесь съ ремесломъ Б—скихъ, Рюминыхъ, Устиновыхъ, Тулиныхъ, Атрыганьевыхъ и прочей аристократіи изъ кабака, вы съ омерзѣніемъ будете слѣдить за ихъ пріобрѣтеніями и съ болію увидите, что тѣ, на кого вы смотрите, какъ на хищныхъ звѣрей, пока еще они только простые цѣловальники въ кабакѣ, явятся предъ вами чрезъ короткое время хотя и смѣшными по своимъ кабацкимъ движеніямъ, на богатыми барами и на васъ смотрятъ со спѣсью.

Безъ дѣла—нельзя было, по привычкѣ къ дѣлу, оставаться

въ Уфѣ. Я предложилъ товарищу моему Ивану Васильевичу Жуковскому, который былъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ Уфѣ, товарищество для закупки ржаной муки съ поставкой въ Нижній-Новгородъ и даже Рыбинскъ, глядя, гдѣ будетъ предстоять болѣе выгодъ. На съѣздѣ у Жуковскаго, новые знакомцы мои вошли по подпискѣ въ товарищество со мной для заготовленія, по моему усмотрѣнію, хлѣба—на сплавъ, куда будетъ признано мной выгоднымъ. Предсѣдатель казенной палаты —кій подписалъ ассигнаціями 25 т. р., Жуковскій 25 т. р., я 25 т. р., а исправляющій должность оренбургскаго губернатора вице-губернаторъ Григорьевъ объявилъ, что онъ и радъ не отстать отъ своихъ товарищей, но у него и 2 т. р. нѣтъ. Впрочемъ, прибавилъ добрякъ, обратясь ко мнѣ,—я буду вамъ помогать моимъ мѣстомъ и все-таки подписываюсь на 2 т. р. Правила заготовленія хлѣба,—сплавъ на своихъ судахъ, были мной предварительно до составленія нашего торговаго общества написаны, оставалось только получить съ товарищей часть денегъ и оправиться въ хлѣбныя мѣста громадной Оренбургской губерніи. Скажу коротко, что товарищество наше рушилось, кромѣ —каго ни у кого не было и десятой доли тѣхъ денегъ, которыя я видѣлъ на подписи. Въ г. Стерлитамакѣ, гдѣ братъ мой Егоръ былъ судьей и куда я переѣхалъ къ нему для приведенія въ исполненіе моихъ торговыхъ оборотовъ, объяснилось, что все мною составленное товарищество введетъ меня въ однѣ денежныя потери, а потому и начались мои торговыя дѣла съ однимъ моимъ родственникомъ, подполковникомъ Капитономъ Косьмичемъ Тимашевымъ, хотя тоже не денежнымъ, но уже искусившимся въ хлѣбныхъ закупкахъ для казны. Заготовленіе мной ржи съ перемоломъ на нанятыхъ мельницахъ началось по разнымъ деревнямъ, разбросаннымъ по степямъ Оренбургской губерніи. Сотни верстъ переѣзжалъ я изъ деревни въ деревню, записывалъ мордву, чувашъ поименно въ реэстръ, выдавалъ почти всѣ деньги впередъ, договорясь въ цѣнѣ и въ поставкѣ по зимнему пути къ назначеннымъ срокамъ. Спутникомъ моимъ былъ числившійся въ уѣздномъ судѣ канцелярскимъ служителемъ Монетовъ, бойкій, смѣтливый, честный и всему простонародію извѣстный по своимъ небольшимъ торговымъ оборотамъ, а еще болѣе по постоялому его двору въ Стерлитамакѣ. Монетовъ бойко го-

ворилъ по-татарски, понималъ мордву, чувашъ и своимъ языкознаніемъ вводилъ меня въ сдѣлки съ тѣмъ народомъ, которому на слово можно было повѣрить въ исполненіи обязательствъ. Три лѣта и три зимы я искрестилъ нѣсколько уѣздовъ моей родины, ознакомился съ нравами разнороднаго населенія Оренбургской губерніи. Не буду описывать ни чувашъ, ни мордвы, ни башкиръ, словомъ, всѣхъ видовъ народнаго склада, — все это уже давно многими описано, но сознаюсь, что русскій мужичекъ въ сдѣлкахъ вездѣ опаснѣе нерусскаго человѣка. Не буду разсматривать, почему чувашанинъ, мордвинъ, мещерякъ честнѣе на дѣлѣ татарина, башкирца, почему русакъ-раскольникъ вѣрнѣе въ своемъ словѣ русака-православнаго; этотъ вопросъ разрѣшается исторіей каждаго народа и самой его вѣрой, а для разъясненія нравовъ отъ такихъ ссылокъ требуется и много знанія, и много бумаги.

Въ Стерлитамакѣ съ моимъ товарищемъ Тимашевымъ мы выстроили двѣ барки, каждую на 2.500 кулей, и двѣ купили заводскихъ, въ которыя погрузили по 2 т. кулей и съ этимъ караваномъ поплыли внизъ по рѣкѣ Бѣлой въ устье Камы для сдачи въ казну 6 т. кулей, проданныхъ нами повѣренному г-на Бенардаки, купцу Иконникову, съ полученіемъ всѣхъ денегъ впередъ. Г-нъ Бенардаки снялъ поставку всего хлѣба съ казанскихъ пристаней въ 1840 году въ казну, и мы съ Тимашевымъ отъ продажи нашихъ 6 т. кулей, въ 9 п. куль, имѣли въ виду получить барыша болѣе 40 т. р. ассигнаціями, такъ было удачно наше заготовленіе муки и продажа нашего хлѣба, но сплавъ избавилъ насъ отъ столь огромнаго барыша.

Я устроилъ себѣ въ каютѣ большой барки помѣщеніе, запасся книгами и отправился внизъ по Бѣлой для наблюденія за сплавомъ и ознакомленія съ береговыми мѣстностями Оренбургской губерніи.

Отвалъ, по нагрузкѣ хлѣба въ Стерлитамакскомъ затонѣ, гдѣ строились двѣ наши барки, показалъ уже намъ, что и то и другое на нашихъ баркахъ устроено неладно, но, исправивъ кой-какъ и то и другое, поплылъ я между извилистыхъ береговъ рѣки Бѣлой, которая въ весеннее время несется, какъ быстрый ручей. Безпрестанные проносы грозили намъ втянуть барки въ себя и посадить ихъ на мель, карши, то-есть свалившіяся деревья и пни, угрожали раз-

бить бока барокъ, но, исправляя безпрестанно и то и другое, все-таки плылъ я до того мѣста, гдѣ наконецъ ту барку, на которой я хозяйничалъ, втянуло въ проносъ, и я сѣлъ на мель. Шумъ, суета, безтолковщина показали мнѣ, что не сняться намъ съ мели, при безпрестанной убыли воды, которая обыкновенно до города Уфы накопляется отъ снѣговъ съ начала весны, а еще болѣе отъ спуска заводскихъ громадныхъ прудовъ въ верхахъ рѣки Бѣлой. Здѣсь испыталъ я всѣ муки судохозяевъ, у которыхъ, при неудачномъ сплавѣ, вся бурлацкая рабочая сила выходитъ изъ повиновенія и наконецъ разбѣгается, если судохозяинъ имѣлъ неосторожность значительную часть денегъ выдать бурлацкому сброду впередъ. Мимо сѣвшей на мель моей барки летѣли легкія заводскія барочки съ грузомъ желѣза, мой кормчій говорилъ мнѣ, что если мы въ теченіе 3-хъ дней не снимемся съ мели, тогда затонъ останется безъ воды и будетъ сухъ, какъ берегъ; теперь прошелъ послѣдній заводскій караванъ, пруды запрутъ, и Бѣлая сдѣлается въ бродъ рѣка. И точно, на третій день, барка сидѣла на островѣ, бурлаки разошлись, мнѣ съ большимъ трудомъ пришлось нанять за 10 и болѣе верстъ рабочихъ для выгрузки на берегъ кулевой муки, а кончивъ эту хлопотливую и убыточную работу, отправился я по болотамъ, береговымъ лѣсамъ въ телѣгѣ, гдѣ въ одну лошадь, гдѣ парой, какъ случалось нанять, и, протаскавшись по проселочнымъ дорогамъ болѣе 200 верстъ, наконецъ притащился въ Уфу. Не буду описывать всѣхъ нашихъ предположеній о исполненіи нашего обязательства въ сдачѣ повѣренному г. Бенардаки Иконникову проданнаго нами хлѣба; кончилось все тѣмъ, что недостатокъ купили, хлѣбъ сдали и барыша, за всѣми потерями, намъ осталось только 6 тыс. р. ассигн. Сдачу хлѣба производилъ Тимашевъ, какъ дѣлецъ въ сдѣлкахъ съ казенными коммиссіонерами, я же остался въ Стерлитамакѣ для хлопотъ съ сѣвшей баркой на мели около мѣдно-плавильнаго завода Ив. Вас. П.

Когда Тимашевъ возвратился съ устья Камы, то передалъ мнѣ мою часть барыша, и мы снова принялись за хлѣбную работу, но уже для Оренбургскаго казачьяго полка, а не въ казну, куда поставка хлѣба на 1842 годъ была взята не г-мъ Бенардаки. Не буду описывать и этой работы, столь же хлопотливой, при передачѣ рот-

нымъ командирамъ права закупки для ихъ эскадроновъ муки ими самими, сколько и при сдачѣ имъ купленнаго нами небольшаго количества хлѣба; ало у насъ вездѣ и во фракѣ, и въ мундирѣ, и въ придворной ливреѣ, слѣдовательно, ало это приходится удовлетворять по требованію ихъ высокопревосходительствъ, ихъ превосходительствъ, ихъ высокородій, высокоблагородій и ихъ благородій, иначе явный убытокъ для того, кто будетъ настаивать на честной сдѣлкѣ. Разскажу про Уфимское губернское присутствіе.

Гражданскій губернаторъ Гижицкій былъ переведенъ на ту же должность въ Симбирскую губернію, а вмѣсто его поступилъ иркутскій вице-губернаторъ Талызинъ, бывшій нѣкогда на Кавказѣ адъютантомъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ и товарищемъ предсѣдателя Уфимской казенной палаты —каго, тоже служившаго на Кавказѣ, кажется, по гражданской части. Уфимская молва передавала во всевѣдѣніе, что императоръ Николай I, бывъ въ Москвѣ, спросилъ о Талызинѣ Ермолова, какихъ онъ свойствъ, и будто бы Ермоловъ отвѣчалъ государю то же, какъ говорилъ Наполеонъ I о своемъ маршалѣ Вандамѣ: «съ большими способностями, но если бы у меня было два Талызина, то одного пришлось бы повѣсить» и еще прибавилъ, что Талызинъ, при неутомимой дѣятельности—кутила. И дѣйствительно, съ пріѣздомъ въ Уфу Талызина—начались попеременно, то у него, то у —каго, то у Б—скаго и Жуковскаго ежедневно обѣды и картежная игра, которая продолжалась до ранняго утра. Кутежъ шелъ съ 5 часовъ по полудни и нерѣдко до 5 часовъ утра, а между тѣмъ Талызинъ въ 9 часовъ утра былъ уже въ губернскомъ правленіи и своимъ крикомъ, своими толчками, наводилъ ужасъ на взяточниковъ совѣтниковъ, секретаря и другой составъ этого высшаго губернскаго правленія.

Въ губернскомъ правленіи было два совѣтника: Р—скій и Л—въ, оба изъ духовнаго званія. Люди, привыкшіе съ дѣтскихъ лѣтъ со своими отцами обирать своихъ прихожанъ всевозможными взятками, доползши до высшихъ мѣстъ губернскаго правленія, смѣло налагали подати на исправниковъ, городничихъ и вообще всякаго рода просителей, и этимъ ремесломъ составили себѣ большую деньгу, особенно Л—въ, у котораго была луч-

шая часть въ губернскомъ правленіи по части взятокъ. Талызинъ объявилъ этимъ двумъ молодцамъ, что съ этого времени руки у нихъ связаны, но молодцы губернскаго правленія что-то снова нагрѣшили, и ихъ губернаторъ призвалъ въ свой кабинетъ, гдѣ ругалъ ихъ такъ громко, что ожидавшіе въ залѣ разныхъ родовъ просители слышали, какъ послѣ объяснилось, отборную брань губернатора и видѣли, какъ обоихъ совѣтниковъ вытолкнулъ онъ изъ кабинета пинками. Совѣтникамъ было объявлено губернаторомъ, чтобы они подавали въ отставку, если не хотятъ навязать себѣ на шею такого слѣдствія, которое откроетъ всѣ средства ихъ пріобрѣтеній. Совѣтники повиновались и приготовились къ отставкѣ, но покудова писали они прошеніе, Талызинъ пріобрѣлъ себѣ болѣе сильнаго врага въ своемъ старомъ по Кавказу товарищѣ, —ком. Предсѣдатель казенной палаты, очень любезный въ обхожденіи, былъ также большой грѣшникъ по всѣмъ дѣламъ казенной палаты. Талызинъ и ему объявилъ, чтобы онъ, старый его другъ, прекратилъ дальнѣйшія пріобрѣтенія тѣми способами, какими до него составилъ себѣ большое состояніе, и —кій, какъ человѣкъ умный, не сердился до случая на предостереженіе того, съ кѣмъ былъ обоюдно на «ты». Случай — кому и другимъ, кому препятствовалъ губернаторъ къ беззаконіямъ, не замедлилъ явиться. Талызинъ устроилъ пикникъ за городомъ на берегу р. Бѣлой, не въ дальнемъ разстояніи отъ большаго селенія казенныхъ крестьянъ. На пикникъ пріѣхали —кій, Жуковскій, полковой командиръ Казачьяго полка, баронъ Корфъ съ женой и еще, не помню, кто-то со своими женами. Музыка гремѣла, вино лилось, подчиванье обносилось, а кругомъ этого веселья крестьянскія дѣвушки и женщины стояли, любовались весельемъ господъ и, по призыву господъ, пѣли веселыя пѣсни. Талызинъ въ порывѣ веселья взялъ одну дѣвушку за руку, вывелъ ее предъ своими гостями, крикнулъ музыкантамъ, чтобы играли «барыню» и пустился въ присядку съ такимъ усердіемъ, что свалился съ ногъ. Гости губернатора подняли, посадили въ карету, и вся веселая компанія разъѣхалась по домамъ. Пляска на берегу р. Бѣлой была въ іюлѣ мѣсяцѣ, я пріѣхалъ въ сентябрѣ въ Уфу, гдѣ обыкновенно, какъ уже сказалъ, останавливался въ кабинетѣ дома Тимашева. На другой день я отправился къ старому товарищу Жуков-

скому и довольно рано утромъ нашелъ у него въ кабинетѣ двухъ совѣтниковъ, Р—скаго и Л—ва, у которыхъ въ рукахъ была какая-то бумага. Слово за слово, дошло и до разсказа о пляскѣ губернатора, и откровенный мой товарищъ объявилъ мнѣ, что такое неприличіе дойдетъ до свѣдѣнія государя. Я имѣлъ довольно вліянія на моего Жуковскаго и въ рѣзкихъ словахъ объяснилъ ему, что такой доносъ можетъ пойдти только съ базара, а вѣрно не изъ его кабинета. Совѣтники, услыхавъ такой приговоръ съ приготовленнымъ уже безъименнымъ доносомъ въ рукахъ, и какъ послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, подъ редакціей сговорчиваго Жуковскаго, раскланялись со мной и отправились въ свои норы. Въ 12-ть часовъ пополудни я сидѣлъ въ кабинетѣ, ко мнѣ вошелъ Тимашевъ съ —кимъ. Послѣ взаимныхъ любезностей, —кій началъ мнѣ разсказывать о пляскѣ на р. Бѣлой, описывалъ Талызина, какъ человѣка буйнаго, пьянаго, недостойнаго быть въ обществѣ порядочныхъ людей, и во время его разсказа о всѣхъ неприличіяхъ стараго своего кавказскаго товарища вошелъ ко мнѣ Жуковскій. Разговоръ продолжался о Талызинѣ, и всѣмъ описаніямъ разнородныхъ проступковъ его —кимъ были свидѣтелями Тимашевъ и Жуковскій, который не разъ мнѣ указывалъ на —каго, какъ на безпристрастнаго судію своего кавказскаго товарища. Я отправился назадъ въ Стерлитамакъ, и чрезъ нѣкоторое время молва огласила, что надъ губернаторомъ будетъ произведено по Высочайшему повелѣнію слѣдствіе сенаторомъ. Когда былъ отправленъ безъименный доносъ о Талызинѣ государю императору, въ то время, за отсутствіемъ государя за-границу, исправлялъ царскую тяжелую обязанность государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ. Цесаревичъ, получивъ доносъ, приказалъ шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу, узнать чрезъ уфимскаго жандармскаго штабъ-офицера: насколько можно дать вѣры доносу. Въ доносѣ были доказываемы и насилія губернатора надъ мѣщанскими дѣвушками, и его буйное пьянство, и его оскорбленія служащимъ по разнымъ вѣдомствамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ описана во всей подробности пляска на берегу р. Бѣлой. Штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, подполковникъ Краевскій, противникъ губернатора, донесъ графу Бенкендорфу о дѣйствительной пляскѣ Талызина на р. Бѣлой, а о про-

чихъ его поступкахъ не доносилъ ясно, за неимѣніемъ положительныхъ на нихъ доказательствъ. По возвращеніи государя изъ-за границы, было повелѣно отправиться сенатору Пещурову въ Оренбургскую губернію для произведенія слѣдствія надъ губернаторомъ Талызинымъ и его управленіемъ губерніей. Сенаторъ, кажется, въ октябрѣ или ноябрѣ пріѣхалъ въ Уфу; на столъ поставлено было зерцало, слѣдствіе о пляскѣ началось. Свидѣтели пляски показали подъ присягой и самыя дамы, что пляски совсѣмъ не было, крестьянская дѣвушка на очной ставкѣ съ губернаторомъ тоже объявила, что она даже его не видала и не знаетъ, одинъ Жуковскій настаивалъ на справедливости доноса о пляскѣ, а въ доказательство своего показанія приводилъ, наконецъ, разсказъ —каго мнѣ, въ присутствіи его и Тимашева, о пляскѣ и всѣхъ неприличіяхъ губернатора и просилъ письменно дать мнѣ очную ставку съ предсѣдателемъ казенной палаты, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ —кимъ. Прошеніе сенатору Жуковскимъ объ очной ставкѣ со мной —каго было подано за два дня до моего пріѣзда изъ Стерлитамака въ Уфу въ декабрѣ мѣсяцѣ. Показаніе мое сильно могло повредить —кому, и всѣмъ было извѣстно, что я лгать не буду, но случай,—эта выручка многихъ неправдъ,—помогъ сенатору устранить меня отъ очной ставки съ предсѣдателемъ казенной палаты. Въ Уфѣ былъ клубъ, гдѣ я никогда не былъ, ко мнѣ пріѣхалъ другъ Жуковскаго, предводитель уфимскаго дворянства, упросилъ меня отправиться съ нимъ въ клубъ, и я рѣшился посмотрѣть на собраніе клуба. При входѣ въ залъ, я увидалъ передъ собой сидящимъ, кажется, на стулѣ высокаго старика съ огромнымъ горбомъ на спинѣ, съ двумя звѣздами на груди, и около его съ одной стороны откупщика Б—скаго, съ другой едва-ли не жену его — это былъ сенаторъ Пещуровъ. Нѣсколько моихъ знакомыхъ окружили меня, а кто-то довольно громко доложилъ сенатору—это г. Веригинъ. Чтобы не быть выставкой любопытства, особенно дамъ, которыхъ я не зналъ, да и знать не считалъ нужнымъ, я перешелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ составился для меня преферансъ, и игра продолжалась до разъѣзда клубнаго собранія. Предводитель во время моей игры отправился къ Жуковскому, котораго я не нашелъ въ клубѣ. Къ

концу игры моей въ преферансъ я увидалъ предъ собой огромный подносъ съ кондитерскими сластями всѣхъ родовъ, а сзади Жуковскаго, который, потрепавъ меня по плечу, сказалъ громко такъ, чтобы и сенаторъ слышалъ: «я для тебя пріѣхалъ, Веригинъ, бери, это для тебя». Замѣчу, что добрые знакомые изъ состраданія къ его семейству нерѣдко старались удержать дома золотопромышленника, когда же не могли въ этомъ успѣть и Жуковскій являлся въ клубъ, то не было конца его подчиванью всѣхъ и каждаго, и такое подчиванье стоило гостепріимному моту нерѣдко отъ 200 до 300 р. Жуковскій и общій нашъ пріятель, маіоръ Казачьяго полка Верстовскій, братъ извѣстнаго музыканта, тоже мнѣ нѣкогда не чужой, настояли, чтобы я остался на заказанный ужинъ 12-ю пріятелями, въ число которыхъ по заказу включили и меня, въ увѣренности, что я не откажусь отъ тѣхъ, кто меня любитъ. Я согласился, пиръ начался и продолжался до 6-ти часовъ утра. Я никогда не видалъ, чтобы шампанское въ теченіе 6-ти часовъ могло быть вылито въ такомъ количествѣ бутылокъ, какое увидалъ я на другой день въ поданномъ мнѣ счетѣ; на одну мою часть досталось заплатить 60 руб., включая сюда и самый ужинъ. Расходчикъ буфета объявилъ мнѣ, что Иванъ Васильевичъ изволилъ проподчивать своимъ благопріятелямъ — господамъ, музыкантамъ и кучерамъ, слишкомъ тридцать бутылокъ одного шампанскаго; музыканты, кучера, лакеи — всѣ пили шампанское, кромѣ другихъ винъ. Жуковскій, напившись до-пьяна, дѣлался до того буйнымъ, что никакая власть не могла удержать его въ иномъ случаѣ отъ самой драки, въ другихъ случаяхъ отъ самыхъ шумныхъ ссоръ, и отъ того этотъ человѣкъ былъ всегда жертвой тѣхъ пройдохъ, которые пользовались щедростью пьянаго буяна. Мнѣ разсказывали, что онъ десятками раздавалъ въ пьяномъ своемъ видѣ паи своимъ льстецамъ, а паи эти приносили десятки тысячъ рублей отъ открытаго Жуковскимъ въ Оренбургской губерніи золотаго промысла, и между его льстецами, которые угощали въ первыхъ порахъ его золотопромышленности роскошными пирами, были по мѣсту и чинамъ очень значительные люди, начиная отъ Оренбурга до Петербурга. Уже и въ мою бытность въ Уфѣ этому золотопромышленнику не было ссудъ и подъ самые векселя,

а картъ ему не предлагали; онъ долговъ не платилъ, проигрывалъ въ карты сколько угодно, а для расплаты всегда бумажникъ его былъ пустъ. На третій день нашей шумной пирушки сдѣлалось извѣстнымъ, что —кій устранилъ меня отъ свидѣтельства, ссылаясь на нашъ кутежъ, на которомъ какъ-будто хотѣли задобрить меня для несправедливаго показанія противъ —каго. Противная сторона Жуковскаго была рада пирушкѣ, которою я устранялся отъ свидѣтельства; я былъ очень доволенъ, что избавляюсь отъ правдивой для себя, для —каго лживой присяги, а потомъ непріятно было уличать въ неправдѣ человѣка, съ которымъ я былъ до сенаторскаго слѣдствія въ хорошихъ отношеніяхъ, Жуковскій же не настаивалъ болѣе на очной ставкѣ со мной его противника; онъ убѣдился, сколь унизительно для меня быть на этой судебной выставкѣ, гдѣ добивались одной неправды. По слѣдствію сенатора Пещурова, все оказалось или ложью, или клеветой, или злобой взяточниковъ, которыхъ истреблялъ губернаторъ, и это слѣдствіе кончилось тѣмъ, что Талызинъ получилъ Станислава 1-й степени, жандармскій штабъ-офицеръ Краевскій былъ отставленъ, два взяточника-совѣтника вышли въ отставку, а Жуковскаго хотя и грозились перевести на жительство въ другую губернію за неспокойный его характеръ, но, зная его отвѣтную угрозу разрубить Талызину лобъ топоромъ, оставили кутилу, чтобы онъ снова сдружился съ собутыльникомъ своимъ Талызинымъ. Въ зиму сенаторскаго слѣдствія я получилъ за карточнымъ столомъ у Тимашева въ Уфѣ три письма: одно отъ Льва Кирилловича, другое отъ Эммануила Дмитріевича Нарышкиныхъ и третье отъ Ивана Ѳедоровича Похвиснева. Всѣ эти лица приглашали меня, кромѣ Льва Кирилловича, для управленія ихъ имѣніями, а Левъ Кирилловичъ предлагалъ мнѣ управленіе его саратовскими степями на условіяхъ, какія мнѣ угодны, съ своей же стороны готовъ былъ согласиться со мной на всѣ посѣвы и сдачи участковъ громадной его степи для раздѣла барышей. Левъ Кирилловичъ былъ мнѣ коротко знакомъ и всегда былъ ко мнѣ дружески расположенъ; Похвиснева я зналъ, какъ въ комедіи Грибоѣдова Фамусова, а письмо Э. Д. Нарышкина наполнено было такой откровенностію о его разстроенныхъ

по всѣмъ имѣніямъ дѣлахъ, такой довѣрчивостію къ моимъ правиламъ и умѣнью моему возстановлять разстроенныя имѣнія, что я рѣшился принять его огромныя имѣнія въ свое управленіе. Я не отвѣчалъ на письма ни Льва Кирилловича, ни Похвиснева, а написалъ Эммануилу Дмитріевичу, чтобы онъ мнѣ выслалъ довѣренность на управленіе его тамбовскими и саратовскими имѣніями въ гор. Стерлитамакъ, а на проѣздъ до села Тараксы 1 тысячу р. ас. Вскорѣ послѣ отправленія моего отвѣта Э. Д. Нарышкину, въ Стерлитамакъ пріѣхалъ братъ жены моего брата, подполковникъ Аеан. Григорьев. Скрябинъ, съ предложеніемъ отъ новаго начальника Оренбургской губерніи, военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Обручева, нѣкогда бывшаго сослуживцемъ Скрябина, принять мнѣ на себя поставку яровыхъ сѣмянъ на всѣ башкирскіе кантоны для обсѣмененія ихъ полей, чѣмъ хотѣли пріучить къ осѣдлости кочующихъ въ лѣтнее время по степямъ башкирцевъ. Предложеніе было очень выгодно, мнѣ выдавалось впередъ безъ всякаго залога 200 тысячъ руб, но боязнь отъ поздняго заготовленія (предложеніе дѣлалось въ началѣ марта) не отвѣтить ожиданіямъ благороднаго и до фанатизма честнаго Обручева заставила меня уклониться отъ поставки башкирцамъ сѣмянъ, а еще болѣе данное мной слово Э. Д. Нарышкину принять его дѣла на свою шею. Впослѣдствіи я узналъ, что бывшій моимъ повѣреннымъ по покупкѣ у татаръ хлѣба, ловкій и бойкій татаринъ Вядзяповъ, принялъ заготовленіе башкирцамъ сѣмянъ и отъ этой хлѣбной операціи пріобрѣлъ барыша болѣе ста тысячъ руб. асс. Судьба, которую римляне называли Fatum, не выдвигала вообще родъ Веригиныхъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ моихъ однофамильцевъ, въ теченіе 600 лѣтъ, т. е. со времени въѣзда изъ Польши въ Россію предка и родоначальника нашего Дементія Ермолаевича, на ту ступень, которая возвышаетъ роды или чинами, или богатствомъ, хотя предокъ нашъ явился къ великому князю Дмитрію Переяславскому не простымъ шляхтичемъ, какъ видно изъ нашей родословной. Дементій Ермолаевичъ, какъ видно изъ прошенія Ивана Веригина, поданнаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ для внесенія рода Веригиныхъ въ бархатную книгу, былъ похороненъ въ Новгородѣ у Софіи Премудрости, а у Софіи

*

Премудрости хоронили только самыхъ почетныхъ лицъ. Впрочемъ, можетъ быть, дѣти Дементія Ермолаевича духовенству много дали денегъ, чтобы прахъ ихъ отца лежалъ у Софіи Премудрости: вѣдь у насъ не было и едва-ли будутъ векфильдскіе священники.

XXIV.

23-го марта я выѣхалъ изъ Стерлитамака, взявъ съ собой 42 тысячи руб. асс., 24-го приготовился въ Уфѣ въ дорогу, а 25-го отправился въ Моршанскій уѣздъ, Тамбовской губерніи. Помощникъ губернскаго почтмейстера, двоюродный братъ мнѣ, Мисайловъ, пріятель мой Жуковскій удерживали меня отъ поѣздки въ столь дальній путь до весны; одинъ говорилъ, что третій день почта опоздала, другой ссылался на дорожныя бѣдствія пріѣхавшихъ изъ Бугульмы, но мной было рѣшено, если благополучно проѣду первую станцію, тогда хотя пѣшкомъ доберусь до того имѣнія, гдѣ предстоятъ весенніе посѣвы и множество приготовительныхъ работъ къ дальнѣйшимъ работамъ, но если буду тонуть на каждой верстѣ, тогда ворочусь въ Уфу, отправлю Э. Д. Нарышкину обратно довѣренность и путевыя одну тысячу руб. съ извѣстіемъ, что судьба указала мнѣ на Уфу, а не на Тараксу. До первой станціи я добрался по льду р. Бѣлой безъ бѣдъ. Здѣсь объявилъ мнѣ станціонный смотритель, что нѣтъ возможности проѣхать одинъ оврагъ, гдѣ вчера въ ночь утонуло два монаха на пути въ Уфу, и что вообще повсюду страшныя зажоры до самой Бугульмы, до которой мнѣ слѣдовало ѣхать 180 верстъ. Имѣя отъ брата Мисайлова записку ко всѣмъ станціоннымъ смотрителямъ о дачѣ мнѣ безостановочно лошадей сколько мнѣ потребуется, лошади мнѣ были даны, и я пустился въ путь ночью въ объѣздъ того страшнаго оврага, гдѣ утонули монахи; бѣды грозили почти на каждой верстѣ, но коекакъ добрался я и до второй станціи. Наконецъ дотащился до Бугульмы, гдѣ было мнѣ объявлено, что до Казани почтовое сообщеніе прекратилось, а между тѣмъ замѣчу и то, что мной не была взята

подорожная; я получалъ лошадей, несмотря ни на какія путевыя опасности, только по запискѣ грознаго помощника губернскаго почтмейстера Алексѣя Андр. Мисайлова, гроза же эта прекращалась съ въѣздомъ въ Казанскую губернію. Я рѣшился ѣхать прямымъ на Симбирскъ путемъ, который лежалъ на Мелихаскій казенный винокуренный заводъ, и гдѣ на саняхъ, гдѣ на телѣгѣ, съ угрозой при каждой перемѣнѣ лошадей, что ѣду по казенной надобности, наконецъ пріѣхалъ къ старому своему по казанской гимназіи товарищу, уѣздному предводителю дворянства Михаилу Никол. Кирееву, съ которымъ обнялись мы, какъ друзья нашего минувшаго дѣтства. Киреевъ удерживалъ меня остаться у него въ прекрасномъ его помѣщеніи до весны, объявивъ мнѣ, что нѣтъ возможности переѣхать чрезъ Волгу, а въ доказательство приводилъ мнѣ одно дѣло, по которому онъ долженъ ѣхать на слѣдствіе съ двумя присланными къ нему жандармами, и что, несмотря на всю важность дѣла, онъ не рѣшается утонуть въ зажорѣ. Два дня жилъ я у словоохотливаго Киреева въ разсказахъ другъ другу о нашей жизни, на третій посланный его объявилъ мнѣ, что противъ какого-то селенія въ затонѣ Волги рѣка отъ льда очистилась, а по затону на салазкахъ версты полторы довозятъ до рѣки, гдѣ для перевозки приготовлена рыбачья лодка. Сколь ни страшенъ былъ такой путь, я отправился въ телѣгѣ на такъ называемый курганъ передъ затономъ р. Волги. Въ Уфѣ я оставилъ своего служителя по неимѣнію мѣста даже и на козлахъ, а взялъ съ собой молодаго учителя моего племянника, котораго обѣщалъ довезти до Моршанска, а оттуда отправить въ Петербургъ. Этотъ молодой человѣкъ, не болѣе 20-ти лѣтъ, былъ истиннымъ для меня въ дорогѣ мученіемъ; ничего не испытавшій, вялый, боязливый, связывалъ меня, какъ говорится, по рукамъ и ногамъ. Чемоданъ мой два отчаянныхъ рыболова уложили на салазки, и я съ моимъ ментором пошелъ за салазками пѣшкомъ по зимней дорогѣ на затонъ. Когда мы прошли уже съ версту, я увидалъ, что по обѣ стороны дороги въ отверстіяхъ выскакиваетъ вода; на мой вопросъ, отчего это показывается вода въ дырахъ, возница отвѣчалъ такъ: «ишъ она дышетъ, ту-та по сторонамъ не ледъ, а ужь каша-кашей, вотъ она и дышетъ, а зимникъ еще ничего». При-

знаюсь, этотъ отвѣтъ указывалъ мнѣ смерть, а мой сопутникъ едва могъ быть стащенъ съ мѣста, чтобы дойти до лодки, воротиться же назадъ было и дальше, и небезопаснѣе. На лодку спустили насъ по доскамъ, и мы поплыли рѣкой къ Симбирску болѣе 2-хъ верстъ; одинъ рыбакъ на кормѣ, другой съ 2-мя веслами, и тотъ и другой отталкивали набѣгавшія льдины или обплывали слишкомъ большія и такимъ образомъ доплыли къ крутому въѣзду города Симбирска отъ берега р. Волги. Въ Симбирскѣ сѣлъ я въ почтовую телѣгу и уже вплоть до села Тараксы г. Нарышкина ѣхалъ, гдѣ на почтовыхъ, гдѣ на вольныхъ въ телѣгѣ въ такую распутицу, когда и мужикъ перестаетъ навѣщать сосѣдній кабакъ. При самомъ въѣздѣ въ моршанское имѣніе Э. Д. Нарышкина, я въ поляхъ его увидалъ несвязанныя осенью копны ржи и овса, и это тянулось по всему имѣнію на протяженіи 80-ти верстъ. Въ с. Тараксу я пріѣхалъ 14-го апрѣля на другой день Святой недѣли, и чрезъ два дня отправился чрезъ Моршанскъ въ село Канобеево, гдѣ было главное управленіе всѣми имѣніями моего новаго и еще очень молодаго довѣрителя. Предмѣстникъ мой, Никол. Никол. фонъ-Штемпель, принялъ меня, какъ ожидаемаго своего преемника. Штемпель, огромнаго роста, тучный, необыкновенно сильный, до того сильный, что отъ щелчка его падалъ на землю провинившійся предъ нимъ, во всей силѣ слова благородный, честный до бѣшенства, былъ несчастливъ въ теченіе своего 3-хъ-лѣтняго управленія всѣми имѣніями Э. Д. Нарышкина.

Штемпель, въ душѣ нѣмецъ, замѣщалъ должностныхъ лицъ только тамъ русскими, гдѣ нѣмецъ не былъ способенъ къ дѣлу, и отъ того во всѣхъ участкахъ въ 1.000 душъ были начальниками поставлены нѣмцы, а отчетность ввѣрена была крѣпостнымъ писарямъ. Штемпель въ русскомъ гражданскомъ чиновничествѣ и даже въ самомъ военномъ зналъ по собственному опыту одно мошенничество, ложь, обманы, кражу, утайки, но не хотѣлъ сознаться, что нѣмцы точно честны у насъ въ Курляндіи, Эстляндіи, словомъ, на своей родинѣ, а въ русской службѣ они то же, что и русскіе, даже счастливѣе и безопаснѣе русскихъ въ своихъ пріобрѣтеніяхъ, подъ покровительствомъ нашего правительства. Русскій мужикъ безъ ро-

пота ненавидитъ нѣмца, и отъ того барщина съ нѣмцемъ идетъ еще хуже, чѣмъ при русскомъ надзорѣ. Странно было для меня, что болѣе честный человѣкъ, какъ Штемпель, хлѣбъ въ Тамбовскомъ имѣніи продавалъ не самъ, а поручалъ это участковымъ управляющимъ, изъ которыхъ иные были слишкомъ глупы для нашихъ смѣтливыхъ купчиковъ, а другіе имъ на плутни съ руки. Моршанское имѣніе, подъ названіемъ Тараксинская вотчина, состояло изъ 6 тысячъ душъ крестьянъ и до 60 тысячъ десятинъ земли пашенной и лѣсной, и по числу душъ изъ небольшаго числа луговъ, большей частію въ лѣсахъ. Не столько такъ называемый для Тараксинской вотчины голодный 1842-й годъ, какъ распоряженіе управленіемъ селеніями были причиной, что до 400 тяголъ были въ отлучкѣ, или, лучше сказать, въ бѣгахъ, и до 1.000 тяголъ изъ числа 2.700 совершенно безъ лошадей, которыя большей частію издохли отъ безкормицы. Безлошадность по Тараксинской вотчинѣ породила толки, что вмѣсто лошадей по двѣ бабы запрягаютъ въ оглобли крестьянской сохи и этимъ способомъ обработываютъ поля, на которыхъ къ моему пріѣзду большая часть ржаныхъ копенъ и часть яровыхъ находилась на тѣхъ десятинахъ, съ которыхъ должно было убрать копны, потомъ вспахать ихъ и засѣять. Толки о пашнѣ на бабахъ была базарная клевета, столь свойственная базарному обществу, но эти толки разнеслись по Москвѣ и Петербургу, и они заставили терпѣливаго помѣщика Тараксинской вотчины согласиться со взглядомъ своихъ родныхъ на неудачное управленіе г. фонъ-Штемпелемъ. Послѣ этихъ толковъ, я былъ приглашенъ для управленія Тамбовскими и Саратовскими имѣніями съ вознагражденіемъ 12 тысячъ руб. асс. и достаточной провизіей для стола. Неясность въ чемъ-либо у повѣреннаго съ своимъ довѣрителемъ всегда ведетъ къ размолвкѣ и даже у честнаго съ честнымъ. Впрочемъ, не одни толки о пашнѣ на бабахъ и побѣгахъ въ большихъ размѣрахъ отъ нищеты заставили пригласить меня, но накопившіеся и частные и казенные долги отъ ничтожныхъ со всѣхъ имѣній доходовъ наиболѣе были причиной грошовыхъ ко мнѣ во всемъ любезностей.

Во время моихъ поѣздокъ изъ Моршанскаго въ Шацкое имѣніе

старое мое знакомство въ Моршанскѣ обняло меня по-старому, безъ всякихъ видовъ на занятое мной мѣсто, но надъ старымъ моимъ знакомствомъ нависла гроза. Послѣ отъѣзда тамбовскаго губернатора Корнилова въ Петербургъ для того, чтобъ его мѣсто занялъ другой, былъ присланъ изъ Петербурга, для обревизованія всѣхъ присутственныхъ по уѣздамъ мѣстъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Булгаковъ. Чиновникъ министерства пріѣхалъ въ Тамбовскую губернію не для взятокъ, а для того, чтобы за свои открытія разныхъ злоупотребленій по уѣздамъ получить впослѣдствіи мѣсто губернатора, которое и получилъ по Симбирской губерніи. Булгаковъ сдружился съ моршанскимъ откупщикомъ, подполковникомъ Николаемъ Васильевичемъ П—вымъ, а П—въ считалъ своимъ главнымъ врагомъ перваго уѣзднаго судью, Б. В—ра, бывшаго по Моршанскому уѣзду 12 лѣтъ исправникомъ и очень смѣлаго, подъ покровительствомъ губернскаго правленія, на всѣ грабежи, другаго врага исправника, штабсъ-капитана артилеріи К—в а. Надобно ознакомиться со всѣми кабаками во время продолжительнаго откупа сенатора К. въ товариществѣ съ П—вымъ, чтобы оцѣнить всю гибель для нравственности и имущества нашихъ крестьянъ, а П—въ былъ изъ числа тѣхъ, которые всѣ средства считаютъ позволительными, только бы нажить милліонъ. При разговорѣ со мной о нищенствѣ крестьянъ отъ нашихъ винныхъ откуповъ, онъ не постыдился заключать свои оправданія о закладахъ въ его кабакахъ крестьянскихъ зипуновъ, кушаковъ и другой крестьянской необходимости такимъ восклицаніемъ: «Николай Викторовичъ, дайте мнѣ милліонъ, передъ милліономъ все склоняется, а чтобы пріобрѣсти милліонъ, я готовъ подвести мою родную дочь

Судьи и исправникъ, служившіе по выборамъ дворянства и подъ покровительствомъ такихъ секретарей губернскаго правленія, какъ г. Б—нъ, смѣло окладывали откупщика большими требованіями, но зато и откупщикъ ловко воспользовался падкимъ на шампанское ревизоромъ. Булгакову не тяжело было раскрыть всѣ гадости нашего судьи и исправника, чтобы упечь ихъ, какъ онъ мнѣ, при свиданіи со мной, выразился,—въ Сибирь. Между множествомъ смѣлыхъ дѣйствій на чужую собствен-

ность исправника, была нападка его на Моршанское имѣніе моего довѣрителя Э. Д. Нарышкина. Еще до моего пріѣзда въ с. Тараксу, К—въ описалъ овесъ и гречу помѣщика за большую недоимку подушныхъ податей на его крестьянахъ и продалъ сѣменной хлѣбъ съ торговъ; это было сдѣлано безъ разсмотрѣнія губернскаго правленія, и въ этомъ самовольствѣ былъ главный проступокъ исправника, поссорившагося съ своимъ бывшимъ другомъ, моимъ предшественникомъ г. фонъ-Штемпелемъ. Предшественникъ мой приготовилъ просьбу въ губернское правленіе о поступкѣ К—ва и для подачи передалъ мнѣ эту просьбу. Я не считалъ полезнымъ для столь разстроеннаго имѣнія, какъ Тараксинская вотчина, въ числѣ ея 6 тысячъ душъ крестьянъ, давать ходъ просьбѣ г. Штемпеля и вооружать противъ себя К—ва, бывшаго со мной въ хорошихъ отношеніяхъ. Рѣшеніе мое было извѣстно врагу К—ва, откупщику П—ву, и онъ убѣдилъ ревизора Булгакова свидѣться со мной для убѣжденія меня къ подачѣ просьбы. Въ 4 часа утра служитель мой вошелъ ко мнѣ въ спальню и объявилъ, что ко мнѣ пріѣхалъ ревизующій Тамбовскую губернію статскій совѣтникъ Булгаковъ. При самомъ началѣ нашего разговора объявлено было ревизору, что просьба не будетъ подана и на замѣчаніе Булгакова о вредѣ на будущее время для имѣнія отъ чиновниковъ земскаго суда, при снисходительности моей къ ихъ беззаконнымъ дѣйствіямъ, было мной рѣзко отвѣчено, что мое дѣло отвращать всякое зло отъ ввѣренныхъ мнѣ въ управленіе имѣній и, если не съумѣю побороть зло, съ какой бы оно ступени ни сходило, тогда оставлю имѣнія и возвращусь къ той жизни, гдѣ не буду встрѣчаться ни съ нахальствомъ, ни съ взяточничествомъ нашихъ подъячихъ. Разговоръ окончился такимъ уваженіемъ къ моему образу мыслей о всякаго рода правительственной власти, что ревизоръ Тамбовской губерніи прочиталъ мнѣ секретное наставленіе министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствія свои по обревизованію уѣздовъ, объ открытіяхъ своихъ разныхъ злоупотребленій чиновниковъ земскаго суда и кончилъ предсказаніемъ, что К—въ и Б. В—ръ будутъ въ Сибири. И, дѣйствительно, впослѣдствіи Б. В—ръ, по справедливому настоянію во всѣхъ высшихъ правительствен-

ныхъ мѣстахъ вновь прибывшаго тамбовскаго губернатора, Петра Алексѣевича Булгакова, былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и ссылкѣ въ Сибирь, но по ходатайству всесильнаго — га и Б—хъ оставленъ былъ при императорѣ Николаѣ на жительство въ Моршанскѣ, а при вступленіи на престолъ нынѣшняго императора Александра Николаевича возвращены были ему чины, но съ тѣмъ, чтобы не допускать его ни къ какимъ правительственнымъ мѣстамъ, К—въ же былъ только удаленъ отъ должности исправника и тоже безъ правъ на поступленіе въ какую-либо государственную службу. Б. В—ръ былъ женатъ на побочной дочери моршанскаго помѣщика П—ва, случайно женатаго на дочери богатаго помѣщика, также моршанскаго по жительству своему уѣзда, П., и когда жена П—ва, наслѣдовавъ половину имѣнія своего отца, бросила своего до пошлости глупаго стараго мужа и переѣхала на житье въ Петербургъ, въ то время дочери ея, готовившіяся, по своему положенію, для моршанскихъ жениховъ, вышли замужъ. Послѣ этого немудрено, что нашъ бывшій исправникъ и судья Б. В—ръ за всѣ свои проказы, столь гибельныя для многихъ жителей Моршанскаго уѣзда, былъ помилованъ и продолжалъ жить въ Моршанскѣ, но уже не съ тѣми деньгами, какія имѣлъ во время своей службы; уголовная палата и сенатъ очень облегчили его карманъ, а онъ возилъ его съ собой и въ Тамбовъ, и Москву, и Петербургъ. Какихъ чудесъ не творили при Людовикѣ XV Помпадуръ, Дюбарри, а гдѣ ихъ нѣтъ?

Но, къ дѣлу.

Во всѣхъ имѣніяхъ петербургскаго рода Нарышкиныхъ было одинаковое зло: въ огромныхъ селеніяхъ, гдѣ пахатныя поля тянулись на десятки верстъ, зажиточный крестьянинъ, а тѣмъ болѣе богатый въ барщинныхъ селеніяхъ часто и не несъ барщины или посылалъ на господскія работы мальчика и съ самой плохой лошадью; бѣдный крестьянинъ всегда съ изнуренной и, какъ говорится, грошовой лошаденкой, обработывалъ помѣщичьи поля соотвѣтственно и своему голоду, и своей лошаденкѣ съ приличной всему этому сбруей, и отъ того въ самыя хорошія уроси были у Нарышкиныхъ

плохіе урожаи. Въ оброчныхъ имѣніяхъ бѣднота, и часто безлошадная, не платила оброка, зажиточные крестьяне для пополненія душеваго оброка окладывались бо̀льшими повинностями противъ тѣхъ, съ кого нечего было взять. Слѣдовало рѣшить: какъ довести бѣдняка до исполненія своихъ повинностей сообразно и своей, и помѣщика выгодѣ, и какъ зажиточнаго отвратить отъ вреда, какому и самъ онъ повергался отъ излишнихъ въ оброчныхъ имѣніяхъ окладовъ, и наносилъ своими дешевыми покупками участка земли у бѣдняка, наймами его на свои работы за ничтожныя ссуды хлѣба и другихъ необходимыхъ бѣдняку потребностей. На эти вопросы уже былъ сдѣланъ на дѣлѣ отвѣтъ по управленію моему имѣніями бывшаго моего довѣрителя Льва Александровича Нарышкина, о чемъ уже было мной сказано, когда я говорилъ объ устройствѣ Тамбовскаго и Саратовскаго имѣній Льва Александровича. Итакъ, во всѣхъ имѣніяхъ Эммануила Дмитріевича рѣшено было мной: бѣдныхъ выселить въ особыя деревни, а зажиточныхъ оставить въ старыхъ селеніяхъ, и въ оброчныхъ селеніяхъ бѣдныхъ переселенцевъ въ новыхъ деревняхъ обратить на барщину, оказавъ имъ безплатно пособіе какъ въ устройствѣ ихъ помѣщеній, такъ и въ средствахъ къ обработкѣ собственныхъ и помѣщичьихъ полей. Уже въ имѣніяхъ Льва Александровича данъ былъ мной отвѣтъ, что разселенія дѣлаются по состояніямъ крестьянъ не только для пользы помѣщика, но и для возстановленія какъ вещественныхъ, такъ и нравственныхъ силъ крестьянина, и потому мнѣ не нужно уже было доказывать новому моему довѣрителю, совершенно согласному съ моими взглядами на устройство разстроенныхъ имѣній, пользу разселеній. Распорядитель имѣній съ всѣми правами своего довѣрителя долженъ себѣ дать отвѣтъ на свои мѣстные вопросы, что̀ дастъ помѣщику доходъ и что̀ дастъ крестьянину хлѣбъ, и по отвѣту своему устраивать имѣнія, но все-таки свои вопросы и отвѣты долженъ представить своему довѣрителю на разсмотрѣніе. Поля даютъ хлѣбъ—помѣщику на прожитокъ, крестьянину - для прокормленія себя съ семьей и частію на уплату разныхъ государственныхъ и своихъ общественныхъ повинностей, слѣдовательно, какъ доходъ, такъ и прокормленіе должно устроить такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Уже говорено было мной, что въ

большихъ селеніяхъ отъ 1 т. до 2 т. душъ поля были за 10, 12 и даже за 20 верстъ отъ селенія, и отъ того ходьба на работы, возка хлѣба въ гумна производилась вмѣсто одного дня нѣсколько дней и при томъ съ такими отъ потравъ, кражи, дурной уборки потерями, которыя трудно было и отвратить. Отвѣты мои были въ теченіе 10 лѣтъ приведены такъ: по Моршанскому имѣнію изъ 5-ти большихъ селеній, по предварительно составленнымъ планамъ, какъ для поселеній, такъ и для полей, устроено 22, а по Шацкому болѣе 30. Старыя селенія со всѣми своими безпорядочно разбросанными дворами, часто по колѣно въ грязи, были всѣ перестроены съ промежутками въ 10 саж. между двумя дворами и изъ топей выселены на возвышенныя мѣста. Поля около селеній были раздѣлены на двѣ половины, изъ которыхъ противъ усадьбы помѣщика одна половина — для 3-хъ полей помѣщика, а другая — для крестьянъ противъ ихъ дворовъ или за ихъ дворами, глядя по расположенію дворовъ. Не буду описывать барщинныхъ повинностей крестьянъ, которыя отбывались каждымъ тягломъ по 2 д. казенной мѣры для помѣщика и по 5 саж. на всѣ казенныя и общественныя повинности; отсылаю любопытнаго какъ по устройству усадьбъ, такъ и повинностей крестьянъ, къ описанію принадлежащей мнѣ деревни Нарядной, о чемъ говорилось въ началѣ этихъ записокъ. Скажу одно, что при устройствѣ барщинныхъ селеній было въ виду не великолѣпіе гуменныхъ построекъ, конторъ и другихъ къ хозяйству необходимостей. Всѣ необходимыя хозяйственныя постройки возводились спѣшно и безъ всякихъ денежныхъ расходовъ, вся забота была обращена на то, чтобы поля давали хлѣбъ и чтобы хлѣбъ поступилъ въ гумна тотчасъ по снятіи его съ корня, а отъ такого рода хозяйства и помѣщикъ съ деньгами, и крестьянинъ съ хлѣбомъ. Не умны тѣ такъ называемые агрономы, которые не понимаютъ желаній своихъ богатыхъ довѣрителей при самомъ разстройствѣ ихъ имѣній. Отцы Нарышкиныхъ и имъ подобныхъ, при громадныхъ жалованныхъ имъ, а не самими нажитыхъ, имѣніяхъ, жили, какъ въ древности Лукуллы, и все-таки еще оставляли долги; дѣти ихъ, при постепенномъ уменьшеніи имѣній отъ раздѣловъ, не хотѣли отказаться отъ того общественнаго положенія, которое наиболѣе

зависитъ отъ съѣздовъ, баловъ и другихъ проказъ, и потому-то такого рода барство не думаетъ о послѣдствіяхъ своего мотовства для ихъ дѣтей, оно хочетъ само насладиться жизнію и ждетъ изъ имѣній денегъ въ текущемъ году, а не отъ послѣдствій отъ тѣхъ заведеній, которыя приносятъ прибыль чрезъ нѣсколько лѣтъ. Вотъ отвѣтъ знаменитаго остряка и хлѣбосола Александра Львовича Нарышкина, когда ему было замѣчено, что отъ его роскошныхъ угощеній не останется его дѣтямъ ничего: «пусть они сами наживаютъ». Мой предшественникъ, подобно многимъ и иногда очень свѣдущимъ лицамъ, занимающимся честно управленіемъ чужими имѣніями, увлекался постройками или съ значительными расходами денегъ, или своими силами, отрывая ихъ въ самое необходимое время отъ сохи, косы, серпа, возки въ гумна хлѣба, и отъ такого хозяйства довелъ своего довѣрителя до такого положенія, что онъ вынужденъ былъ разстаться съ честнымъ Николаемъ Николаевичемъ фонъ-Штемпелемъ, а при неподвижности чрезъ мѣру тучнаго въ душѣ нѣмца и помѣшаннаго на барствѣ (особенно, жена его, урожденная Кожина), не видѣлъ, что хлѣбъ у него идетъ подъ зиму, и имѣніе его довѣрителя готовится подъ молотокъ.

Я уже испыталъ, что разселеніе крестьянъ во вновь заводимомъ селеніи, перестройка старыхъ селеній по планамъ съ опредѣленной усадьбой для каждаго семейства ведутъ къ ропоту, ослушаніямъ, оскорбительнымъ для преобразователя доносамъ со всѣми гадкими клеветами, но не испыталъ нападокъ отъ высшей губернской власти, т. е. губернаторовъ, въ имѣніи Эммануила Дмитріевича, и это было мной испытано. Дѣятельный, честный, свѣдущій, умный, до лишеній безкорыстный и врагъ всѣхъ взяточниковъ, Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ, въ одинъ годъ со мной прибывшій въ Тамбовскую губернію—онъ для громадныхъ занятій, я для ничтожныхъ по сравненію съ его занятіями, но съ одинаковымъ желаніемъ—исполнить свой долгъ честно, и этотъ во всей силѣ слова благородный человѣкъ едва не сдѣлался причиной перерыва всѣхъ моихъ по Тамбовскимъ имѣніямъ перемѣнъ и оставленія управленія всѣми имѣніями моего благороднаго довѣрителя. Вотъ исторія доносовъ на меня довѣрепныхъ, поповскихъ и крестьянскихъ, и послѣдствія ихъ.

Я разговариваю и очень долго разговариваю и потому нерѣдко могу повторить уже сказанное, а возвращаться къ справкамъ въ этихъ запискахъ о сказанномъ не имѣю охоты; слишкомъ въ 70 лѣтъ нѣтъ терпѣнія для справокъ и переправокъ.

Вотъ исторія моей моршанской славы и временнаго паденія въ кругу людей, которые руководились не своимъ жалкимъ умомъ, а болтовней подобныхъ пьяному и въ душѣ развратному гостиному и трактирному остряку Николаю Александровичу Х—ву. Не разъ замѣтимъ, что Гоголь списалъ своего Ноздрева — съ этого Х—ва.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатки.

Въ статьѣ „А. А. Котляревскій, какъ преподаватель“ замѣчены слѣдующія опечатки: на стран. 615-й 14-я стр. сверху: россійской — слѣдуетъ: Россійской; на 616-й 4-я стр. снизу: раздѣляется — слѣдуетъ: раздѣляла; на 618-й 13-я стр. снизу: чувствительностью — слѣдуетъ: чувственностью; на 619-й 2-я стр. сверху: личности — слѣдуетъ: личностей; на 621-й послѣдняя строка: и генерала — слѣдуетъ: у генерала; на 626-й 14-я стр. снизу: безобразій,— слѣдуетъ: безобразій, о; на 629-й 3-я стр. сверху: волненія — слѣдуетъ: волненій; на 630-й 12-я стр. снизу: 15 іюня — слѣдуетъ: 15 іюля.